
Россия, Русь! Храни себя, храни!

11-12
2013

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Путь земной. Стихи	3
Николай РАЧКОВ. Верните русскому деревню! Стихи	44
Юрий КУКСОВ. Мой лес... Стихи	143
Анна ПАВЛОВСКАЯ. Девочка увидит птицу. Стихи	150
Стихи поэтов России	182

ПРОЗА

Татьяна ГРИБАНОВА. Палыч. Рассказ	11
Юрий ПАХОМОВ. «Дырка». Повесть	48
Станислав ВТОРУШИН. Ах, зачем эта ночь... Рассказ	154
Степан ДЕРЕВЯНКО. Два рассказа	163

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Константин ГОРДЕЕВ. Без иллюзий	29
Андрей ИВАНОВ. «Голубой» фашизм	40
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	95
Владимир СМЫК. Операция «Трест Д.Е.» в действии	170

Евгений СУПЕР. Беспилотные «голуби мира»	177
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. Продолжение	189
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Цивилизация нелюдей	230

РУССКИЙ ВОПРОС

Александр ШУМСКИЙ. Хитромудрые...	208
Вениамин БАШЛАЧЁВ. О демографической эксплуатации русского народа	211
Иван ГЛАДИЛИН. Очередное предательство	217
Михаил АНДРЕЕВ. О терроризме «на бытовой почве»	223
Сергей ПРОСТАКОВ. Конфликт как следствие национальной политики	227

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

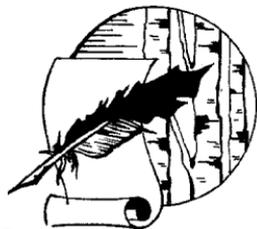
Василий БЕЛОВ. Тяжесть креста (Из воспоминаний о Василии Шукшине)	240
Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ. Баня Белова. Поэма	248

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	252
Владимир КРУПИН. Фатей. Памяти Фатея Яковлевича Шипунова	273

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Борис АБРАМОВ. Они боятся лишь смертной казни	279
Содержание журнала за 2013 год	284

Валерий ХАТЮШИН

Редакция и авторский коллектив «Молодой гвардии» поздравляют главного редактора журнала Валерия Васильевича Хатюшина с 65-летием.

Желаем ему новых творческих достижений, успехов в работе, отменного здоровья и победных свершений в нашей общей борьбе за Россию.

ПУТЬ ЗЕМНОЙ

* * *

Время лету прощаться с землёй.
Отцвело, отсыяло, отпело...
Неотступное время приспело
певчим птицам смешаться с зарёй,
улетая от нас на юга —
за турецкое жаркое море.
С нами вьюги, морозы, снега,
как с родными, обнимутся вскоре.
Мы, как прежде, полюбим метель,
мы певцов позабудем крылатых.
И зачем у реки на закатах
так тоскливо кричит коростель?..

* * *

В случайные минуты вечерней тишины
на сумрачное небо глаза устремлены.

Вся жизнь моя былая проходит предо мной,
безумная, шальная — весь горький путь земной.

Дорог моих ухабы прошедший век сокрыл.
Я вижу то, что помню, и то, что позабыл.

Пляжу на свод небесный, гляжу на жизнь свою,
на этот путь смертельный — и молча слёзы лью.

И всё ж бездонной далью глаза оживлены
в столь редкие минуты вечерней тишины.

БОЖИЙ ГЛАС

Распявшие Христа,
убившие царя...
1999 г.

Всё должно когда-то сбыться.
Русский царь — есть Божий глас.
Не отмыться вам, не скрыться.
Кровь его горит на вас.
Не уйдёте от ответа,
службу чёрную творя,
и расплатитесь за это,
вы, убившие царя.
Зреет грозное отмщенье,
приближая день и час.
Нет, не будет вам прощенья.
Кровь его — на всех на вас.

ТОЛЕРАНТНАЯ ЗОНА

Нас травят, взрывают и в тюрьмах гноят,
сжигают, стреляют и топят.
Нам в уши вливают покорности яд,
глуша еле слышимый ропот.
Абреки нас всех перерезать не прочь —
их тащат сюда кровососы.
Крапивное племя строчит день и ночь
доносы, доносы, доносы.
Для русских на свете не стало страны.
Мы здесь, в эпицентре распада, —
приблудные дети гражданской войны,
никчемное лишнее стадо.

Где властью обласкан любой аферист,
страна — толерантная зона.
Мы знаем: здесь каждый из нас — экстремист
и каждый из нас — вне закона.

ДНИ

Осеннее поле уныло и немо,
смотрю на деревьяев летящую медь,
смотрю на холодное низкое небо —
могу бесконечно на это смотреть.

Но русскому сердцу не будет покоя.
Мы в мире жестоком остались одни.
Я помню весёлое время иное,
я вижу безумные, зверские дни.

Смердит телящик скабрёжным показом,
изводит Россию кремлёвский дурдом,
столица затравлена чёрным «кавказом»
и зреет осмысленный русский погром.

ИХ ВРЕМЕНА

Либеральные иуды —
как враги в засаде.
Безголосые паскуды
блеют на эстраде.

От сердючки до собчачки
мерзость на экране,
полстраны, дрожа от ржачки,
млеет на диване.

Ржут дебилы до отключки
в умственном уродстве.
От собчачки до сердючки
все погрязли, как на случке,
в либеральном скотстве.

И рычит эфир, как цербер,
однородным сбродом,
тут и Познер, тут и Гербер,
тут и Веллер с Бродом.

Всё же харя у Сванидзе
с обезьяньей схожа.
Не дай бог, во сне приснится
этакая рожа.

Видно, долго ждать придётся
времена другие.
Хорошо у нас живётся
лишь врагам России.

ЗА РОССИЮ И ПРОТИВ НЕЁ

...Работа адовая
будет сделана и делается уже.
В. Маяковский

Каждый век был кровавым и грозным
для России и славы её.
Хакамада, Сванидзе и Гозман
знают подлое дело своё.

Наши беды смакуя злорадно,
Интернет русофобствует всласть,
трансвеститы гуляют парадно,
педерасты пролезли во власть.

По мозгам, по сердцам и по душам
телеящик стреляет в упор.
Либеральным враньём обездушен,
обыватель глотает позор

и балдеет в позоре бездонном...
Делом адовом облечены,
«Пусси Райт», Моисеев, Мадонна —
звёзды вражьих уродов страны.

Зычно бесы гогочут в эфире.
Облепило страну вороньё...
Да, мы все на войне в этом мире —
за Россию и против неё.

* * *

Заливают страну чернотой
интерзвери отъявленной масти,

либервотные тролли во власти
измываются над страной.

И плодит чернота черноту.
С властью троллей ее не убудет.
Мы вот-вот переступим черту,
за которой спасенья не будет.

Бьёт уже через край чернота,
всё пространство России накрыла.
...С вожделием чёрное рыло
за добычей следит из куста...

* * *

Сам себя судьбе доверю
и на плахе, и в тюрьме.
Просто верю, слишком верю
в свет живой в бездонной тьме.

Но тоски и слёз не спрячу
перед самым горьким сном —
каждый взгляд родной оплачу,
каждый куст в окне моём...

И душа с небесной тверди
в миг, когда от всех уйду,
разглядит в колодце смерти
жизни яркую звезду..

ПОЭТ

Бога об одной просил награде.
Ждал одной любви до седины.
Всё отдал, со всем расстался ради
высоты духовной глубины.

Этот свет сберёт в себе до гроба.
Были вопли недругов смешны —
не слышна была чужая злоба
в небесах духовной глубины.

Должен был и смог не оступиться,
встав на самом гребне крутизны,
чтобы не упасть и не разбиться
с высоты той самой глубины.

ЖИЗНЬ

Я жил на белом свете
во времена лихие,
родившийся для смерти,
как многие другие.

Пускай счастливым не был,
но был храним судьбою.
Что я искал под небом?
О чём мечтал с тоскою?

Искал любви высокой,
мечтал о русской силе
и с горечью глубокой
я думал о России.

В стихи, в дела и в мысли
уйдут земные годы,
на звёздном коромысле
души сомкнутся своды.

С бытийной круговерти
сойду без шумной тризны.
Родившийся для смерти,
умру для вечной жизни.

* * *

Макушка лета. Время золотое.
Им, словно детством, дорожит душа.
Идёшь в поля, в пристанище покоя,
и до заката бродишь не спеша.

Благоухают ароматом травы,
жужжат шмели, мелькают мотыльки...
От суеты и от недоброй славы
в полях спасаюсь, в парках, у реки...

Себе внушаю: помнить зла не надо.
Смотрю, как блещет алый небосклон.
Июльский вечер. Нежная прохлада.
И отдалённый колокольный звон...

ПРОВОДЫ

Только день прошёл, но помню смутно,
чем вчера я сердце утешал...
Было зябко мне и неудобно,
я в дорогу лето провожал.

И оно ушло бесповоротно
в непроглядный сумрачный туман.
И шумели сосны беззаботно,
и молчал небесный океан.

А сегодня вечер грустно-светел,
в парке пруд сияет, как стекло.
И никто, как будто, не заметил
то, что лето вновь от нас ушло...

* * *

Во власти скорого мороза
истает неприметный час:
в последний раз вздохнёт берёза,
и осень скроется от нас.
Лишь на мгновенье взгляд остудит
скупого утра полумгла.
И каждый с лёгкостью забудет,
какой она для нас была.
Забудем в сумрачной квартире
улыбку поздних хризантем...
Мы будем жить, как будто в мире
ее и не было совсем...

* * *

Вячеславу Душкину

Похолодало, друг, похолодало,
иссякли наши солнечные дни.
И мы уже не рвёмся, как бывало,
догнать заката яркие огни.

Похолодало, друг, похолодало.
В природе вечной так заведено.

И нет желанья жизнь начать сначала,
она другой не станет всё равно.

Похолодало, друг, похолодало.
Но время наше всё ж не истекло.
Мы сбережём во что бы то ни стало
души и глаз последнее тепло.

ГАГАРИН

Он был как бог, живущий на земле,
с небес улыбкой неземной одарен, —
как метеор, пронёсшийся во мгле
и озаривший все сердца, Гагарин.

Он должен был погибнуть точно бог
в родной стихии над землей родною,
чтоб из людей никто уже не смог
к себе любовью обладать такою.

В издательстве «Институт русской цивилизации» в серии «Русское сопротивление» вышла книга публицистики Валерия Хатюшина «Вехи окаянных лет». Во вопросу приобретения книги звонить: 8 (495) 605-08-58; 8 (495) 543-87-93.

ПАЛЫЧ

РАССКАЗ

Иду с православными, дышу воздухом Родины,
страдаю вместе с нею...

В. Крупин

Эта история запала в мою душу прошлой осенью, глубокой ночью, в вагоне поезда Орёл—Москва. Рассказчик её подсел в Мценске и вышел в Туле. Ни рассмотреть его, ни запомнить в полумраке вагона не было возможности. Да и какая необходимость?.. Правда, со временем зародилось и крепнет сожаление — не увидела его глаза. Легко представить, что скрывалось в их глубине.

Собеседник, с которым они толковали, называл его, кажется, Петром Филипповичем, или Филиппом Петровичем. Теперь это тоже не имеет значения.

Мне почему-то захотелось окрестить его Палычем. Сколько таких безвестных Палычей, обездоленных наших мужиков, бесследно сгнуло от безнадёги и беспросвета в задичалой российской глубинке...

Каждый раз при воспоминании о том бедолажном мужике щемит, ноет сердце долго и протяжно, словно мытарства Палыча — мои собственные. О таких горях-напастях, а, может, ещё и похлестче, в наши

ПРОЗА

дни могут поведать чуть ли не в каждой семье. И всякий раз — своя боль: занищали; нечем поднимать детей; сгорели по пьяни в собственном доме; сына посадили за разбой; изблудилась дочь.

Жутко! Потому, что это — наша действительность, норма сегодняшней жизни, грозящая полным вырождением. В какую пропасть идём? То, что в былые времена русского мужика сподвигло бы на бунт, заполонило повседневность, перестает шокировать. Неужто окончательно свыкнемся? Тогда — обречены!

Где-то далеко от Орловщины, аж в Казахстане, обустроился целинный посёлок «Степной». А может статься, ушлое время давно уже стёрло его со всевозможных карт, как не пощадило и само государство, в котором с великим энтузиазмом закладывали когда-то этот посёлок.

Палыч о том не ведаёт. О месте своего рождения знает лишь из кратких записей в документах да по скупым воспоминаниям горемычной своей матери Василисы, с радостью принявшей вербовку, а с нею — ворвавшуюся в её судьбу горечь целинной польны.

Той бурной весной на свою беду почувдилось ей, что наконец-таки, встретила она самого желанного. От него забрюхатела в первый же вербовочный год. А ему — распотешился — только бы гулеванить да куролесить. Стало быть, любовь его была таковская, недолговечная. То ли по доброте своей душевной, то ли от избытка любви, простила бабонька отцу своего дитяти его бесшабашность и беспечность... К чему затевать сыр-бор?

Простила и распрощалась, твёрдо усвоив его любимую блатную поговорку, которой он козырял и к месту, и не к месту: «Не верь, не бойся, не проси».

Василисе, разрешившейся в крошечную декабрьскую разметель в палаточной больничке, не достало мочи поднимать разом бескрайние целинные просторы и сынка Ванюшу. Недоношенного, хрупкого мальчишку записала по деду — Палыч.

...Появление её в Калиновке с нагуленным дитём никого не подивило. Дело обычное. То послевоенное десятилетие сподобилось породить столько безотцовщины, что даже сплетницы, стригущие языками с утра до вечера, Маронья с Кулёмихой — калиновское сарафанное радио, завидя с завалинки Василису, свернувшую в проулок к родимой хате с пожитками в парусиновом мешке, с пищущим кулём у груди, поприкусили языки, жалкуюше поздоровались, мол, с прибытием тебя, раскасатка.

То ли по причине утробной незрелости, то ли оттого, что папашка его принял немало на грудь в ту ночь, когда добился-таки красавицы Василисы, только рос Ванюшка тщедуш-

ным недоростухом, вечно хворым и сопливым. Одно согрело Василисину душу — хоть учился без понукания. Может, какая польза с того учения будет?

Окунувшись с головой в разор, в убогость быта, она вынуждена была с самого возвращения на долгие годы податься в почтарьки, на пять сёл кряду. Колготиться, сюзюкаться вокруг мальчика было недосуг. Опереться — не на кого. Выглотиться, выплакать свои тужилки тоже некому. Как говорится, без матушкиного благословеньица, без тятенькиного прощеньица. Без сородичей. Подачи от кого дожидаться?

Отец, чудом спасшийся из горящего танка в двухстах верстах от Берлина, вернувшийся ранней весной сорок пятого, не сдюжил и в голодную годину сорок седьмого умер от никак не желавших затягиваться ожогов. Надсаженная на тягловых работах мать расхворалась окончательно. Потеря мужа её доконала. И до того не была помощницей, а как не стало отца, и вовсе долго не задержалась, извелась, ушла следом.

Замуж сходить Василисе так ни разочку и не пофартило. Правда, когда Ванятке годика три было, не боле, прибился к ним из соседней деревни мужичонка, обездоленный войной горюн. Раскольцованный, жена с двумя малолетками ещё в сорок втором сгубла. Смирный, заботник. Степennyй. Характер — мёд. Привычный к крестьянскому ярму, гнувший спину сызмальства. Такой мог бы облегчить Василисину ношу, не заботиться, пройти с нею рядышком не только по торной стёжке, но и по любому омежью. И ухватилась, зацепилась за него, воспряла было Василиса. Но не успела она счастья своего бабьего отпить (на всё воля Божья!), как в пахоту на Волошках подорвался несбывшийся Ванюшкин отчим на дождавшейся своего часу противотанковой мине.

Больше постоянного мужика Василисе захомутать не удалось, ни один так и не зацепился за её надорванный подол. Правда, это не помешало ей, как судачили злые языки, «навалить» пятёрку погодок. Таких фортелей соседуски уже простить не могли. Одно дело — привезла с вербовки. И совсем другое — шкодноичать среди своих! Будь их воля — в тюрьму б искрошили, в мелкие кусочки.

Не одну бабу на деревне точил червчочок: «Ведь она ж, поскуднича, того гляди, чередой и мому не откажет!»

Взбеленились, разбушевались, шугали, мол, держись, Васька, от наших мужиков подальше! Чертыхались ей в спину, наплевались от души. А она, грешным делом, особо не побаивалась — ноль внимания, кило презрения. Залижет раны, сглотнёт слезу, не съёжится, не закручинится. Замкнёт рот, про-

глотит обиду. Хоть на час, а и мне счастье улыбалось! Попробуй, разберись, кого любила, кого как лекарство от любви принимала. Рада бы в рай, да грехи не пускают.

Так и топала, переваливаясь, словно утица, с боку на бок, вечно «чижёлая» почтальониха Василиса. А мальшня — дома. Пригнздилась друг к дружке, сгрудилась под приглядом владычествовавшего на худом сиротском подворье старшенького, Ванюшки. Подумать жутко: и как он только с теми вечно ненасытными кукушатами справлялся! Весь хозяйственный обиход на нём. Колготился с утра до ночи.

При своей болезности и щедедушности, при лихом бурьянном детстве было ему не в тягость закатить до материного прихода всеобщую постирушку, наловить плотвы на какую—никакую ушицу, поцыркать за титьки вечно не чёсанную, норовную козу Катерину. Худо-бедно, с пустой требухой, впроголодь, но исхитрились, выжили... Не жаловались и не обзлелись на белый свет.

Служба в армии не добавила Ивану росточку. Но коренатость не помешала окрепнуть физически. Что ржаной сноп — тугой, налитой.

Калиновка семидесятых — село немалое. Колхоз орденоносный. Хозяйство крепкое, на зависть соседям. Одних коров — четыре стада. За всем этим добром сколько глаз требуется! Два ветврача, а зоотехников — престарелый Никодимыч.

Демобилизовавшись, присоветовал сам себе Иван податься в сельхозтехникум. А куда ещё-то, коли надумал осесть на земле?... Да и по правде сказать, материнская несбыточная мечта о дворе, полном живности, передалась и сыну. Крепко втемяшилось в его голову из полуголодного детства матушкино воздыхание: «Корова на дворе — обед на столе».

Братья и сёстры помаленьку устраивались: кто работать, кто учиться. Василисе тут бы и вздохнуть, но, спровадив младшенькую Таиску в швейное, она вдруг возьми, да под Духов день и помри.

...Когда парень вернулся в родное хозяйство специалистом, да под пригляд получил три фермы, так уж стал прозываться не Василискиным Ванюшкой, а Иваном Павловичем. Спустя месяц пообвыклись и вовсе, по-свойски стали звать Палычем. Доярки сразу распознали: имеет в своём деле толк, колхозных коровок, что детей малых, с особым благоговением пестует, из кожи вон лезет. Иной хозяин такто и для своих не старается. Подшучивали, мол, наш Палыч языком зверей, трав да птиц владеет, замудрёнистый. Опять же — сердобольный, не облает, не обматюганит. Душаславянка — нараспашку.

Приглядела его Любашка Светлова. Да и Иван втюрился не на шутку. Всё, бывало, подле неё отирается. Как завидит девочку, дух у него перехватит, сердце засуматошится. Нравилось Ивану слушать, как звенит колокольчиком ее голос, как пересмеивается она с пастухом дедом Пупком, как убирается к дойке — поднимет руки пройтись гребешком по пшеничным, с неслушными золотистыми завитками у виска, волосам, подвяжет косынку — так и светится, так и лучится её никем ещё не измеренная душенька!

Разбутонила! Как же по такой не сохнуть?

Уж какой десяток годков по милости Божьей делит Палыч с Любашей кров, вперемежку горе и радость, а только никак он не может напиться ею. И никакое лихо не сможет его от Любушки, от лица её млажавого оторвать. Через всю жизнь пронёс свою первую любовь.

Так и жили.

А тут как-то — накрыли стол на ноябрьские. Первенец, Лёха, в клуб шмыгнул.

Затолковали о своём, житейском. Палыч налил по стопочке.

— С праздником, Любовь Тимофевна. Давай-ка с устатку.

— Нельзя мне, Ванюша, — покраснелась жена. — Тяжелая я.

— Золотко моё! Голубонька моя! Ну и разуважила, касатка, — Палыч аж поперхнулся, кинулся к жене. — Что же ты плачешь, глупая?

— Срам-то какой, Ванечка! Лёшка в рост пошёл, уж с девками хороводится, а мы всё туда ж, с люльками-пелёнками... Что делать-то станем, фельдшерница сказывает, мол, уж за два месяца? — плача и смеясь, засоветовала жена.

— И думать что плохого не моги! И напрасно ни меня, ни себя не кори! — прямо взвинулся Палыч, — в такие-то годы Господь посылает драгоценный подарок. Как не принять?

А Лёшка тоже, чего не ожидали, несказанно обрадовался, мол, уйду служить, вам скучать некогда будет. Сестрёнку заказал. Даже имя придумал — Алёнка, а по-домашнему — Ляля.

Хотел сестру — получил... До самой армии с нею тототшался, не хуже иной няньки.

Проводили его, как положено, всем селом. Сутки гуляли, на сборный на двух грузовиках прикатили.

Алёша ушёл в армию в мае девяносто четвёртого. А в декабре Палыч сначала услышал по радио, а потом и, нацепив очки, не раз перечитал в «Правде» указ Ельцина «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта». Душа заныла, захохотала, потеряла с той поры покой.

Палыч — мужик редкостной доброты, старался, как можно дольше, таить от Любушки, что Алёшку перебросили в район Моздока. Жене, потонувшей в хозяйстве, в заботе о маленькой дочери было не до политики. Вечером, подсев к телику, тут же засыпала.

Последнее письмо от сына пришло пятого декабря. Обычное письмо со службы: приветы близким, забота из дальней дали об их здоровье, расспросы о проделках Ляльки.

Палыч перехватывал почту, опасаясь недоброго. Жадно слушал вести с Кавказа.

А когда узнал, что двенадцатого декабря Моздокская группа у посёлка Долинский столкнулась с серьёзным сопротивлением, сердце отцовское дрогнуло. В два часа дня какой-то полевой командир со своей дикой артелью долбил впрямую по группировке, в которой находился его Лёшка. Шестеро убитых, тринадцать раненых.

Когда пришло сообщение, что тяжелораненый сын в лазарете и, вероятно, будет комиссован, скрытничать, таиться от Любушки не имело смысла... А она — ни сном, ни духом! Как гром среди ясного неба. Словно молния пронзила бедняжку. И пошла с того дня вся жизнь их сикось-накось.

Он дал жене выголоситься... Когда у нарыдавшейся Любушки не стало голоса и из её поминутно вздрагивающей груди стал выплёскиваться лишь стон, похожий на щенячье поскуливание, когда, высморкавшись в старое кухонное полотенце, она, наконец-таки, смиренно затихла на его душегрейке.

Два года сын валялся по лазаретам, санаториям и больницам. Наконец, кое-как подлатавшись, вернулся в Калиновку. Молодость, материнский уход и ласка брали своё. Даже устроился было в районе шоферить.

Через год женился на медсестричке Галинке. Всё бы ничего, но война не хотела его запросто так отпускать. Контузия дикими головными болями разламывала, разваливала на части не только его тело, но и саму его жизнь. С усиливающейся, накатывающей снежным комом слепотой мерк белый свет, безвозвратно рушились планы и мечты. И покатила его судьбинушка кубарем в невозвратную пропасть. Лёшку словно подменили.

Какой из хворого работник? «Зилок» пришлось оставить. Да и Галинка опасалась от такого рожать.

И Лёшка закис, как квашня, не устоял под ударом судьбы, запил, пустился во все тяжкие. Да так, что друзья-субустьельники приносили закоченного к порогу на руках, укладывали на коврик под дверь. Галина не впускала — нян-

чись с ним! Ещё оплеухами по пьяни наградит! Лёха молил: «Прости!» Галинка из-за двери: «Бог простит!», и — на засов.

Муж то бил себя в грудь, то становился ручным, как голубь, то снова кипятился, орал, мол, как смеешь, ёлы-палы, такая-растакая, героя забижать! И не было этому конца и края...

Изношенное Любушкино сердце отказывалось жить. Не было границ материнскому горю. Как не понять её? Под сердцем носила, холила, лелеяла кровиночку... Навалились на неё растреклятые хворобы, стали день ото дня терзать. И заслабела болезная. Казалось, мыкалась за гранью телесного. Всё, бывало, воздевает руки к небу, плачет да приговаривает: «Матушка Пречистая! До каких дней дожили?.. Для того ли мы, Ванечка, деток рожали?.. Хоть бы сжалился надо мной Господь, забрал поскорее, чтобы лиха такого не видать!»

Палыч поколдует-пошаманит, выходит её на какое-то время, а она снова недужит, сереет, завядает на глазах. А однажды (за нескончаемыми хлопотами Палыч не заметил) обнаружил вдруг, что из дома исчезли все зеркала.

Отыскав их в дальнем чулане, ошеломлённый, долго не мог подступить к жене. Наконец-таки, осмелился.

— Это зачем же ты с ними так-то сурово? — Палыч заглянул в оплавленное слезами, истерзанное бессонницей Любушкино лицо.

— А на кой они мне, коли покоя-счастья нету? И без них тошно! — построжела жена. Из глаз её сочился мутный, запредельно-вымученный свет, словно стоит она уже у рубежа неземного.

— Ладно, — погоревав, отставив зеркала подальше, чтоб ненароком не стукнуть, Палыч бормотал в пропахише махровой усы, толковал сам с собой. — Ладно... поправится Любушка, наладятся дела у Лёшки, глядишь, снова заулыбаются зеркала, тогда и вернём их на прежние места.

Но его надежды на семейный покой не только не оправдались, а с каждым днём безвозвратно гасли.

Как уж там получилось, Палыч не знал, только почувал он своим мужицким чутьём, что его беды перехлестнули через ореховую горожу, обрамлявшую их с Любушкой усадьбу, выплеснулись на улицу, а там уж пошло-поехало — потонули в напастях иного размаха — колхозных, губернских, всеобщих. Заколдованный круг.

Что случилось? А то и случилось: громадное российское хозяйство не устояло под дикими ветрами, перекаати-полем полетело, закувыркалось в неизвестность. И подкашивались на тех лютых ветрищах прежде всего никем не прикрытые луговые былиночки вроде Палыча и Любушки.

Калиновка — страна захолустная, заходила ходуном, заклокотала. Их прославленный колхоз вылетел в трубу, сдыхал прямо на глазах, как кобель подзаборный, и никто из районных, губернских «хозяйвов» не спешил ему на подмогу — пусть летит вверх тормашками. Некогда ворон считать, своё впору спасать. Мошенник на мошеннике сидел и мошенником погонял.

Озлобленный люд гудел, словно роёвня, а под шумок, в мутной водице, самые ловкие грели руки.

За долгие годы в хозяйстве Палыч привязался ко многим коровам. А как не полюбить-то? Почти все из них выходились под его опекой, с самой что ни наесть сосунковой поры, с молочного телячьего возраста.

Лет двадцать назад по утверждённой не понять кем резолюции постановили развести холмогорскую породу, мол, молочниц лучше холмогорок не сыскать. Ну, раз таковское дело, никому не доверяясь, отправился Палыч, светлая голова, на закупку. Бурёнок собственнично осматривал, подбирал стадо: чтоб каждая с широким задом, с большим выменем, со множеством тонких складок на шее, с не очень длинными тонкими рогами, окрашенными в тёмный цвет со светлыми вершинками, с широкими ноздрями. Опять же — стройная, высокая, чтобы соски не резались о траву, не пачкались в грязи.

По опыту, да по старому поверью знал, чем ниже кисточка хвоста, чем он тоньше, тем молочнее корова. Проверил уши: чем больше серы, тем выше жирность молока.

Но на всякий случай, за хороший магарыч, прикупил и десяток чистокровных, племенных симменталок. Стельных тёлоч. И не обмишурился. Именно они-то и прижились на Калиновских угодьях.

Узнав о продаже последнего стада, Палыч неделю не приходил домой ночевать, словно прощался с кем родным. Любушка понимала, не шумела.

А он, усталый, намученный душой, не чуя под собой стопудовых ног, бродил по ночной ферме, обходил корову за коровой.

Бурёнки секли хвостами, тянулись к хлебу. Довольно пофыркивали, шумно обнюхивали протянутое угощенье, слюнявили Палычевы ладони, деловито изловчась, смахивали мякиш зелёным от клевера языком.

Были у Палыча в каждом стаде и свои любимчики. Идёт мимо, не преминет им охапку сенца подкинуть, а то и корочку присоленную сбережёт.

Взять, к примеру, Милку. Первотёлка, а с разумением, со своим коровьим достоинством. Животинка небезответная. И

чистоплюйка, куда зря не ляжет, лучше стоймя передремлет, чем на навозе.

Палыч ломанул о колено добрый кусман хлеба, протянул корове.

— Дам и тебе, как не дать.

Милка застеснялась. Но всё же не устояла, вздрагивая ноздрями, обнюхалась, втянула кисло-ржаной запах и робко подхватила угощение.

— Не спеши, милая... Некуда больше торопиться... Осталось всего-то — ничего. Последний твой хлебушко. Ну, родная, не поминай лиха!.. Сукины дети!.. Это ж вам не маковое зёрнышко, не конопелина какая... Таковую кралю — в расход!.. Судного дня не бояться!.. Стало быть, пора и мне на покой. — Махнув с досады рукой, двинулся дальше.

То ли неожиданное ночное появление Палыча, то ли кислый аромат ржаного хлеба взволновал, перебудил всю ферму. Коровы оборачивались, мумукали в его сторону, звали поласкать, потолковать напоследок хоть об чём-нибудь.

Вон подняла голову Лыска. Палыч почесал ей за оттопыренным ухом, прижал к груди слюнявую морду. Корова перестала жевать, затаила дыхание. Животные, они ведь лучше нашего чуют.

Как остался Палыч не у дел, так уж и места себе не находил, словно в лихорадке. Всё не в духе. И по двору-то у него не ладилось: и руки не поднимались, и глаза-то ни на что не глядели. Даже к рюмочке пробовал прикладываться. Смотрится потайственно, огородами, чтоб Любашка не догляделась, в лавку, прикупит красненькую, «три топора», воротится домой, запрётся в укромном местечке, в чулане и чтоб в одиночку не употреблять, выставит Любушкино зеркало, чокнется с ним, мол, за всё хорошее, потом сидит, припоминая пережитое. И плачет... а отчего плачет, и сам не знает.

Подойдёт жена под дверь, приникнет трепетным слухом: жив курилка! Поставит обочь банку с огуречным рассолом и не станет тревожить — пусть отболит. Понимала: нужно время... А пил Иван Палыч всегда в меру. Тверёзей его и не сыскасть... И никогда не был малодушным.

...Меж тем догорели синие метели. А как пришло время после зимы хозяйских коров из хлевов на пастбища выпускать, так и не выдержал Палыч, сбежал из Любушкиного уюта, нанялся в пастухи, на пересменку с Серёгой Рохлиным.

— Не дело ты, Ваня, затеял, не дури! Остепенился бы, мало повкалывал? Бог с ней, с работой той, да и с колхозом тоже... не вернёшь ведь! Не тужи об нём, Ванечка! — зауговаривала жена.

— Какая с того радость? Не могу я дома! Сушая казнь! Тоска смертная! Что пёс на привязи. Живу — не пришей кобыле хвост, ещё чуток замешкаюсь, вовсе закисну или того хлеще — помру, и поминай, как звали!

— Не дай-то бог! — заахала Любушка.

День пасёт, другой дома, потом опять Серёгу сменяет. Коровок с полста, пяток теляток. А коз-овец кто ж считает? Они, прожоры, от стада ни на шаг, всё рядышком табунятся.

На Семик (и попас-то Палыч, всего ничего) заприметила Любушка, опять с её Иваном что-то неладное творится: из себя весь смурной такой, всё больше молчит, и с лица потемнел. Всплеснула руками: «Царица Небесная! Видать, опять что недоброе приключилось. Скрытничает, не хочет меня волновать, сердешный».

Пастух — в каждой хате, что и говорить, свой человек. Кому зря ведь кормилицу не доверишь. В старое время, да и поныне так водится, на деревне звали пастуха хлеба-соли откушать, старались ему угодить: накормить послаще, поллитровку поставить. Да и припасы чтоб первосортные, не абы как. Пир горой! А за обедом кто ж упустит о животинке своей потолковать, посоветоваться?

Нанимаясь в пастухи, Палыч прикидывал, что при деле некогда будет ему тосковать по своим колхозным бурёнкам, что на степном разгоне развеются его тяжёлые думы.

Всё бы ничего, но, увы! Надеялся-то он, надеялся, а получилось вон как! Бывало, уйдёт на коровники или к тырлам дальним ускачет, и когда до него какие слухи дойдут? А теперь деревня как на ладони. Чем дышит, чем живёт-может, как за кусок хлеба бьётся — всё пастуху известно. Пойдёт по улице своих подопечных собирать — всё увидит, всё узнает.

Любушка в душу к мужу не лезла, не привыкла, куда не звали, нос совать. Не хотела мухой назойливой прилипнуть, всё ожидала, может, Палыч сам откроется, что его так гнетёт, отчего так кручинится.

А муж всё больше замыкался.

Не стерпела Любовь Тимофеевна, подступилась издали.

— Что, Ваня, на деревне слыхать? Говорят, кум Петро расхворался?

— Как не расхвораться-то! — взорвался, будто этого впророса только и дожидался, Палыч. — На весь рынок старый дурень воет, щеку разнесло, с зубом кой день мается. Ни за что мужик пропадает. Съездил, чудо в перьях, называется, к зубнику. Ведь знал же, разиня, что заместо Устиныча никого не прислали. Как помер доктор, так хоть обкричись. Сама знаешь: в больничке — теснотища. А из лекарств — свищи

не свищи — одни градусники... Упросил, вроде, Петро хирурга, мол, всего-то делов — пять секунд, и готово. Тот выдрал, развороти-ил! Ить во всём сноровка требуется! Чудак-человек! Лучше б уж ко мне прибежал. Я б ему по-свойски, чистенько, справил, опять же обезболивающего знатную дозу не пожалел бы. Всё ж таки не чужой! А теперь что жа? Теперь, Любовь Тимофевна, расстарайся уж, загляни-ка, проведай кумовьёв, да под сараем пучок шалфею сними, накажи, чтоб Миколавна узвар в печи натомила, да чтоб подавала его своему курыбчику беспрестанно. Глядишь, полегчает.

Любушка тот час же спровадилась проведать болезного. А как вернулась, лица на ней нет, белая, что стена.

— Авдотья Парфёнова преставилась! — выпалила с порогу.

Присела к столу и, ещё не веря в случившееся, сбиваясь и утираясь кончиком передника, затолковала.

— На Вознесенье ж виделись! Радостная такая была... Зою свою дождалася... А тут — испустила дух!.. Дочка-то её давно к себе в город переманивала. Семёновна всё отнекивалась. А тут вдруг объявила, что решила, уж и пожитки бабам раздала, на кой ей в городской квартире чугулки да шайки?.. Сказывают, Зоя вчера с вечера прикатила. На «Скорой помощи». Она ведь фельдшеркой работает. Стало быть, упросила начальство мать перевезть... Ну, дак вот... сказывают, уж и вовсе Авдотья собралась, уж и гераньками Спиридонову с Максимовной одарила, и ката в корзинку увязала (как расстаться-то?), а как через порог переступила, тут и обмякла. Зоя — то, Зоя — сё, и аппараты нужные при ней, и лекарства всякие, а мать так и не отходила. Громадный инфаркт, мол. А я так думаю: просто старушка не пережила прощания с хатой своей, с местом насиженным... Уж и гроб подвезли... Зоя — никакая. Только и причитает, что ж, мол, ты упрячилась? Дура я, дура, что ж не настояла!.. Теперь убивайся, не убивайся, а Авдотьи нет...

Тут Палыча словно прорвало. Выложил жене всё (а кому ещё-то откроешься?), что его терзало, что таил. Видать, не стерпел, немоготу уж при его-то широте душевной.

— Позавчера пас я у Сивого овражка, по молодому березнячку, что на Химкином поле поднялся. Помнишь, какую картоху на нём растили? А теперь молочник да подлесок. Стадо разбрелось, не собрать, только хрум стоит. Слышу: залучает ктой-то с другого конца, подмогает. Смотрю: Демьян Филиппыч с псинкой. Добрейшая такая. За боровиками в Савин лес ныряли. Ничего, с десяток крепеньких на похлёбочку насбирали.

Перекурили со стариком, значит, потолковали. Самосадик у него забористый. Дак Филиппыч иногo не признаёт. Что, говорю, старожил, не в духе, квёлый? Ай что тревожит? Выглядит старик — рохля рохлей. Ну, так уж и годков сколь, древний, как трухлявый музейный ящер... Мялся он, стало быть, мялся, потом и прожамкал. Неделю назад, как раз Марья пенсию принесла, ворвались к нему среди ночи два бугая под мухой, пенсию, как есть, подчистую подобрали. Не погнушались, спёрли с божницы отложенное на смерть. А, уходя, пригрозили, мол, пикнешь кому, старикан, спалим вместе с хатой!

Обнаглели, даже следы не удосужились замести. Такой разбой у нас отродясь видом не видывали. Может, почудилось мужику, не хочет брать грех на душу, только в одном из бандюков признал Филиппыч Юрика, отпрыска нашего участкового. Дед брехуном ни в жисть не слыл... Поди, пожалуйста! Отопрутся ведь, сволочи, отмажутся!

— Ну, дак, Ваня, ещё Господь есть. Он этого бандюкам ни за какие коврижки не спустит... Ох, не впрок тебе это пастушество, Ванечка, вижу, не впрок! Я так кумекаю: посиживал бы дома, мене знал, крепче б спал.

— И что ты забубнила одно и то ж? Всё подле подола удержать хочешь. Покой! Покой! Будешь тут спокойным! Посмотри, что делается, разве может нормальный человек пройти мимо такой подлянки?..

Выгнал вчера стадо за околицу, мимо ферм направил, в Косую балку. Думаю, прогульнёмся, разведем, бывало, травища там к концу мая — что надо. Идём, значит, просёлком, коровы ж наученные, на обочину не шарохаются, а Зинкина первогодка, возьми да лызь в борщевик. Ну, думаю: сгубит вымя, пожётся растакая! Ломанулась она к фермам, видать, дух родной зачуяла, она ж из колхозных теляток.

Я бочком, бочком меж будильев и за ней. Борщевик, что лес мачтовый. Взял в полон Калиновку да и не только её одну. Вся округа под ним. А может, уже и пол-России. А трава эта, сама знаешь, первый знак запустения, задичания... погубили крестьянской... Срамотища!..

Выскочил я к фермам, так и обмер! Окна выдраны, ворота сняты, шифер с крыши разобран! Видать, Карпухины созорничали. Пьют, огород не садят, хозяйство расшикали. А пожрать, погулять — тут как тут. Шиферок-то с ферм за поллитра и скинули. Когда ж слямзить успели? Ума не приложу... Хозяина не стало, так что ж, круши-ломай?

— По правде говоря, оттого-то и Авдотья не съезжала, — вставила Любовь Тимофеевна. — Зоя ей, мол, хоть перезимуешь у меня. А старушка всё перечила: «К чему возвернусь? К разору?»

— Вот то-то и оно! А ты мне: «Полежи! Пчёлок послухай!» Рази ж тут улежишь спокойно? — разошёлся Палыч. — Не волнуйся, скоро и так стану баклуши бить. За неделю трёх коров стадо лишилося. Коли дальше так пойдёт, к Успенью все переведутся... А оно куда деваться-то? Рази ж осилят уход престарелые? Ни в жисть! Попробуй: смахни, высуши, уברי, сколь сил вбухай!.. А травы нынче — хоть закосись!

Любушка, завидя, как разгорячился её Ваня, решила отвлечь мужа от его горестей, свернуть по-быстренькому на другую тему.

— Давеча к Раисе за рецептом для теста ходила, пироги у неё пробовала — объеденье. Послезавтра настряпаю. Со щавелем, с грибами. Троица как-никак. Лёша с Галинкой обещались... Райка — баба-то не плохая, но слабина имеется — болтушка несусветная. А съехидствует — так ужалит. Ядовита и вредна. Порода ихняя вся таковская, ты же знаешь. Так ведь и её понять можно — Богом обижена: крокодилица-крокодилицей, всю жисть от неё мужики шарахались, как чёрт от ладана... Это надо ж, что выдумала поганка: Зинкина Валентина, мол, домой возвратулась... не одна, с дитём малым. Я ей толкую: «Мало ли как бывает».

Лучше б Любушка не затевала того разговора! Что варом ошпарила!

— В подоле, сказывает, принесла? — почернело и без того истёртое ветрами, прожаренное просёлочным зноем Иваново лицо. — А теперь не у одной мамки, не сомневайся, покою не будет. Чем девкам-то заниматься? Вдоль деревни по вечерам слоняться? Мух-гундосиков с безделья давить?.. Я вот, как мимо будки придорожной, мимо остановки, значит, на ночь стадо прогоняю, так молодёжь всё на лавочках трётся. А где ещё-то? раньше хоть в клуб на танцульки бегали. А как Колька, завклуб, от Маринки к городской сбежал, так и клуб затих. Кто ж на такие копейки заместо его сунется? Даже кино крутить некому. Хоть с тоски помирай! Ты же знаешь, Петька киномеханик прихватил жену, детей, в Москву на заработки подался. К брательнику. Павел-то ихний вроде б ничего устроился. При погонах, поди уж, майор, а то бери круче...

Вот ведь в Лёшкином классе сколько было! Двадцать пять? А теперь кто в Калиновке задержался? Витька с Васькой. Законченные пропойцы. Запухли, месяцами не просыхают, пол-литры сшибают, а земелька томится, заботливых рук дожидается, деревьями, бурьянами зарастает. Это в деревне работы нету? Когда ж такое было? На всех с добавкой, бери — не надорвись! Какому бы немцу наши угодыя —

разделал бы под орех все бугры-ямины. Они в своих европах жмутся друг к дружке. Каждый клочок плодородный берегут, не как-нибудь!

Палыч вдруг затих, взглянул на Любу, опомнился, отпрянул: нельзя её так-то тревожить.

— Говорят, к Сидоровне автолавка приехала. Стёпка ихний, ухарь-купец, приторговывает, своего не упустит. Ты бы заглянула, что ли. Как магазин прикрылся, и обновок не покупала. Сходила бы, может, чего для себя, для Ляльки присмотрела б. Правда, сказывают, мол, один Китай. Ну, дак куда теперь деваться? Хоть китайцы нам трусов настрочат, тапок нашлёпают. У нас, у самих, видать, кишка истончилась. Даже на это стали не способны. Подумать только: аж из заграницы (за тыщу вёрст!) в Российскую глубинку везут, втюхивают всякий никчёмный шурум-бурум, а мы здесь и тому рады...

— Я как раз на их рынок сбиралась. Творожку, молочка собрала, старушку проведать. Заодно и в Стёпкиных чувалах покопаюсь, может, что и прикуплю... Вчера Нюру Панину повстречала, сказывает, мол, сестра младшая с мужем гостюет. Подумывают, не въехать ли в заколоченную Парамонихину хату. Сами-то они то ли со Смоленщины, то ли с Тверской губернии. Жалуются: и там раздрай, и там Божий люд на произвол судьбы заброшен, — вздохнула Тимофеевна.

— А у нас им курорты, что ли? Ессентуки? Размечтались... Хлебнут и нашего, — заверил Палыч. — Арендатор, на что уж мужик крепкий, да и умишком не убогий, и тот подчистую разорился. Свояченица его, Клавдия Петровна, вчера, как корову спраживала, всё плакалась.

Тимофеевна притихла, а может, придремала под монотонное сердчание мужа. Он поднялся, на цыпочках двинулся к двери.

— Да не сплю я, Ваня, слова подбираю... Всё не могу собраться с духом, не знаю, как тебе и сказать. Больно ты всё к сердцу допускаешь.

— Да не томи уж, чего там! — настоял Палыч.

— Опять две девки с дальнбойщиками укатили. Сказывают, бабы видали, как с вечера они на большаке у остановки крутились. Уж третий день пошёл, а девок нет как нет. Упаси бог! Как бы худа какого не приключилось!.. С одиннадцатого классу... Авось, опомнятся!

— А ведь просил же я, уговаривал председателя, — вспылil Иван Палыч. — До школы семь вёрст. Автобуса так и не выделили, мол, зачем? На трассе любой подхватит. Вот девки

и разбаловались. То одна укатит на край света, то другая. Прямо со школьной скамьи — в блуд.

Из памяти Тимофеевны вынырнуло, как муж не находил себе места, как погано было у него на душе, когда под Сретенье с полудня разыгралась метель и Лялька не вернулась к обычному времени домой. Он тогда (ночь на дворе!) выхватил лыжи из чулана и отмахал, ног под собой не чуя, четырнадцать вёрст, туда и обратно. Сто потов пролил, зато и сам успокоился, и её обнадёжил. Всё, мол, с Лялькой в порядке. Сестра его, Катерина, не отпустила племянницу, пришла за ней в школу, увела домой. Да и слава богу! Мёрзла б девчонка на трассе в такой буран...

Ну, ничего, осталось чуток. Через неделю — экзамены, а там и выпускной у Ляльки не за горами... А вчера Лялька предупредила, что задержится на дне рождения Веры, закадычной её подруги. Палыч засопел было, но дозволил... Согласился, а сам накаляется с каждым часом, дёргается. Места себе не находит, успокоится, только когда дочка переступит родной порог.

Прихватив узелок, Любовь Тимофеевна собралась к Сидоровне. Палыч в углу двора колол дрова. Лето на подходе, а он словно к лютой стуже готовится, выстроил такую поленницу, на десять годов впрок.

— Пусть тюкает-занимается, глядишь, пыл спадёт, — воздела шепоть ко лбу, быстро и дробно закрестилась Тимофеевна. — Ты бы, Ванечка, к вечеру за рыбкой, что ли, сходил. Может, краснопёрок, а то подлещиков натаскаешь? — мягко присоветовала она мужу и скрылась за калиткой.

От небольшой усталости ли, от Любушкиной ласковости, чуть оттаяло его сердце и, выдернув из-под повети ореховые удочки, накопав банку из-под кильки жирнющих дождевиков, Палыч спустился под гору, в тальники.

Рыбалка в деревне — детская забава. Мужу побаловаться ею особо некогда. Поэтому на прудки Палыч отправлялся не часто.

Изведя в округе скот, перетаскав его тушами в столицу, Витька Груздев (а по-уличному — Груздь) добрался и до рыбы, до Калиновских прудков. Как уж он это дельце обтяпал, оприходовал, неизвестно, только у него, видите ли, теперь там частное хозяйство. Даже мальцов с удочками не допускает. Все телеграфные столбы и там и сям обклеил объявлениями, мол, за рыбой — не суйтесь, привлеку, поскольку моё, единичное.

Палыч, не в пример калиновским, плевать хотел на его бу-мажки и угрозы. Размышлял: «Спокон веку Калиновка со

своих прудков подлещиками кормилась. Ишь, отыскался! Откуда оно, его-то, взялось? Рази ж то воровство — с десяток краснопёрок? С таких-то водоёмов не убудет. А местным, мало-помалу — отрада какая, — ловись рыбка большая и очень большая!»

Но на этот раз подступиться к воде не удалось. По всему берегу — армейская колючка. «Ну, вражина! Змеишь подколотный! — начал закипать Палыч, — всё мало, оглоеду! Когда ж ты только нажрёшься? — и, заметив на противоположном берегу костёр, двинулся тростниками в обход. — Щас потолкуем!»

На въезде два чужака в камуфляжке, наймиты. Не зря хлеб с груздевой руки трескают, прикормлены. Душа — дерюжка. За копейку барскую живьём загрызут. На лужайке — козлик бывшего председателя, пара милицейских с мигалками, вездеходная бульдожина Груздя и чья-то крутая, жукастая, с затемнёнными стёклами невидаль.

Запах шашлыков. Смех молоденьких девчонок, пьяный гомон разгулеванившихся груздёвских гостей. Показалось, в предвечернем сумраке за ракитник метнулось Лялькино платье. Слева в груди прострелило. Не она ли?!

Отдышавшись, Палыч зашвырнул удочки в кусты, чуток поокочалывался и шаткой походкой, мол, по пьяни забрёл, направился к сторожевым псам, а на деле — поставить на место разгулявшуюся компанию, этого отгородившегося Груздя.

— Ребятки, вы бы, таво... поднесли б, старику в честь праздничка!

— Шёл бы ты, побирушка, поберёт бы шкуру! Не бомжевал бы! Ай с курсу сбился? — упёрся взглядом, набычился белобрый дурында. Громадный, со скуластой харей.

— Угостите за-ради Христа, погибаю! — не отставал Палыч, а сам косил взглядом на пировавших.

— Щас кобеля, ёшкин кот, спустим, он тебя угостит! — объявил охранник.

— Послушайте, люди добрые! Хоть стопарик поднесите, век за вас молиться стану! — не оплошал Палыч.

— Ты что, дед, совсем трёхнулся? Не вишь, каким людям докучаешь? — заважничал лупоглазый детина.

— А кой-то у вас тут гжует?

— Кто-кто? Конь в пальто! Вали отсюда!

— Не пущать?! Стало быть, я вам тут не в масть? Ну, шабаш! Развонялись! Здеся вам не отхожее место! Тошнит от вас, как от сортира засарайного... Не хошь деда уважить, как хошь. Ежели так — Гришку приведу! Авось я вас, гадючье отродье, разуважу!

— Напугал кобеля буханкой! Веди хоть Гришку, хоть Мишку, хоть Петьку с Васькой. Всем навалаем!

Раскипятившись, шустро снуя руками, Палыч лез в полумгле напрямки. Тальники хлестали его по бокам, по лицу. Взопрел, но боли не чувял. Только бы поскорее добраться до двора! И марш-броском обратно. Слов на ветер не привык кидать. Теперь уж — дело чести!

Вывел Гришку, подцепил за кольцо и, где трусцой, где бегом — скорей к омутку. Когда из темноты на сторожей зловеще двинулся бычина, те, обалдев от неожиданности, откинули вниз челюсти, прытко отскочили от ворот и давай улепётывать.

Гришка — дело плёвое — легонько, словно пушинки, поддел воротины рогами, расчистил путь Палычу, который всю дорогу бормотал без остановки: «Так их, Гришутка! Разнеси всю эту камарилью к чертям собачьим! Фон-бароны новоявленные! Кровопивцы!»

Бык, узрев огонь, заволновался, в глазах полыхнула свирепость, принял боевую стойку, так заревел, что девки с визгом юркнули в темень, слышно было, как посигали в пруд, забулькали и вразмашку, опрометью погребли на другой берег.

Меж тем смаковавшие шашлык растворили рты, остолбенели, но вскорости тоже не на шутку струхнули — засучили ногами, стрельнули врассыпную. Как сдуло.

Всхрапывая, косолапый, калошистый Груздь, не смотри, что толстогуз, квакнувшись о корягу, всё-таки прогалопировал до ближайших осокорей. Чертыхался, верещал:

— Что ж ты, гад, творишь? Доберусь — пришью собаку! В землю вгоню! Ну, ты и влип!.. За всё ответишь!

— Отвечу, отвечу! — мотнул рукой, словно отгоняя надоедлых мух, старик. — Сколь хошь, прохвост, отвечу!

Что происходило потом, трудно описать. Жуть! Бугай облюбывал красный автомобиль и крушил его. Груздевским гостям почудилось, что на них свалился страшный ночной кошмар. Они ревели от негодования, но приблизиться к Гришке никто не смел.

Наконец, окинув взглядом место побоища, Иван Палыч и Гришка остались удовлетворёнными — урон непоправимый. Кивнув бугаю, мол, на сегодня, кажись, хватит, Палыч выдернул из штанов ремень, подцепил его за Гришкино кольцо и мирно удалился восвояси.

У ворот они столкнулись с Лялькой. Аккурат в тот миг девчонка поворачивала вертушок.

— Отыскалась, гулёна?.. — Палыч сердито сверкнул глазами на дочь.

— А что случилось-то? — Лялька не ожидала такой встречи с отцом.

Палыч всегда баловал дочку. А тут, словно руки у отца чesались выдрать любимицу.

Тимофеевна, почуяв неладное, выскочила на крыльцо. Палыч молча привязал за сараем Гришку, так же молча прошёл в хату.

Открыл сундук, собрал смену белья. Несколько пачек папирос, карточку семейную, кой-какой документ.

У жены захолынуло сердце. Не понимая, что происходит, чувствуя, что муж куда-то сготапливается, Любушка, как парализованная, обмякла ногами. Насовала в холщовый мешочек троицких пирогов, подала Палычу. Тот запихал всё в свой походный тормосок и уселся на завалинку. Дождаться.

...Приехали спозаранку, только-только засочился рассвет, чтоб никуда не сбежал. А куда ему от Калиновки-то, от Любаши с Лялькой, от хаты родимой, от последних Зорек, Чернушек?... У них только и может заручиться поддержкой нашеньский мужик.

Вернулся через три года... С порога почуял в доме недоброе. Жена — старуха старухой. Лёшка ослеп окончательно. Правда, не пьёт. Спасибо Галинке. Свойственная нашим российским бабам жалостливость, а может, всё еще не погасшая любовь, удерживает её возле мужа-инвалида. Куда он без неё? Пропадёт ведь!

Лялька? А вот с ней настоящая беда. Институт ей не посветил. Откуда деньжищи?.. И за что только такая кара на материну голову? Закрутила всё-таки и её дочку придорожная куролесь. Как ни ломала руки, недоглядела разнесчастная Любушка, не удержала на короткой уздечке. Не минула и её дочку участь многих калиновских девчат. Укатила сначала вроде бы в Москву, а недавно видели её в Туле.

Не мог Иван Палыч панихиду по Лялькиной душе справить. Никак не мог... Заторопился за дочь в Тулу. А вдруг да посчастливится отцу, достанет сил сыскать и выдернуть дочь свою единственную из затянувшего её болота, вразумить... Как ни крути, всё в руках Божьих!

Помолюсь за него, чтобы дал Палычу Господь терпения.

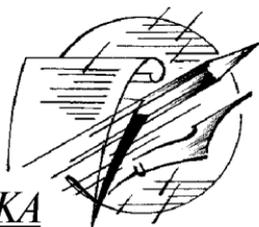
БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Претерпевший же до конца спасется.

Мф. 24:13

Те, кто управляет современным миром (даже не какое-то там «мировое правительство», а просто — вкупе «те, кто ...»), немало потрудились для того, чтобы мировосприятие современного человека утратило свою целостность, стало фрагментарным, мозаичным. Опять же — не о технологиях и «о том, как» идет речь, а о достигнутом результате. А он же по сути своей таков, что подавляющее большинство категорически разучилось восстанавливать реальность, искусственно разбитую на осколки, видеть общую картину происходящего, а не угадывать ее, домысливая выпавшие из виду пустоты по своему усмотрению. Фактически дело подошло к тому, что современный человек в очень значительной степени утратил способность исторического ориентирования и уже слабо понимает, где находится, что делает и зачем.

Вот пример из разряда самых примитивных — экономика. Процветает она в мире вообще, и в России в частности, или загибается? Недавно попалась заметка с соответствующей цифирью в

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

солидном издании со ссылкой на расчеты Всемирного Банка: «По объему ВВП Россия обогнала Германию и вышла на 5-е место в мире». И это при том, что в самой Германии осталось лишь 30% собственного промышленного потенциала, в РФ он вообще отсутствует, успешно ликвидированный «эффективными менеджерами» как таковой, а мировая финансовая система развалилась настолько, что держится исключительно волонтаризмом в интриге межкланового соперничества двух семейств глобального вояжа — Рокфеллеров и Ротшильдов — и полностью зависит от их причуд. Воистину, чудна математика в умелых руках!

Тем не менее, если почитать отзывы «простых россиян» в интернете, то очень многие считают, что «все хорошо, и мы победим». Ну да, ну да... Намыленный глаз выбирает только то, что ему более всего нравится. Ввиду этого кого интересуют дефицитные бюджеты, зашкаливающие государственные долги, банкротство целых государств, обличение высших должностных лиц по всему миру (а паче всего — российских, медвепутятовских), в утаивании средств в офшорах? Кто обращает внимание на зашкаливающий рост безработицы — в Испании, той же Германии, США?

Вот бывший министр Т. Голикова рассуждает о том, что 44% трудового населения России находятся «в тени» и не платят налогов. Кто что увидел в этой констатации? На самом деле ответственный чиновник администрации Путина назвал честную цифру **реальной** безработицы в государстве. Еще одна «фенечка»: за первые четыре месяца сего года закрылось почти полмиллиона малых предприятий, придавленных налогом, несообразным действительному положению дел в хозяйстве страны. Вот уж действительно, «прогрессирующее экономическое развитие», которому вовсе не стоит удивляться, когда не прячешь голову от факта, что растущие повсеместно бюджетные дефициты и, соответственно, ужесточающееся налогообложение являются четкими идентификаторами того, что никакие манипуляции с расчетом виртуального ВВП (совокупного внутреннего валового продукта) не заменяют его фактического и возрастающего дефицита.

Игра в наперстки, выступление Воланда, танец Каа перед бандерлогами, современный политико-экономический театр — все вместе и каждый по отдельности являются прекрасными иллюстрациями того, как расколотое, рассредоточенное внимание позволяет делать с манипулируемой жертвой все, что вздумается. А «вздумывается» «почему-то» всем всегда одно и то же — «схватить», т.е. уничтожить морально, финансово-экономически и, наконец, физически. Да так, чтобы пожираемые были довольны, благодарны и сами с песнями и славословиями о справедливости и демократии шли в пасть змею.

Итак, попробуем сбросить морок и определить свои исторические координаты. Ну, и опять же начнем с простого и очевидного — с экономики, т.е. с того, что легко проверить, выглянув в окно или, на худой конец, открыв новостные ленты и данные статистики. С этой точки зрения, можно уверенно констатировать, что глобализационный процесс завершен: сформирована единая мировая рыночная система, и дальнейшее ее расширение попросту невозможно. Это означает, что в целом уже сформированы общее транснациональное производство, единые (хоть и страдающие полиморфизмом) транснациональные финансы, общее транснациональное управление.

И нет в этом никакой конспирологии, т.е. так называемой «теории заговора». Если рынок, производство и финансы транснациональные, то *de facto* и управление всем этим (регулирование или администрирование — называйте, как хотите) тоже точно такое же. Так уж устроено на земле: кто платит, тот и заказывает музыку. И потому даже говорить-то смешно о том, что «национальные государства» управляют-ся «национальными правительствами».

Ничего такого последние даже и не думают делать. Расчистив каждый себе персональную делянку в системе, структурированной вокруг глобального капитала, они старательно эксплуатируют то, что урвали. Распродают местный ресурс (ископаемые, землю, энергию — т.е. все то, что имеет рыночную стоимость, включая население, которое постепенно замещается мигрантами и, теряя свою национальную и этническую идентичность, превращается в двуногую, прямоходящую биомассу, резерв для рационализации и склад биозапчастей), защищают захваченную дармовщинку от таких же ухарей-соседей и выплясывают свой «удавий танец», гипнотизируя родной, доверчивый, «управляемый электорат» с помощью слов, жестов и разного рода эксцентричных выкрутсов (или «приколов», говоря современным новоязом).

Из сказанного вытекают два вполне очевидных, если дать себе хоть немного труда задуматься, вывода. Во-первых, естественно, что глобализация в экономике, оборачивающаяся на поверку глобализацией в управлении, по сути, является и глобализацией власти. Нет, не той ширмочно-декоративной, оформленной в виде политических институтов, скрывающих за своим внешне привлекательным, демократическим фасадом жесткую диктатуру осатаневших меньшинств (хотя и куда ж без этого?!), а власти совершенно конкретной, принимающей и воплощающей в жизнь свои решения, ког-

да мысль отливается в слово, становится делом и непременно достигает результата.

И учитывая, что конкуренция в замкнутом социально-экономическом пространстве обязательно заканчивается монополией, можно также не сомневаться и в том, что финалом этой самой упомянутой глобализации власти должна стать, как минимум, предельная тираническая олигархия по типу «трех толстяков» (один толстяк — одна область хозяйства) или даже без каких бы то ни было оговорок полноценная диктатура «гегемона». (Те, кто не верит этому, могут проверить вывод самостоятельно, взяв в качестве аналогии «опытный образец» — экономическую глобализацию и посмотрев, как стремительно за последние полтора десятилетия сократилось количество лидирующих в своих отраслях транснациональных компаний (ТНК) и глобальных финансовых групп (ГФГ)).

А что такое есть глобальный монополист во власти? Ответ крайне неприятен — князь мира сего, с какой стороны (приземленной или мистической) на него ни посмотри. И хотя сегодня вовсе пока не известно, будет ли таковой явлен и коронован или предстанет, укрывшись в тени правящего клана и выдавая свою персональную волю под видом коллективных решений «комиссии, клуба, комитета, совета» и т.п., принципиального значения это не имеет. Тот, чья претензия на глобальное господство вот-вот подомнет и перестроит под себя человечество, делает (а возможно, уже и сделал) свои последние шаги к трону.

И здесь характерным и весьма любопытным является наблюдение того, как совершенно неосознанно мировые средства массовой информации отразили в своих публикациях надвигающиеся изменения в общественной формации. Враз заговорили о новом средневековье и новых «темных веках», подавая их, конечно, не без изрядной доли негатива. И это понятно: «демократия» и авторитаризм несовместны. Князю куда более соответствуют закрытые общества, кланы, цеха, касты, чем провозглашенные двести лет назад эгалитарность и либертарианство. А еще ... куда ж ему без бояр да баронов?

И вот, смотрите, национальные лидеры, как по мановению волшебной палочки, в статьях и видеоматериалах вдруг предстали самостоятельными фигурами, действующим в отрыве от своих наций. Сам себе Обама, сам себе Путин, сама себе Меркель, но... сами себе также и Медведев, и Кадыров. И это наблюдается в отношении каждого регионального лидера, достаточно сильного для того, чтобы громко заявить: «Моя территория! Крышу здесь!» Можно сказать, что на глазах актуализуется любимый лозунг феодала. Звучит восстребованно, вполне в духе времени.

Второй вывод из рассуждений о результатах глобализации состоит в том, что как единая финансово-экономическая система в конечном итоге ведет к социально-политическому реструктурированию и формированию новой тотальной властно-управленческой вертикали, так и совокупность всех названных изменений неизбежно и необратимо преобразует культуру, унифицируя, упрощая и приспособлявая ее к охранению устоев новой социальной формации. Культуру — значит, не только и не столько поддерживаемые принципы в развитии технологий и достижения искусств, но, прежде всего, господствующую религию (системное мировосприятие), нормы нравственности, общественную мораль.

Наблюдаем ли мы сегодня нечто подобное? Еще как! Общественная мораль объявлена релятивистской, т.е. «относительной», плавающей, без твердого, категорического определения добра и зла, хорошего и плохого. И за прошедшие четверть века такое представление о ней укоренилось, стало нормой в общественном сознании. А вслед этому в состоянии абсолюта был возведен принцип толерантности, под которым стала пониматься не христианская терпимость (т.е. снисходительность) к чужаковостям соседей, а жесткая диктатура нравственно извращенных меньшинств в отношении устоев большинства.

И к сегодняшнему дню в ранг социальных норм, переходящих в императивы (т.е. требования, обязательные к исполнению) оказались возведены всякого рода содомский разврат, целенаправленное разрушение семьи, детская и иная работорговля, превращение людей, по сути, в животных, используемых в качестве наделенных разумом автоматов для утилитарного использования по необходимости, инкубаторов для вынашивания потомства и ходячие хранилища резервных органов и полезных веществ для применения в медицине и косметологии.

Фактическую легализацию посредством нехитрых пропагандистских приемов в СМИ прошли людоедство, эвтанизия, «рациональное» использование праха умерших в качестве удобрения. Список, включая почти без прикрытия совершающиеся сатанинские ритуалы, можно продолжать. И дело даже не в том, что видео транслирует массам сцены насилия и жестокости в подробностях, а в том, что эти трансляции уже вызывают в обществе не отторжение, а любопытство. То, что еще вчера воспринималось как дикость, катастрофическое психическое отклонение, сегодня «пипл хава-

ет» практически без эмоций, по привычке, удивляясь лишь нюансам и деталям. А бывает и так, что с восторгом и одобрением.

Конечно, кто-нибудь тут же скажет, что это лишь одна сторона, характеризующая устои «нового мира», что есть еще патриарх, президент, Римский папа, которые из речи в речь говорят о «традиционных ценностях». А раз традиционных, то, значит, «нравственный закон» «не пал, а борется, доказывая свою приоритетность». И в пример приведет щедро профинансированные властными структурами лубочно-костюмированные спектакли: «храмы золотятся», «верующие толпятся», «казаки гарцуют, вертя нагайками и потряхивая лампасами».

Но и это кажущееся в своей инсценировке исключение лишь подтверждает правило. Если выйти за пределы игры, специально организованной для играющих и потому верящих в нее людей, то обнаружится, что упомянутые «ревнители традиционных ценностей» — например, «православный патриарх» и «православный президент» — понимают под ними не совсем то, что имеет в виду традиционная нравственность. В частности, и тот, и другой, ничуть не ломаясь, шаршатся по капищам других вер, находят их не менее богоносными, чем та, к которой, по принятому о них представлению, принадлежат, обнаруживают общего всевышнего, поклоняются чуждым святыням и даже утверждают, что нравственный закон у всех и на всех один. (Впрочем, справедливости ради, следует заметить, что сам о себе как о православном христианине президент никогда не говорил, упоминая лишь о том, что его «вера интимна», и он «верит в людей»).

Какие же в таком случае имеются в виду «общие ценности», роднящие между собой христианина, мусульманина, иудея, буддиста, индуиста, язычника, атеиста вкупе с оккультистами и сатанистами всех мастей? Ответ парадоксален, но вполне отвечает происходящему в мире и обществе в целом. Поскольку действительная общность отсутствует (ну, нет в ценностных системах перечисленных мировоззрений нравственного пересечения!), объединяющим их все вместе является признание частичности, неполноты, неабсолютности истины, которую выражает каждая из религиозных систем. Всё. Точка.

Другими словами, общим является принадлежность к чему-то более общему. И сразу становятся понятными и молитвы с кем ни попадая, и «единый всевышний», который в контексте сказанного приобретает совершенно зловещие очертания. Человек, декларирующий, что видит единую основу всех вер и религиозных ценностных систем, по факту

ставит себя превыше каждой из названных в отдельности. Т.е., по сути, речь идет о служении «божеству неназываемому» и подчинении ценностям, стоящим превыше тех, что в речах именуются «традиционными».

Так что с точки зрения «буквы», все разговоры о возрождении устоев представляют собой ложь, призванную затуманить и прикрыть собой очевидность того, что «новый мировой порядок» уже сформировал новую ценностную систему (и основы новой культуры!), которая, дабы не шокировать человечество, неподготовленное к открытию этого факта, лишь внешне напоминает ту, что существовала прежде в течение тысячелетий. Ну, а по духу...

Ну а по духу всё выглядит достаточно просто и впечатляюще. Кто бы что ни говорил, однако детьми Россия торгует, как сырьем. И вряд ли стоит считать случайностью то, что многие из проданных детей исчезают, и то, что западные усыновители предпочитают «брать на воспитание» тяжело больных, в том числе психически. Первое, что приходит на ум: российские дети закупаются преимущественно в качестве доноров внутренних органов. Отсюда и суммы денежных оборотов в этой сфере: прибыли заведомо окупают убытки.

И масштаб этого процесса впечатляющий: десятки тысяч человеческих — детских жизней. Выстроен целый конвейер по детоотъему, созданы целенаправленно работающие госструктуры. И, наконец, по-видимому, для интенсификации и облегчения процесса недавно был принят российский закон, разрешающий изъятие детских органов «на месте» (на экспорт, т.к. в самой стране не существует очереди на операции по трансплантации ввиду ее высокой стоимости, которая является запредельной для подавляющего большинства граждан).

Сатанизм, как госполитика «православного» светско-церковного руководства. Это одна сфера. Вот другая: власть, декларирующая «незыблемые социально-нравственные устои», на деле реализует программы по уничтожению основ существования большинства своих граждан: разрушает промышленность и сельское хозяйство, истощает ресурсы, ликвидирует массовое образование и здравоохранение, прекращает поддержку науки. Коренные жители страны безжалостно опускаются на дно и замещаются рабами со всего мира.

Декларируемые права и свободы, а также ценность человеческой жизни девальвируются катастрофическими темпами. Не за горами и тот день, когда «в силу тренда мировой культуры» вослед ювенальному террористическому бизнесу придет и геноцидное, откровенно безнравственное преобразование социальной структуры, полностью подчиненное со-

домитству. Примерно так, как это сегодня уже реализуется в целом ряде стран Европы.

Нужны ли еще какие-либо доказательства того, что настоящая культура современного общества (в т.ч. российско-го) никакого отношения к «традиционности» не имеет, а уже сейчас в точности соответствует сложившейся в результате глобализации социальной структуре, оформленной, как «новый мировой порядок» и, по сути, воплощающей сатанизм?

О «нашем поражении»

В прямой связи со сказанным выше находится систематически последовательная политика обезличивания людей, как по всему миру, так и в России. Когда человеческой личности для самораскрытия оставлено всего три поприща деятельности — демагогия, разврат и хищническое стяжательство ради потребительства, то, как ни поворачивай, называться человеческой сложившаяся социальная система не может. А уж тем более — «традиционной», «высоко моральной», «христианской и православной».

Она может объединять в себе кого угодно — нелюдей, полуживотных, переделанных киборгов и химер под управлением каких-нибудь «великих инквизиторов» или адептов зла и тьмы, дорвавшихся до власти в глобальном масштабе, — но никак не «человеков», т.е. тех, кто сохраняет в себе способность к личностному самобытию. К сожалению, процесс перерождения происходит незаметно, а успокаивающе обволакивающая магия слов «преобразователей общества» отвлекает от источника угрозы.

«Берите — не бойтесь! Внешнее внутреннему не повредит! Отказ от человеческого имени — не нравственный выбор! Угроза личности существует только в будущем!» — вот лишь малая толика идеологического яда, озвученная авторитетами и призванная нивелировать всяческое сопротивление. Да и, следует признаться, безответственность «счастливого рабства», мнимые комфорт и безопасность, купленные ценой добровольного отказа от «богоданной свободы» (вот еще одна любимая тема для демагогических спекуляций соблазнитель), для очень и очень многих выглядят весьма привлекательно.

Именно поэтому, оглядываясь назад, следует признать, что стратегической ошибкой многих, кто пытался и пытается противостоять утвердившемуся господству нелюдей-некрократов, является упорное желание видеть в облике их функционеров тех, за кого таковые себя стремятся выдать, но кем в

принципе не являются. Нет, конечно же, и трибуны богословских комиссий, и взаимодействие с депутатами Госдумы, и встречи с высокопоставленными путинскими чиновниками, и резонансные публикации в СМИ бесполезными не были. Во всяком случае — тактически, ибо порождали волну обсуждений, вынуждали глобализаторов и их сексотов искать новые, «гибкие», мотивации для оправдания своей деятельности, что оборачивалось для тех задержкой в реализации намеченных планов и спущенных директив и одновременно давало всем остальным некоторую отсрочку для принятия решения и самоопределения.

Но в целом ни к каким кардинальным последствиям все перечисленное выше политиканство привести не могло. Ибо как светская власть в России является всего лишь одной местной разновидностью управляющих структур глобального «нового порядка», так и религиозные лидеры всех оттенков и деноминаций (включая фаворитствующий в РФ Московский Патриархат) призваны обеспечить тотальный охват масс всеядной «новой духовностью», профанирующей, опошляющей и выхолащивающей всяческую святость за исключением единого поклонения безымянному и безликому «общему всевышнему».

Кто он? Гадать не приходится. По характеру деятельности и сути проповеди его жрецов — мамона. По силе, сопутствующей его торжеству в «новом мире», — «управитель» хаоса и разрушитель основ всего. Ну а по внутренней сути — князь мира сего, несущий своим воцарением человечеству экстатическое торжество разврата, мерзости и пороков, обожествление греха и окультуренную безнравственность. При развитем религиозном сознании его можно воспринимать как сущность, а при внутренней склонности «критически оценивать действительность» — видеть в нем сублимированное проявление коллективного бессознательного, некоего духа времени сего. Но отрицать нельзя, ибо он является сердцевиной, центром культурного содержимого «нового мирового порядка» и соответствующей ему социальной системы, основанием их дальнейшего структурирования и обеспечения целостности.

И именно поэтому безнадежной иллюзией было обращение к «церковной полноте», иерархия которой духовно, еще с советских времен, едина с глобализаторами, а с 1997 года совершенно официально дала добро на обезличивание следующей за собой паствы. Рассказывать ей, созидающей «новый порядок», о его катастрофичности и пагубности было и остается столь же бессмысленным, как и их светским колле-

гам: и те, и другие действуют по внутреннему осознанному выбору и в рамках спущенных им «сверху» (точнее, «снизу») инструкций. Проводимый курс социальных преобразований изменить таким образом в принципе невозможно, да и пространство для «как бы диалога» существует ровно настолько, насколько позволяют временные интервалы сроков, отмеренных для реализации трансформации и убеждения «народа Божьего» добровольно признать ее неизбежность и необходимость.

Ситуация же «борьбы изнутри», в которую, таким образом, оказались поставленными противники «обновленного мира», предполагает всего четыре результата развития: 1) полностью разрушить извращенную структуру, 2) возглавить ее и повести за собой в те границы, которые соответствовали ей прежде, 3) принять ее правила и окончательно подчиниться им и 4) оказаться выдвинутым за ее пределы. Вполне понятно, что, поскольку никого не устраивало первое и никем не ставилось целью второе, то подавляющее большинство протестующих против «превращения в безликую сущность» смирилось со своим будущим (охраняя свой душевный комфорт), а совсем малая часть наиболее стойких и непримиримых оказалась исторгнутой отовсюду. Вполне закономерный итог, который хотя бы перед самим собой следует признать как данность.

«Вихри враждебные»

Так что слова о Серафима (Роуза), прозвучавшие несколько десятилетий назад — «сегодня уже позже, чем мы думаем», — на данном этапе истории человечества явно устарели. Качественное изменение общества произошло, и большая часть евангельских предостережений (см., например, Мф. 24) исполнилась. Соответственно этому каждый вполне осознанно избрал ту сторону действительности, которую определил СЕБЕ наиболее подходящей.

В понятиях «Поэмы о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевского, «слабые» «позволили себе грех» и встали на сторону врагов рода человеческого. Не вставшие оказались изгнанными отовсюду, причем в первую очередь из организаций, называющих себя церквями и религиями. А отношение к вопросам, официально определяемым как внешние, касающимся сугубо общесоциальной, т.е. «внерелигиозной» жизни, стало камнем преткновения, разделившим верующих на «правильных» и «неправильных».

При этом «правильные» по факту признали и «новый порядок», и «общую нравственность», и «единого всевышнего»,

согласились с новым богослужением, приняли как должное частичность своей веры, ну и, соответственно, смирились с такими «частностями», как обезличивание и современный общественный уклад со всеми его «сатанинскими издержками». Как бы они ни лукавили перед самими собой, но, приходя к своим пастырям-глобализаторам и участвуя в проводимых теми мистических действиях, в душе они согласились с тем, что ради поддержания комфортной формы своего существования его содержательная часть им безразлична.

Ничто не дается даром. Все имеет цену. И за все приходится платить. Выбирая мир, теряешь небеса. Выбирая небеса, оказываешься сильно не в ладах с миром. Дается сохранившему и приумножившему и отнимается у отказавшегося. Большинство, сберегая покой, комфорт, безопасность, заплатило за них добровольным отказом от своей веры, своего имени, своей человеческой сущности. И все их отговорки об «особом пути», «вот-вот близком чудесном прорыве», о «воцарении царя» и «просветлении президента», о пророчествах «великого для них будущего» являются не более чем заговариванием их собственных зубов, попытками успокоить больную совесть. Ибо выбирая в жизни свой путь, мы изменяемся, а став другими, не в состоянии пройти по следам назад. Чем, например, может быть искуплено сознательное и осмысленное предательство?

Иным же, готовым защищать свои жизненные ценности, досталось бремя испытаний, лишений, борьбы. И победа в конечном итоге. Ибо вавилонская башня глобализаторов уже дала трещину и начала разрушаться со все возрастающей скоростью. И пройдет весьма и весьма малое время, когда все те блага, за которые первые отказались от своей человечности и забыли самих себя, исчезнут, рассыплются в пыль, обнаружив тщетность и бессмысленность содеянного, разрушенное прошлое и несуществующее будущее.

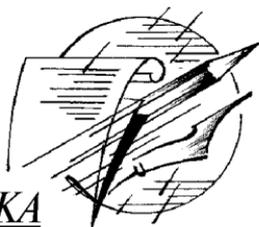
Впереди великая — и отнюдь не фантастическая, а вполне реальная — битва за будущее человечества против нелюди, строящей на земле некрократическое царство электронной нежити и переделанных неодоушевленных рабов-киборгов. На чью сторону в ней станешь, ту судьбу и разделишь. История завела общество именно в этот безальтернативный и беспромысленный тупик. И уже сегодня нельзя от нее ни уклониться, ни отступить. Ибо некуда. Ибо, чтобы спастись, оставлено только выстоять, претерпеть до конца.

Андрей ИВАНОВ,
доктор философских наук

«ГОЛУБОЙ» ФАШИЗМ

В свое время выдающийся государственный деятель Болгарии Георгий Димитров высказал очень правильную мысль, неоднократно подтверждавшуюся впоследствии: чем глубже становится кризис капитализма, тем сильнее он тяготеет к фашизму, т.е. насильственному навязыванию обществу каких-то откровенно ложных и разрушительных идей с изоцированной системой подавления всякого инакомыслия. Миру печально известен «коричневый» фашизм нацистского толка, однако сегодня вполне можно говорить о его новой разновидности с «голубым» окрасом, когда на смену культу нации, государства или религиозной общности приходит культ сексуальной вседозволенности. Тема эта заслуживает обстоятельных научных исследований и строгой аргументации, я же ограничусь здесь лишь тезисным указанием на зримые черты родового сходства, сколь бы на первый взгляд ни отличались друг от друга тот же неонацизм и гей-движение.

1) И здесь, и там мы видим, что агрессивное вожделеющее меньшинство силится навязать свою волю подавляющему большинству населения, используя

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

для этого всю мощь государственной машины. Просто в одном случае этим меньшинством являются определенные социальные, этнические или религиозные общности; а во втором — группа людей специфической сексуальной ориентации.

2) И здесь, и там, попираются научные знания и истинная культура, а ценностный мир выворачивается наизнанку, где зло выдается за добро, а патология за норму. Так, и нацисты, и лидеры гей-движений силятся запретить (а в пределе — уничтожить) какие-то классические образцы искусства и литературы, противоречащие их убеждениям; ввести цензуру в СМИ и сделать страх перед нарушением насильственно введенной нормы патологическим на уровне массового сознания. Сегодняшний запрет на словоупотребление слов «папа» и «мама», вводимый в ряде западных стран, до боли напоминает языковую цензуру в той же фашистской Германии. Попытки тотально переписать литературную классику в духе либеральной политкорректности мало чем отличаются от костров из книг на улицах третьего рейха.

Теперь о знании. Гёббельс заявлял, что «мировоззрение не имеет ничего общего со знанием. Чем больше обо всем знаний, тем — как это часто бывает — меньше решимость выступить в пользу определенного мировоззрения. Мировоззрение — это специфический взгляд на мир, предпосылкой его является подход к событиям под одним и тем же углом зрения». Точно так же и гей-движение хочет заставить всех смотреть на мир под его углом зрения и игнорирует факты научных исследований, доказывающих, например, разрушительное влияние однополый семьи на здоровье и психику ребенка. Кстати, нацистские боевики Рёма, впоследствии вырезанные Гитлером, были сплошь гомосексуальной ориентации. Так что фашиствующие крайности где-то сходятся и буквально. Они призывают под свои знамена откровенно маргинальные типажи, если вспомнить того же бесноватого фюрера.

3) И «коричневый» фашизм, мечтавший объединить нацию по крови и генам, и гей-движение, мечтающее «сплотить» все народы на почве толерантности ко всяким извращениям и патологиям, финансировались и финансируются крупным капиталом, прежде всего финансовым — подлинным хозяином современного западного мира. Для этой темной закулисы морально разложившийся и идейно деградировавший человек, одурманенный националистической или гей-пропагандой, — самый лакомый человеческий материал, которым легко манипулировать.

4) Фашизм в его «коричневой» и в «голубой» разновидности агрессивен по отношению к традиционным религиозным убеждениям и реанимирует оргиастические стороны языческих культов. Про нацистское неоязычество написано довольно много, но ведь и секс-меньшинства апеллируют к темным магическим практикам и традициям древности, типа храмовой проституции, кровосмесительных связей в правящих династиях Древнего Египта или распространению однополых связей в Древней Греции времен ее упадка.

И здесь, и там мы видим особое внимание к ритуальной практике, к массовым акциям, в ходе которых сознанием масс можно управлять максимально эффективно. Между фашистскими факельными маршами и массовыми гей-парадами дистанция совсем небольшого размера.

Поразительно сходство и в используемой символике, которая и здесь, и там основана на бесовском желании, с одной стороны, опереться на архетипическую мощь древних символов, а, с другой, максимально их извратить и опошлить. Нацизм использовал свастику — древний восточный знак ниспослания благодати, доньше почитаемый в индуистской и буддийской религиозных традициях; гей-сообщество цинично использует символ радуги, который традиционно сопрягается в христианском сознании с образом Богородицы, ее всеобъемлющим и сострадательным сердцем.

И здесь и там налицо жесткое языческое деление общества на своих и чужих; чистых и нечистых; «продвинутых» и ретроградов. И «коричневый», и «голубой» фашизм не может существовать без борьбы с внешним врагом, будь то коммунисты и евреи или же «гомофобы» и нормальная гетеросексуальная семья.

И здесь и там сначала шла борьба за права притесняемого меньшинства, а потом это обнаглевшее меньшинство агрессивно оседлало и подавило большинство.

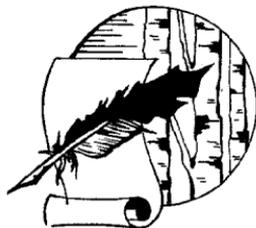
5) Навязывание «коричневой» и «голубой» фашистской мифологии стремится принять тотальный характер, т.е. осуществляться с первых шагов самосознания личности до ее старости. В гитлеровской Германии сознание детей обрабатывалось в рамках «дойчес юнгфольд» и «гитлерюгенда». Современное гей-сообщество от своего тоталитарного врага-брата не отстает: в гей-парады все активнее втягиваются малолетние. При фашизме самый большой процент членов НСДАП был среди учителей; именно в школы и в школьные программы в первую очередь силятся внедриться активисты секс-меньшинств и поборники сексуального «просвещения» малолетних.

Любопытно, что сегодня в Европе эти две равно порочных силы — неонацисты и секс-меньшинства (входящие в пеструю коалицию так называемых «антифашистов») — напрямую сталкиваются между собой на улицах и в подворотнях, ведомые одной и той же невидимой темной рукой. Бесовские крайности прекрасно подпитывают друг друга: разрушение традиционных культурных и семейных ценностей вызывает взрыв национализма и ксенофобии в странах Запада; а агрессивные акции неонацистов порождают ответную агрессию со стороны сексуальных и этно-либеральных меньшинств, а также протесты апологетов умирающей на глазах классической европейской демократии.

Управляемый социальный хаос, перевернутая пирамида ценностей и изломанная с детства психика — вот три кита, на которых только и может зиждиться олигархический фашизм, в объятия которого сползает современный Запад с какой-то ужасающей скоростью.

б) Родовая черта всех фашистских идеологий — ненависть к России и ее духовным традициям, как досоветского, так и советского периодов. И «коричневые», и «голубые» фашисты инстинктивно чувствуют в России бастион против их чело­веконенавистнических идей, ибо ее исконный дух соборности противостоит западному этно- и эгоцентризму, а также конкурентно-конфликтной политической ментальности; нестяжательство — ориентации на прибыль и обогащение любой ценой; софийное переживание божественной красоты и полноты мирового бытия — узкоутилитарному отношению к природе; идеал грядущего телесного и духовного преобразования человека — апологии сугубо земной и телесной личности, алчущей наслаждаться здесь и сейчас и сияющей любой ценой избежать страданий.

Понятно, что отечественный идеал, увы, пока бесконечно далек от эмпирической российской реальности, но то, что наше общество, по сути, единодушно отвергло сегодня «голубой» фашизм (а «коричневый» фашизм не принимался в России никогда!) делает нам честь и дает определенные надежды, что мы, наконец, вернемся, как говорил В.О. Ключевский, на «временно покинутую прямую историческую дорогу».

Николай РАЧКОВ

ВЕРНИТЕ РУССКОМУ ДЕРЕВНЮ!

* * *

Он без деревни станет тенью,
В тоске погибнет, во хмелю.
Верните русскому деревню! —
Кричу я небу и Кремлю.

Беда немислимая сгрудит,
Возьмёт Россию в оборот.
Единым без земли не будет
Землёю вскормленный народ.

Недаром, сытости не зная,
Клюёт деревню вороньё.
Она — душа его больная,
Верните русскому её.

Гнушаясь тягостной заботы,
Не зная адова труда,
Делите недра и заводы,
Делите даже города.

Перенесёт он перегрузки
И перетруски, но вовек
Не будет без деревни русским
Исконно русский человек.

* * *

Станет жизнь возвышенной и проще,
Станет ближе звёзд полночный круг,
Стоит полюбить вот эту рощу,
Этот одуванчиковый луг;

Эту церковь в маленьком селенье,
Эти волны грустного жнивья,
Этот мир,
Где Пушкин и Есенин
Слушали под вербой соловья.

Станет жизнь осмысленней и чище,
Как заря на утренней тропе.
Даже на угрюмом пепелище
Станет ближе Родина тебе.

* * *

Распад и разлад. Безнадёжная власть.
Мир пахнет и ложью, и кровью.
Чем душу лечить, чтоб совсем не пропасть?
Любовью. И только любовью...

Как выбрать во мгле нам единственный путь,
Не внять клевете и злословью?
Чем жизнь эту к свету скорей повернуть?
Любовью. И только любовью...

Когда удалимся от жизненных драм,
Поставят свечу к изголовью.
А с чем же нас, грешников, встретит Он там?
С любовью. Конечно — с любовью...

* * *

Проходит всё,
Как ветер за калиткой.
Ушла эпоха, и ушла страна.
Не утешай себя надеждой зыбкой,
Что возвратится, может быть, она.

Нет! Этот мир не знает повторенья.
Прощально исчезая день за днём,
Он весь ушёл
Как вариант творенья,
Скорей всего, в другое измеренье.

Ушёл туда, куда и мы уйдём.

* * *

Не устаёшь от простора,
Хоть от любви зарыдай...
Ты мой приют
И опора,
Великорусская даль!

Зори, рассветные зори!
Речки. Овраги. Леса.
Церковь на сельском угоре,
Белые гривы овса.

Светлая Родина! Чудо
Иконописных берёз.
Всею душой я отсюда,
Здесь я родился и рос.

Облако в лёгкой косынке
Тихо плывёт на ночлег.
Даже от тёплой пылинки
Не отрекусь я вовек.

Шепчет о чём-то осока.
Дышится вольно, легко.
И далеко здесь далёко,
И высоко-высоко...

* * *

Опять журавли отрыдали
И скрылись за кромкой зари.
О, эти бескрайние дали
Моей святорусской земли!

Здесь всё мне далёкое — близко.
Здесь всё изначально моё:
И скорбная грань обелиска,
Истлевшие щит и копье.

Здесь жажда и славы, и воли,
Победного духа замес!..

И поле, осеннее поле,
И лес мой, берёзовый лес.

* * *

Нет, я забыть то время не пытаюсь,
Картина эта дорога до слёз.
Вот бабы, меж собой перекликаясь,
Идут с граблями в лес на сенокос.

Идут и вместе, и поодиночке.
Я до сих пор их взгляды берегу.
На головах повязаны платочки,
Простые, как ромашки на лугу.

И старые, и молодые вдовы,
Хромает возле них седой бобыль.
За ними мы — Серёжки, Кольки, Вовы
Бежим, взбивая по дороге пыль.

Бежим за ними, лишь сверкают пятки,
И никому не грустно, никому.
И ничего, что на штанах заплатки,
Что и поесть-то нечего в дому.

А годы за плечами хороводят,
А я хочу в то время заглянуть,
Как наши мамы из села уходят...

И никого из них уж не вернуть.

* * *

И весело, и горемычно
Деревня много-много лет
Глядела из окна привычно
Во все глаза на белый свет...

...Иду по травам осторожно,
Зелёный стебелёк жуя.
Здесь можно и сквозь годы, можно
Учуять запахи жилья.

Как будто здесь, где избы были,
Ещё печной витает дым.
...Всех извели.
Всё истребили.
Дух Родины — неистребим.

«ДЫРКА»

ПОВЕСТЬ

Корабли-неудачники? Бывают. Вы напрасно удивляетесь. Я могу привести с десяток примеров. И дело не в командире или экипаже, люди меняются, а несчастья продолжают преследовать корабль. Иногда эта странная закономерность распространяется и на соединение кораблей...

Из разговора

В дивизион ремонтирующихся кораблей я тогда загремел по дурацкому поводу. Причиной послужил случай, происшедший со мной сразу после майских праздников. А было так: в воскресный день, с утра, я наладился в Мурманск немного встряхнуться. Облака раздуло ветерком, светило солнце, и корабли на рейде и у стенки, дома и домишки, карабкающиеся по скалам, вид имели праздничный, под стать моему приподнятому настроению.

Раньше я бывал в Мурманске только осенью или зимой: мрак, снежные заряды, чугунное небо. Нынешним же деньком город открылся мне в ином обличье: многоярусный, с каменными домами, широченными улицами и с особым, свойственным портовым городам, ритмом.

ПРОЗА

В шесть вечера я наскоро поужинал в ресторане, съел отлично приготовленную нельму, салат из свежих помидоров и вопреки обыкновению выпил бутылку кисловатого, с осадком пива. В североморском кинотеатре шел какой-то новый итальянский фильм, и нужно было поспеть, чтобы не промахнуться с билетами. День-то воскресный.

Я уже подходил к автобусной остановке, когда услышал окрик: «Товарищ лейтенант!» Лейтенантом я стал недавно и еще не привык к такому обращению, потому решил — не меня. Обернулся, когда за спиной забухали сапоги. Здоровенный солдат, догнав меня, цепко ухватил за плечо.

— Товарищ лейтенант, я шумлю, а вы не слушаете. К старшему патруля подойдите, вызывают.

Я повел плечом:

— А ты руки-то убери, служивый. Где твой старшой?

Солдат обиженно надул губы:

— Тамочки, за углом они. Я что? Мне как скажут. Была охота...

За углом меня и в самом деле поджидал маленький кривоногий капитан-артиллерист. Играя желваками, он хрипло спросил:

— Почему команды не выполняете, лейтенант? Сказано подойти, а вы? Соппротивление патрулю?

— Какое соппротивление? — удивился я.

— Молчать! Видать, залил глаза в ресторане, старших по званию не различаешь? А еще значок «Мастера спорта» нацепил. По литрболу, что ли?

По сути, я еще был гражданским человеком, и тон капитана мне не понравился.

— Ну, а грубить-то зачем, товарищ капитан? Я повода, насколько понимаю, не давал.

Артиллерист позеленел:

— Как? Юшенков, в машину его. Пусть в комендатуре разбираются с этим пижоном. О-о-т, публика!

В дежурной машине пахло табаком и гуталином. В зарешеченное окошко было видно: на одном из домов на ветру трепыхается транспарант: «Мурманчане, сделаем свой город городом коммунистического труда!»

Лица у капитана и двух солдат были напряжены, словно они везли опасного бандита. Ситуация складывалась совершенно идиотская, а главное, никому ничего не докажешь. Комендатура располагалась неподалеку от железнодорожного вокзала в деревянном барачного типа доме. Дежурный — круглолицый узкоглазый пехотный майор лениво спросил у капитана, разглядывая меня:

-
- Пьяный?
 - Выпивши. Грубость, сопротивлению патрулю.
 - Здесь какое-то недоразумение, — попытался вмешаться я.

Майор засмеялся:

— Недоразумение? От тебя на полметра выхлоп, артист. На гауптвахту его, пусть проспится.

Так я в первую неделю службы оказался на «губе».

В офицерской камере, узкой и длинной, как вагон, стояли две двухъярусные койки, стол, два табурета. На одном из них в углу сидел инженер-капитан-лейтенант. Когда я вошел, он приложил палец к губам и сердито цыкнул:

— Ти-хо!

На руке у него была намотана леска, тянувшаяся, насколько я мог разглядеть — в камере стоял полумрак, — к небольшому отверстию в плинтусе.

Капитан-лейтенант дернул за леску и расстроено покачал головой:

— Вы себе представить не можете, до чего хитрая тварь. Два раза срывалась. А теперь не клюет. У вас нет с собой подсолнечного масла?

— Масла? Нет. — Я с удивлением посмотрел на незнакомца: узкий, с горбинкой нос, черные, с каким-то странным блеском глаза, лягушачий, скривившийся в усмешке рот.

— Жаль. Грызунов очень привлекает запах подсолнечного масла. Позвольте представиться: Гелий Георгиевич Маркин. — Он стал спокойно, не спеша сматывать леску. — Сегодня охоты не будет. Не фартит. Располагайтесь, молодой человек, будьте как дома. Кстати, как вас зовут?

— Гена.

— И сколько вам впаяли?

— Не знаю.

— Какой вы нелюбознательный. А за что?

— Понятия не имею. Патруль привязался...

— Ясно, что ничего не ясно.

Маркин встал, подошел к двери, громко постучал, требуя начальника караула. Пришел интеллигентного вида, в очках, старший лейтенант, спросил устало:

— Гелий Георгиевич, ну что еще?

— Простите, мой сокамерник по какому поводу? Мне это как-то не безразлично. Вдруг он педераст?

— Успокойтесь, задержан в нетрезвом виде.

— И все?

— И все.

Маркин повернулся ко мне и, подмигнув, сказал:

— На нетрезвого вы не тянете. Ну да ладно, в жизни всякое бывает, дышите глубже. Самое страшное, что вам грозит, пять суток ареста. А за пять суток я расскажу вам грустную историю моей жизни и научу ловить крыс петлей. Тут их полно. А тараканов нет. Вы не знаете, почему здесь нет тараканов? Не знаете? Жаль. Я заинтересовался биологией насекомых, а подходящей литературы на гауптвахте нет. Зато есть весь набор уставов, «Блокнот агитатора» и журнал «Коммунист Вооруженных Сил». Как вам это нравится? Ясно: никак. Вас где взяли?

— На остановке автобуса. А что?

— А до этого, где были?

— Ужинал в ресторане.

— О, боже! И что вы ели?

— Жареную нельму.

— Нельмочку? Одобряю. Так, это рыба, горячая закуска. Дальше?

— Все.

— Все? — Маркин вскочил и возбужденно прошелся по камере, бормоча: — Черт знает, что вы себе позволяете. Почему вы не взяли шашлык по-карски? К нему же подается острый соус. А зелень? Несчастный, почему вы не взяли зелень? И кофе вы, конечно, тоже не пили?

— Не пил.

— Нет, вы просто ненормальный. Я из-за вас теперь спать не буду. Вы хоть имеете представление, как здесь кормят?

— Я неприхотлив в еде.

— В первый раз встречаю такого неинтересного человека.

— А вы здесь, извините, по какому поводу? — Меня стал раздражать тон Маркина.

Гелий Георгиевич многозначительно поджал губы и изрек:

— Находясь в состоянии аффекта, применил табельное оружие. На поражение.

— Вы убили человека?

— Да.

— И кого?

— Себя, юноша. — Маркин расхохотался. — Скажите, я похож на сумасшедшего?

— Не-е-ет. — Я не знал, как себя вести дальше.

— Ну, а я что говорю? До института Сербского не дойдет, хотя судебно-медицинской экспертизы мне не избежать. Вы умеете играть в «жмен»?

— В «жмен»? Нет.

— Жаль. Игральных карт, как вы понимаете, здесь нет, а то можно было бы перекинуться в «дурачка». Для серьезной

игры не хватает как минимум двух партнеров. Комендатура стала плохо работать. Поете?

— Нет, как-то...

— Правильно. Инструкцией запрещается в камере петь и играть на музыкальных инструментах. Хотел бы я знать, как сюда пронести, скажем, гобой. Однажды я сидел на плавучей гауптвахте в Таллине. Еще курсантом. Так там нары не убирались на день, потому что нельзя было убрать — обычный кубрик. Как только темнело, мы лазали в трюм, доставали матрацы и спали, как короли. Вам не приходилось сидеть на гарнизонной гауптвахте в Питере?

— Нет.

— Несчастный, вы много потеряли. Там в свое время сидел Лермонтов. Помните? «Сижу за решеткой в темнице сырой...» Михаил Юрьевич преувеличивал — вполне комфортабельное учреждение. У меня была персональная камера. Я думаю, пройдет время и на здании гауптвахты будет повешена мраморная доска с надписью: «Здесь много раз сидел Гелий Маркин. Люди, помяните его грешную душу!» Умеете показывать фокусы на спичках?

— Нет.

— Черт знает что! Где вы воспитывались? Ничего, я вас научу.

...В первый день я так устал от переживаний и болтовни Маркина, что уснул не раздеваясь. Проснулся под утро, долго не мог понять, где я нахожусь. За стеной ходил часовой, было слышно, как цокают его подкованные сапоги. В оконце, забранное решеткой, лился жидкий зеленоватый свет. Я лежал и думал, что происшедшее — расплата за то удивительное чувство свободы, которое я испытал, сев на самолет в Краснодаре. Даже с теткой толком не простился, не захотел, чтобы она пошла провожать. Галя в аэропорту не появилась, хотя наверняка знала, каким рейсом я улетаю, — билет мне по воинскому требованию в кассе Аэрофлота оформляла ее подружка Люба, они учились в одном классе. Люба и сообщила:

— Твоя на развод подала, знаешь?

— Догадываюсь.

— Она-то еще ничего. Родичи настояли.

— Ох уж эти родичи!

— А на Север зачем?

— Служить. Призвали на три года.

И в самолете, и потом в Москве, и в Североморске жило во мне необыкновенное ощущение свободы. Я и вел себя, как этакий буланый конек, даже взбрыкивал иногда. И все мне

на первых порах удавалось. В управлении кадров встретили хорошо, пообещали, что устроят в главной базе в спортивную роту или еще куда. Жить разместили на плавказарме, в отдельной каюте, и приятно было, насытая, слышать, как всплескивают волны, как по утрам на кораблях трубят зорю горнисты. И вот на тебе...

Укладываясь на скрипучую койку, Маркин вздохнул. История, произошедшая с ним, напоминала сценку из старинного водевиля. В понедельник к ним, в техническое управление флота, на семинар по марксистско-ленинской подготовке должен был прибыть проверяющий. Маркин, заступивший дежурным по управлению, намеревался просмотреть и обновить конспекты. Сунулся в портфель, а заветной тетрадки нет, в спешке забыл дома. Попросил, чтобы его подменили, и помчался домой — жил он в пяти минутах ходьбы от управления. Ему бы позвонить предварительно жене, как делал всегда, не позвонил — подвела интуиция. И когда открыл дверь своим ключом, сразу понял — не ко времени, у жены очередной «гость».

У Маркина что-то сдвинулось в голове, разом сошлись в одну точку и унижительный страх перед завтрашним семинаром, и тень, мелькнувшая за портьерой, и растеряннo-блудливые глаза жены, он выхватил пистолет, передернул затвор и выстрелил в потолок. Медленно, очень медленно, как в специальной киносъемке, падала с потолка штукатурка. «Гость» с перепугу сиганул со второго этажа в окно и едва не угодил на крышу патрульной милицейской машины. Последующие события происходили точно по плану: задержание, допрос в милиции и арест с содержанием на гарнизонной гауптвахте. Следователь военной прокуратуры в версию о «неосторожном обращении с оружием» не верил, хотя «гость» утверждал, что выпрыгнул в окно еще до выстрела, услышав щелчок проворачиваемого ключа.

Маркин вспомнил разговор с начальником управления. Гелий Георгиевич ерзал, сидя на кончике стула. Ему было неудобно и стыдно. Начальник управления инженер контр-адмирал тремя годами раньше окончил училище, знал его еще курсантом, они и внешне походили друг на друга: оба худые, сутулые, гривастые — только будущий адмирал успел краешком зацепить войну, и на его суконке одиноко поблескивала медаль «За боевые заслуги».

— Гелий, скажи, что мне с тобой делать? — Уже несколько обрызгшее лицо начальника управления порозовело. — Ну, на кой черт тебе понадобилось стрелять? Отвечай! Молчишь?

Ты же не пацан, под сорок, я недавно подписал представление о присвоении тебе очередного звания, в перспективе — новая серьезная должность... Ты хоть понимаешь, что мне тебя не отбить? Уже доложили командующему флотом, твой выстрел и в Москве слышали.

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь!

Контр-адмирал, подперев кулаком подбородок, некоторое время разглядывал Маркина, потом спросил:

— Гелий, может, у тебя беда какая? Чем могу, помогу, ты знаешь...

— Знаю, — эхом откликнулся Маркин.

«Я сейчас наложу в штаны, — с тоской подумал он. — Господи, как нехорошо»...

С годами шутство стало второй натурой Маркина, и все его выходки не обдумывались заранее, а возникали сами собой, как бы под влиянием некой непреодолимой и злой воли. И никто не знал, как тяжело ему носить маску шута и легкого человека. Даже наедине с самим собой он не решался снять маску и спал в ней, как крестоносец в кованом железном шлеме.

Началось это все с курсантской поры, когда, оказавшись среди незнакомых, ожесточенных войной парней, он впервые испытал страх и, чтобы перебить его, пискляво крикнул в строю на вечерней поверке: «Ку-ка-ре-ку!» И тотчас угодил на гауптвахту.

Чего он только потом не вытворял. Несколько раз его собирались отчислить из училища. Выручало то, что он отлично учился. Его побаивались преподаватели. Когда в конце лекции или практического занятия преподаватель интересовался, есть ли вопросы, Маркин неизменно тянул руку и спрашивал нечто такое, после чего преподаватель начинал пускать пузыри, сердиться. И тогда Гелий плелся к доске и, растягивая в улыбке лягушачий рот, упорно доказывал свою правоту.

Мог ли кто предположить в этом несуразном человеке нежную, ранимую душу? Конечно, нет.

Приключения свои Маркин настолько приукрашивал, что в устном изложении они приобретали совсем фантастический характер и ходили по училищу в виде анекдотов. Да и потом, перестарком каплеем, не мог он избавиться от этого наваждения...

Сейчас, наедине с самим собой, когда не нужно было играть странную свою роль — смешить, смеяться самому, рассказывать идиотские истории, Маркин с отчаянием думал,

отчего у него все так вышло? А ведь начинал службу он совсем не плохо. Если бы не карточка взысканий и поощрений, в которой разного цвета чернилами были изображены его художества, он выпустился бы из училища с золотой медалью. Диплом с отличием тоже неплохо. И направили его служить не на баржу-грязнуху, а на эскадренный миноносец. В служебной характеристике, вложенной в тощую папочку, — личное дело лейтенанта Маркина Г.Г., — значилось: «Любит море».

Наступил период, когда Маркин перестал хохмить. В это трудно поверить, но это так. Хохмить было некогда, да и не к лицу отличнику боевой и политической подготовки. Служба, что называется, пошла. Его эсминец поставили на капитальный ремонт в Кронштадте. Маркина назначили командиром боевой части на строящийся в Калининграде сторожевой корабль. Перед тем как отправиться к новому месту службы, ему предстояло отгулять отпуск. Он поехал в Ленинград, снял в гостинице «Октябрьская» номер «люкс» и предался доступным холостому флотскому офицеру развлечениям. Обход ресторанов и прочих значных мест на Васильевском острове обычно завершался танцевальным вечером в знаменитом Мраморном зале Дворца культуры имени Кирова. Там-то Маркин и встретил Анечку. Несколько лет судьба берегла его, держала в розовом тумане, пока однажды, вернувшись с моря, он не узнал, что жена ему неверна, путается с мичманами и даже с матросами срочной службы. Чтобы избежать скандала, гарнизонный женсовет предупредил его, пришлось срочно перевестись на Северный флот.

Если бы у них были дети, Аню не заносило бы так часто налево, впрочем, нимфомания — болезнь, это подтвердил и психиатр: «Вы психически здоровы, если такое понятие вообще существует, а с женой... с женой вам лучше разойтись, дальше будет хуже».

В этот момент Маркину стало жаль не жену с ее сконфуженно-блудливой улыбкой, а тестя, благообразного старца, снимающего кокетливый фартучек закройщика только перед сном. Когда-то он был модным портным, а после выхода на пенсию освоил изготовление морских офицерских фуражек, и в дом на Загородном проспекте зачастили флотские офицеры — этим старик забил последний гвоздь в крышку собственного гроба, ибо его дочь возбуждал исключительно личный состав Военно-Морского Флота.

«Впяjali» мне действительно пять суток, и я об этом нисколько не жалел. Кто-то из писателей сказал, что каждый

мужчина должен хотя бы неделю отсидеть в тюрьме. И он прав. Во всяком случае, после гауптвахты я чувствовал себя возмужавшим. К тому же пострадал я безвинно, и это обстоятельство придавало «отсидке» особую значимость. Маркин научил меня играть в «жмен», «слова», показывать фокусы со спичками.

С сокамерником я простился, как с близким другом. Вернувшись на плавказарму, я тщательно побрился и отправился в управление кадров — нужно было как-то объяснить свое исчезновение. На этот раз встретили меня менее любезно, направили к другому кадровику, капитану второго ранга. Сведения из комендатуры, как я понял, уже поступили. Кадровик — крупный, осанистый, с обрюзгшим лицом кивком указал мне на стул и брезгливо заметил, что призвали меня всего на три года, а я в первые же дни службы ухитрился надраться и попасть на гауптвахту. Спортсмен, мастер спорта и пьяница.

— Я вообще не пью, — пытался возразить я, — так, стакан пива.

— Хоть бы придумали что-нибудь пооригинальнее. Стакан пива! Как вы понимаете, о назначении вас в спортивную роту на тренерскую работу и речи быть не может. А местечко я вам подберу.. Отличное местечко! — И на лице кавторанга появилось мечтательное выражение.

Через несколько дней я получил предписание, в котором значилось, что для продолжения дальнейшей службы мне надлежит следовать в Северодвинск. Так я впервые узнал о существовании этого города.

К месту назначения я прибыл в субботу вечером. Последние три часа поезд медленно тащился по насыпи, напоминающей дамбу, по обе стороны тускло отсвечивали болота, за ними глухой стеной стояла тайга. Сосед по купе майор интендантской службы философски заметил: «Пейзажи здесь гнетущие... Порой звереешь». Майор подсел где-то уже за Мурманском, имея при себе тощий портфелишко, с каким чиновные пенсионеры ходят в баню, и пятилитровую канистру с пивом. Допив пиво, он сошел на каком-то полустанке, и перед тем, как исчезнуть в ночи, посоветовал мне прямо с вокзала отправиться в комендатуру и выбить квиток на место в гарнизонной гостинице.

В поезде меня не покидало ощущение, что я принимаю участие в каком-то авантюрном приключении, — так моя теперешняя жизнь не походила на ту, которой я еще жил недавно. Главное — появилась надежда на некий поворот в моей незадавшейся судьбе. На подъезде к Северодвинску пошел дождь. Сквозь водяную пыль размытыми штрихами проступал го-

род. Ветерком раздернуло водяные шторы, и в пространстве, наполненном желтым светом, мне явился бурый короб вокзала. Из обломка водосточной трубы, как из-под жеребца, пенной струей хлестала вода. «Пейзажи здесь действительно гнетущие», — согласился я, извлекая из ремней плащ-накидку. Вспомнив совет майора, первым делом зашел в комендатуру — благо располагалась она в пяти минутах ходьбы; дежурный, отметив предписание, без лишних слов выдал направление в гостиницу. Два тяжелых чемодана я догадался сдать в багаж, со мной была лишь спортивная сумка — только необходимое. Это облегчило мое положение, потому как автобуса я не дождался, а про такси в Северодвинске, наверное, и не слышали, к гарнизонной гостинице пришлось добираться пешком.

Дождь вконец распоясался, хлестал с каким-то остервенением. Мутные потоки низвергались по улице. Плащ-накидка оказалась мне велика, капюшон то и дело сваливался на нос, в ботинках хлопало. Гостиница занимала пятый этаж служебного дома. Как потом выяснилось, там размещались штаб и тыл военно-морской базы, пришлось проходить КПП с предъявлением документов. Дежурный по КПП, старший лейтенант, пояснил, что я могу занять любую свободную койку. Прошелся по коридору, пытаюсь найти горничную, не нашел, толкнулся в первую попавшуюся дверь и увидел человека в длинных, до колен, черных сатиновых трусах. Человек сидел на койке, перед ним на казенной тумбочке была разложена закуска: треска горячего копчения, плавленые сырки, банка шпрот, что-то еще. Посреди этого великолепия сиротливо стоял захватанный руками стакан. Бутылку он успел сунуть под подушку, видно было ее донышко, рядом на простыне, расплывалось темное пятно. Человек с немym изумлением взирал на меня. Ростом он был никак не меньше двух метров, весил добрый центнер и кулаками вполне мог бы забивать сваи в мерзлую поморскую землю. «Викинг» — первое, что пришло мне в голову. На грубом лице морского разбойника странно выглядели наивные светло-голубые глаза. «Викинг» уже прилично поддал.

Я поздоровался. Стараясь держаться прямо, человек прикрыл рот, попытался подняться, но, видимо, раздумал и громыхнул сидя:

— Здравия желаю, товарищ лейтенант! — И, звучно икнув, представился: — Мичман, самое. Загвоздин Захар. Отдыхаю, вот...

— У вас там течет, — я показал на пятно, принявшее уже форму дирижабля.

Мичман сунул лапищу под подушку и извлек бутылку.
— От е фо мать! Извиняйте. — И тут же предложил: — Не желаете?

— Спасибо, не пью.

— Что так?

— Язва, — с грустью пояснил я, хотя, по утверждению тетки Ефросиньи, мой желудок мог вполне переваривать гвозди. Мичман, как и тот кадровик в штабе флота, наверняка бы не поверил, что я не пью. Зачем осложнять жизнь?

— Вона что... — огорчился Загвоздин. — Плохо дело. А я было обрадовался. Одному-то худо. Не люблю один. Хоть воды себе в стакан плесните, поддержите компанию, и покушайте дак. Тут ведь ни буфета, ни хрена нет.

— Воды плесну. И от угощения не откажусь. С поезда.

Захар несколько лет прослужил на «точке», расположенной на острове в Белом море. Два года холостяковал, а потом женился. Чем Загвоздин занимался на этой самой «точке», я так и не понял, но островная жизнь ему нравилась.

— Грибы, охота, рыбалка. Остров в запретной зоне, никакого рыбнадзора. Личный состав — шесть человек. Двух кабанчиков держали, один черный, злой — мы его Чомбе звали, другой покрупнее, светлый — Васька. Мясо свое, овощ свой, рыбка, грибы и никакого начальства. Летом — на острове, зимой в поселке. Гарнизон небольшой. — Захар вздохнул. — Чем не жизнь? Да вот пришлось в Северодвинск перебираться. Согласился пойти боцманом на сторожевик, комнату пообещали. Дело знакомое, до «точки» я на эсминце «тридцатка бис» боцманил. Слышь, Геннадий Николаевич, а может, ты выпьешь чуток? Язву-то спиртом лечат.

— Воздержусь.

— Гляди, твое дело.

Перевод Загвоздина в Северодвинск, судя по скупым фразам, связан был с его женой Александрой. Видимо, не по вкусу пришлась ей островная и гарнизонная жизнь, вот и наехала на мужа — давай в город. В городе, оказавшись в гостинице в одиночестве, Загвоздин запил. А чтобы не мелькать в нетрезвом виде перед дежурным по КПП, провиантом и напитками запасся основательно. Мне этих продуктов хватило бы недели на две. Водку Захар пил исключительно кориандровую — страшное пойло цвета разбавленной мочи.

После водки Загвоздин мягчел, принимался рассказывать о рыбалке, охоте. Мне открылась такая незамутненная, такая светлая душа, что я только диву давался. А ведь Захару катило уже под сорок, и кое-что в жизни он, надо думать, повидал.

— Николаич, ты семгу дак едал?

— Разок, когда в Гремихе срочную служил. В военторговский магазин бочку завезли. У меня продавщица была знакомая, вот и отломилось.

— Разве то семга? Вот когда, самое, ее из сетки вынешь да в тузлук... Новоземельский голец тоже хорош. Пробовал?..

— Откуда? А ты и на Новой Земле был?

— Бывал, самое, как не бывать. Испытания обеспечивали. Вот житуха-то где! Спирту — залейся. Перед завтраком взял стакан, перед обедом еще... Спирт, он от радиации полезный...

Утром в понедельник я проснулся от треска будильника. Ему тотчас отозвался другой, затем третий. Они перекликались, как деревенские петухи. Комната была залита розовым светом. Окна, обои — все розовое. Напротив, смяв койку чугунной тяжестью, сидел Загвоздин — будто и не ложился. Водка в его стакане напоминала слабый раствор марганцовки. Стакан он все же не успел поднести ко рту.

— Стоп! — скомандовал я голосом рефери на ринге.

Загвоздин поперхнулся и ошалело уставился на меня.

— Чего, самое?

— А то, самое, что сегодня понедельник.

— Иди ты! Травишь, Николаич?

— Ты хоть какой нынче год помнишь?

Гостиница пробуждалась. Хлопали двери, зудели электробритвы, в коридоре шаркали шаги.

Мичман растерянно посмотрел на меня. Подкрашенная солнцем водка расплескивалась из стакана.

— Николаич, а чо делать-то теперь?

— А вот чо. — Я взял у него стакан и вылил водку в горшок с фикусом. По идее, листья фикуса должны были немедленно почернеть и свернуться. Но не тут-то было. В горшке, где-то в самой глубине, даже поощрительно булькнуло: мол, давай еще, родимый. — Иди, брейся, Захар, приводи себя в порядок. Я сейчас чай покрепче заварю.

После бритья и крепкого чая Загвоздин на удивление быстро протрезвел. В кителе с мичманскими погонами он выглядел весьма внушительно. Такой боцманюга мог украсить любой корабль.

Я тоже побрился, протер шею одеколоном, надел свежую рубашку. Новенькая форма хоть и была получена со склада — «трехгодичникам» не шьют в ателье на заказ, — сидела на мне неплохо. Признаюсь, я испытывал что-то вроде легкого мандража, как перед финальным боем. Я с трудом представлял себе службу в дивизионе ремонтирующихся кораблей и

вообще не понимал, что я буду там делать. Дежурный по КПП, на этот раз пожилой капитан с погонами интенданта, повертев в руке мое предписание, изрек: «А-а, это «хозяйство» Ручкова, на острове Ягры». Я похолодел. «На острове?» — «Какой это остров! Туда автобус ходит. Сядешь у почтамта на «пятёрку». Ориентир — судоремонтный завод, а там спросишь. Место известное», — и капитан как-то нехорошо усмехнулся.

С соседом по комнате мы простились у гостиницы. Захару предстояло следовать в порт, где стоял его корабль, а мне — в противоположную сторону.

— Ну, бывай здоров, Николаич. — Загвоздин протянул руку. — Повстречаемся дак, Северодвинск большая деревня.

— Счастливо тебе, Захар.

В воскресенье делать мне было нечего, и я обошел почти весь город. Дождь перестал, выглянуло солнце, и Северодвинск уже не казался таким мрачным. Центральная улица имени Ленина упиралась в искусственное озеро — затопленный карьер, откуда брали песок для строительства. На улице Ленина — кинотеатр, кафе «Юность», вполне современные магазины. Нестандартные, даже с некоторыми архитектурными излишествами дома окаймляли просторную площадь. Тотчас за каменными домами начинался деревянный город с палисадниками и скрипучими дощатыми тротуарами. Северодвинск мне, в общем, понравился. Не Гремиха.

Комары ярились вовсю. Напротив почтамта — сумрачного двухэтажного здания — был разбит чахлый сквер. Подошел автобус. Основная масса пассажиров, по-видимому, схлынула — час «пик» приходился на начало восьмого. В автобусе было довольно просторно, в основном пенсионеры, старички и старушки и люди, чью профессию по одежде определить трудно: рыбаки, странники, чернорабочие. Мне даже нашлось местечко на клейком дерматиновом сиденье.

На следующей остановке вошел высокий моряк — старшина первой статьи. Хорошо, если бы он тоже ехал на Ягры, тогда у него можно было спросить, как найти «хозяйство» Ручкова. Проскочив привокзальные улочки, автобус выкатил на шоссе. Минут через пять справа открылся залив: серый берег, серая вода, серые чайки. Показался мост, основательный, широкий, из бетона, а слева от него судоремонтный завод: высоченные башенные краны, огромный плавдок — на его черном борту большими белыми буквами было выведено: «Тише ход!» Рядом ржавые, в пятнах сурика рыболовные траулеры, сухогрузы, а дальше — хищные, крутобортые боевые корабли. Если справа от моста вода была светло-серой, то слева настолько темной, что, казалось, вся акватория

залита мазутом. Автобус притормозил у деревянной будки — там, должно быть, пассажиры пережидали непогоду, кондуктор, женщина с лицом скифской каменной бабы, объявила: «Конечная!». Моряк заторопился к выходу. Я окликнул его, он обернулся, с удивлением глянул на меня и, не скрывая досады, сказал:

— Слушаю вас, товарищ лейтенант.

— Извините, старшина, не подскажете, как пройти в со-единение Ручкова?

Широкое, смуглое, со сросшимися у переносицы бровями лицо старшины высветилось улыбкой:

— Могу даже проводить, если пойдем быстро. Времени — в обрез. Вам куда нужно? В штаб? Или на корабли? Корабли в заводе стоят.

— Скорее в штаб.

— Тогда пошли. Ничего, если я вас коротким путем пове-ду, напрямик? По шоссе долго. Только предупреждаю, до-рожка неважная. Как?

— Не имеет значения.

— Добро. — И старшина зашагал через пустырь. Я едва поспевал за ним. Слева, за серым бетонным забором, возвы-шались корпуса цехов судоремонтного завода.

— А вы служите у Ручкова?

— Вроде того.

— В штабе?

— Нет, мы в ремонте. Я старшина команды, боцман на малом противолодочном.

— В понедельник с утра разве есть увольнения? Я по срочной службе помню: понедельник — святой день, политзанятия.

— Верно! — старшина рассмеялся. — Это вы в точку: свя-той день. Я дома ночевал, у женки. Командир пускает, на сверхсрочную оформляюсь. А вы к комдиву по делам?

— Представиться. Служить в дивизион направили.

— Ну-у! — поразился старшина. — И кем, извините? На какую должность? В штабе только должность дивизионного механика свободна.

— Сам толком не знаю.

— После училища?

— Нет, институт закончил. Призвали на три года.

— Три года можно, время быстро летит.

Дорога и в самом деле оказалась неважной. У меня созда-лось впечатление, что мы пересекаем поле сражения: тут и там торчали столбы с обрывками колючей проволоки, между ними глубокие промоины, заполненные зеленой водой, щели, густо поросшие чертополохом.

— Здесь укрепрайон, что ли, был? — спросил я, едва не свалившись в яму.

— Зона.

— Что за зона?

— Лагерь стоял.

— Заключенных, что ли, содержали?

— Да уж не пионеров, — старшина улыбнулся. Ему шла улыбка, смуглое его, жестковатое лицо светлело, делалось симпатичнее.

Тропинка нырнула в заросли кустарника и минут через пять уперлась в покосившийся забор. Старшина раздвинул доски.

— Прощу, товарищ лейтенант. Извините, что я вас с черного хода. Может, когда и пригодится. За гвоздь только не зацепитесь.

Сразу за забором начиналась просторная площадка, напоминающая плац. Слева, метрах в трехстах, белел домик КПП, за ним вдоль площадки — ряд двухэтажных деревянных домов, справа, как бы замыкая площадку, стояли два точно таких же дома, за домами лепились какие-то унылые сооружения, над одним тянулась к небу закопченная труба.

— Ну, вот мы и дома, — сказал старшина. — Штаб вон в той двухэтажке, что с краю. А мне в казарму. Всего вам доброго, товарищ лейтенант.

Вблизи здание штаба выглядело еще менее привлекательно: выбеленный дождями сруб, пазы забиты паклей, отчего казалось, что стены шелушатся, как при болезни. К штабу вел сколоченный из бросового горбыля тротуар, рядом дыбились убранные в деревянный короб тепломагистраль. «А ведь напрасно я так рано приехал, — подумал я, ощущая сквозь подошвы упругость тротуара. В щели между досками напористо лезла трава, жесткая, точно отлитая из металла. — Сегодня понедельник, день политзанятий, в штабе наверняка никого нет».

Обитая войлоком дверь подалась, я миновал что-то вроде темных сеней. На первом этаже у тумбочки стоял дневальный, узкоглазый широколицый казах в синей, еще не стиральной робе. Он глянул на меня, неловко отдал честь, растерянно потоптался на месте.

— Как к начальству пройти? — спросил я.

— Второй этаж ходи, дежурный спрашивай. Я не знаю.

В комнате дежурного на подоконнике, поставив ноги на батарею парового отопления, сидел вихрастый, длинноносый, похожий на грача старший лейтенант.

-
- Разрешите?
- Разрешаю, — важно кивнул он и склонил голову набок. Сходство с хлопотливой птицей усилилось.
- Командование на месте, — неуверенно начал я, — мне бы представиться...
- Комдив, замкомдива, дивизионные специалисты на кораблях, проверяют организацию политзанятий. Часа через два им это надоест. А представиться по какому поводу?
- Как говорится: для дальнейшего продолжения службы.
- Надо же! — Дежурный с любопытством оглядел меня. — И в качестве кого?
- Физкультурника... Я не знаю, как точно называется должность.
- Вот это да! — восхитился старший лейтенант. — Ну, комдив обрадуется. У нас с физкультурой страшная напряженка, так что ты очень даже кстати. Слушай, зачем тебе здесь, в штабе, торчать? Совет хочешь?
- Я кивнул. Мне показалось, что длинноносый меня разгрызает.
- Отправляйся на пляж, погодка шепчет. Выкупайся, а к обеду подгробеешь. Как идти, знаешь?
- Нет.
- Сразу за штабом — тропинка. Десять минут и пляж. — Дежурный протянул руку. — Давай знакомиться, Носков Николай, командир «сто двадцать третьей» эмпэкашки, то бишь малого противолодочного корабля. В ремонте припухаю.
- Сотник Геннадий.
- Давай, Гена, жми. Лови солнышко, оно здесь лимитировано.

Тропинка затейливо кружила среди всякого железногохлама, мятых бочек из-под соляра, ржавых остовов грузовиков, пирамид труб от земснаряда. За свалкой — изодранные полосы колючего заграждения. Преодолевая пересеченную местность, я не заметил, как оказался среди дюн, поросших соснами. В распадке между дюнами проглядывалось море. Но не белое или там серое, а густо-синее, южное. Вот тебе и Ягры-Гагры. Может, название острова и возникло в голове залетного морехода в такой вот солнечный денек? За дюнами начинался пляж, ровный, как взлетная полоса. Стоял час отлива. Мне понадобилось пройти метров сто по колено в воде, чтобы убедиться, что глубина, где бы я мог поплавать, начинается за горизонтом. Я ополоснулся на мелководе, — водичка бодрила, от холода немели ноги, а потом долго отогревался, лежа на песке.

В начале двенадцатого я уже был в комнате дежурного.

— Комдив у себя, дуй, — напутствовал меня Носков, — в конце коридора обитая черным дерматином дверь. Там сейчас и замкомдива по политчасти. Полный букет.

Я миновал узкий коридор и постучал в дверь.

— Войдите!

Я вошел и увидел молодежавшего капитана второго ранга за письменным столом. Светлые волосы упали на лоб, и это придавало ему задорный вид. Наверное, это и был комдив Ручков. За приставным столиком в профиль ко мне разместился кудрявый большеголовый крепыш с погонами капитана третьего ранга. При моем появлении он не повернулся, а только скосил выпуклые блестящие глаза. В кабинете кроме сейфа и нескольких стульев, больше ничего не было.

Капитан второго ранга недовольно глянул на меня:

— Час от часу не легче! Вы из комендатуры, лейтенант?

— Нет.

— Нет? Уже хорошо. Ну и что в таком случае скажете? — лицо Ручкова выражало досаду. Он даже не пытался это скрыть.

Я сделал два шага вперед и четко, по уставу, представился.

— Как, как? — поразился Ручков. — И на какую должность вы прибыли для дальнейшего прохождения?

— Начальника по физкультуре и спорту дивизиона. Так, кажется.

— Кажется! — Ручков покачал головой. — Это издевательство. Нам позарез нужен дивизионный механик, а присылают физкультурника. Я уже думал, из комендатуры с очередным сюрпризом. Садитесь, лейтенант. Как ваша фамилия, я не разобрал.

— Сотник... Лейтенант Сотник, Геннадий Николаевич. Призван на три года.

— Ясно. — Комдив вздохнул и нажал кнопку звонка, укрепленную справа на стене. Вошел рассыльный. — Деркача ко мне.

Рассыльный скрылся, и минуты через три на пороге возник, как бы завис, подавшись вперед, маленький аккуратный мичман.

— Слушаю, товарищ командир. — Голос у него был спокойный и неожиданно звучный.

— Николай Николаевич, личное дело лейтенанта Сотника пришло?

— Так точно. Только что экспедиция была. Есть почта.

— Что-нибудь срочное?

— Нет. Доложу после обеда.

— Добро. А личное дело лейтенанта, пожалуйста, занесите.

— Есть! — Мичман, по-видимому, начальник секретной части, исчез, а я подумал, что кадровик подсуетился и отправил мое личное дело с первой же оказией. Что ж, так даже лучше.

— Значит, вы трехгодичник? — спросил Ручков.

— Да.

— А что заканчивали?

— Краснодарский пединститут, спортфак. Работал тренером в юношеской спортивной школе.

— Я и не знал, что спортсменов стали призывать. Врачи, инженеры — куда ни шло. Их всегда не хватает. Понятия не имею, что делать будете. У нас дивизион ремонтирующихся кораблей, личный состав в основном занят ремонтными работами. Да еще вахты, наряды. Какая физкультура? Матросы за день так накувыркаются, что спят без задних ног.

— Вы член партии? — влажным баритоном спросил кудрявый крепыш. При этом он повернул голову, и я даже вздрогнул: вся левая половина его лица представляла собой сплошную, бугристую, цвета сырого мяса родинку.

— Нет.

— Кх-м?!

Без стука, как особо доверенное лицо, вошел мичман Деркач, положил перед комдивом синюю тонкую папочку и исчез.

Замковдива по политчасти, а это был он, спросил, женат ли я. Я уже открыл рот, но тут Ручков поднял голову и удивленно спросил:

— Вы, спортсмен, мастер спорта, выпиваете? Ну и ну! Очень ценное приобретение! У нас тут, знаете, своих пьяниц сверх комплекта.

Я вдруг обиделся. Черт бы их всех побрал. И ведь ничего не докажешь. Одна нелепость неизбежно порождает другую. Замкнутый круг.

— Для ясности: я не пью. Можно сказать, совсем. Очень редко — стакан пива или вина, — с трудом сдерживаясь, сказал я. — Но ведь вы все равно не поверите, так что оправдываться не буду.

— А как это понимать? — Комдив извлек из папки карточку взысканий и поощрений. Он держал ее, как дохлую крысу за хвост. — Пять суток с содержанием на гауптвахте?

— А так и понимать, что никто даже не попытался разобраться в этой идиотской истории. Сунули на «губу» и припечатали: алкаш. Словом, как я понял, вам физкультурники не

нужны. К тому же пьющие. Так что отправляйте меня назад. Местечко в какой-нибудь дыре найдется.

Наверное, я сказал это с такой горечью, что комдив и замкомдива переглянулись.

— Дыре? — Ручков неожиданно рассмеялся. А обладатель сочного баритона, сбившись на скороговорку, зачистил:

— Ты что пылишь? Пылит он, понимаешь! Взрослый человек или как? Обижаться потом будешь. Сначала расскажи по пальцам. Что там и где. Не дураки, пойдем.

У замкомдива по политчасти, оказывается, было не только два лица, но и два голоса. Я перевел взгляд на комдива. Серые глаза смотрели внимательно. Он постучал пальцем по столешнице и сказал:

— Поясните, может, пойму.

Я взял себя в руки и спокойно, не вдаваясь в подробности, изложил мурманскую историю. Во время моего рассказа комдив не проронил ни слова, потом, отложив мое личное дело, спросил:

— По какой специальности вы служили на флоте срочную?

— Писарем в штабе бригады подводных лодок в Гремихе.

— В простом или секретном делопроизводстве?

— В простом. Приходилось и секретчика подменять.

— На машинке печатаете?

— Конечно.

Комдив нажал кнопку. Вошел рассыльный.

— Петрака ко мне.

Минуты через три явился капитан-лейтенант, плотный, грузноватый, совершенно лысый. Только у висков сохранились редкие кустики светлых волос.

— Илья Петрович, вот лейтенант Сотник Геннадий Николаевич прибыл спортом у нас командовать. Какой у нас спорт, ты знаешь. Так что назначаю его тебе в помощники, тем более, что он знаком с делопроизводством. Покажи ему, что надо... Одним словом — возьми под крыло.

Когда Петрак и лейтенант вышли, Ручков подумал: вот и еще одна нелепая история. Конечно, лейтенант не пьяница. Уж кого-кого, а пьяниц он повидал. Случай. И далеко не первый. Дивизион напоминал музей, где по чей-то недоброй воле были собраны люди с необычными судьбами. И его, Ручкова, судьба не исключение.

...В Ленинград он тогда вернулся после похорон матери. Перед отъездом сидели с отцом за бутылкой водки. Сидели молча, оступевшие от горя, суеты затянувшихся на двое суток поминок. Все уже осталось позади: сельское кладбище на

холме, где испокон века хоронили Ручковых, черная, смерзшаяся в комья земля, гроб, который мужики все никак не могли опустить в слишком узкую могилу, скудное морозное солнце, тонкий перезвон обледеневших веток берез. С весны кладбище тонула в зелени, а в конце октября было оно голо, неприглядно, и вид с холма открывался унылый — на серые, припорошенные снегом поля, изрезанные черными шрамами дорог.

На комодке рядом со стаканом водки, прикрытым ломтем зачерствевшего хлеба, мутно отсвечивала фотография матери. Мать умерла внезапно. Легла и не проснулась. Сердце. Отец был на совещании в райцентре. Ручков глядел на фотографию и все никак не мог припомнить, где и когда мать фотографировалась, и кофточка на ней была незнакомая. Отец помял ладонью лицо и тихо сказал:

— Я, Вовка, что-то перестал понимать...

— Ты о чем? — Ручков с удивлением покосился на отца. Тот, подперев кулаком кудлатую, в густой проседи голову, незряче глядел перед собой.

— Строгача мне в райкоме закатали с занесением... Предупредили: будешь артачиться — снимем. И ведь мужики-то нашенские, не залетные. Видно, самому пора уходить.

— Бать, ты почетче, пояснее можешь сказать?

— Почетче? — Отец усмехнулся. — Это у вас, у военных, все четко. Полный вперед, полный назад. Ты знаешь, я колхоз после войны поднимал, каждый клинышек земли вот где, — он постучал кулаком по груди. — Крепкое хозяйство, люди довольны, два ордена. И при Сталине из райкома команды давали, когда сеять, сколько урожая получить. Но они хоть меня не заставляли ананасы сажать!

— Какие ананасы? Чего городишь?

— А кукуруза что? Лучше? Она сроду в наших краях не росла. Или позабыл? У нас луга! Есть чем скотину кормить! А мне талдычут: сей кукурузу, королеву полей, мать ее... Слушай, ты к начальству-то поближе. Может, Хрущев того? Может, свихнулся на кукурузе? А мы под его дудку пляшем, как дурачки? Ведь это тот же культ, только раком вывернутый...

Не скажи отец тех горьких слов перед отъездом, Ручков наверняка сдержался бы, не выступил на партконференции, хотя давно в нем копился протест. Конференция катилась по привычному сценарию. Ораторы — профессора, доценты, слушатели академии — говорили солидно, без лишнего пафоса, и только один политотделец, сорвавшись на крик, вдруг возгласил здравицу дорожному Никите Сергеевичу Хрущеву.

Тогда-то и всплыло из зыбкого тумана перед Ручковым лицо отца с пустыми, точно мертвыми глазами, и он, капитан второго ранга Ручков, дважды получавший звание досрочно, орденосец, гордость факультета, мгновенно, по-командирски приняв решение, пошел к трибуне. Все, по крайней мере, большинство, ожидали, что умница Ручков деловым, спокойным выступлением снимет неловкость, вызванную верноподданничеством политотдельца. Ручков и говорил спокойно, но то, что он говорил, снарядами крупного калибра ложилось в зал, и люди, стыдясь себя, опускали головы. А когда прозвучали страшные слова: «...волюнтаризм, реставрация культа личности!», начальник политотдела, обморочно побледнев, заорал: «Молчать! Как вы смеете? Вы с ума сошли?»

Потом версия о психическом кризе, связанном со смертью матери, временной невменяемости Ручкова обрела официальный характер и позволила отчасти замять дело.

Несколько дней после конференции стояло затишье. Вокруг Ручкова образовалось что-то вроде невидимой зоны отчуждения. Общее мнение друзей было таково: донкихотство!

Как-то вечером, часов уже в десять, в дверь комнаты офицерского общежития, где жили Ручковы, постучали. Жена открыла. На пороге стоял адъютант начальника штаба Ленинградской военно-морской базы щеголеватый красавец, главный старшина Гриша Воронеж.

— Извиняйте, Светлана Васильевна, но мужа вашего я умыкну, — сказал Воронеж. — Дед до себя требует. Прямо сейчас. Я вас в машине подожду, Владимир Михайлович, — заключил он, едва заметно подмигнув Ручкову.

Гриша Воронеж был любимым адъютантом «Деда» — вице-адмирала Загоруйко Николая Платоновича. Наглец и хитрюга опекал адмирала, как наседка, и частенько от него зависело, когда начальник штаба примет посетителя.

У машины Воронеж взял Ручкова под руку и проникновенно сказал:

— Владимир Михайлович, Дед вас дюже любит, потому слушайте его, как батьку. Исполняйте. Кашу вы заварили крутую, можно и подавиться.

...Капитан первого ранга Загоруйко командовал на Балтике бригадой эсминцев, когда на один из кораблей прибыл лейтенант Ручков, окончивший училище с золотой медалью. Во время похода комбриг решил попытать юного вахтенного офицера по знанию морского театра. Офицер отвечал бойко и только в одном месте допустил ошибку, — речь шла об очень уж тонкой детали, кажется, о глубинах у ка-

кой-то безвестной банки. Загоруйко любил похвастаться своей памятью. На Балтике он воевал, да и после войны поплавал немало.

— Ошибка, лейтенант. — Комбриг миролюбиво похлопал вахтенного офицера по плечу, вполне удовлетворенный его ответами. Офицер между тем тона не принял и, нахмурившись, заметил:

— Простите, товарищ комбриг, но ошиблись вы. Я готов представить доказательства.

Загоруйко был крут, мог с маху обматерить, а в минуты особой ярости выбрасывал собственную фуражку за борт. Посему на корабле, где командир бригады держал флаг, всегда имелся комплект головных уборов нужного размера. На этот раз комбриг как-то по-детски обиделся.

— Видал? — сказал он командиру. — Доказательства мне готов представить, сопляк! — И заорал, дергая щекой: — Лотою тащи, вашу мать в три винта!

Командир, многообещающе глянув на лейтенанта, принес лоцию, раскрыл на нужной странице, и там обнаружилась вклеечка с изменениями, написанными тонким штурманским почерком.

Загоруйко крикнул и с печалью в голосе произнес:

— Вот, курва, старею должно... Промашку дал.

С той поры и запомнил он строптивного лейтенанта, зашел тот в памяти. Ручков получил прозвище Умник, при случае комбриг драл любимчика с особым удовольствием, но и двигал с утроенной скоростью. Через несколько лет золотой медалист стал одним из самых молодых командиров на Балтике. Комбриг к тому времени получил адмиральские звезды, пересел в кресло заместителя командующим флотом, а оттуда, чем-то не угодив главному, был отправлен в почетную ссылку в светлый град Петра, но и там не забыл о крестнике, тогда уже слушателе Военно-морской академии.

В этот поздний час в Адмиралтействе было тихо и несколько даже жутковато. Часовой у входа отдал честь, документы проверять не стал, был предупрежден. Ручков, сопровождаемый Воронцом, поднялся по великолепной белой лестнице. Ковровая дорожка заглушала шаги. Вице-адмирал сидел за столом в огромном, напоминающем зал кабинете. Шелковые шторы на окна задернуты. Полусвет.

Загоруйко потоптался у стола, видимо, надевая штиблеты, хмуро бросил:

— Гришка, домой!

— Но, товарищ адмирал...

— Никаких «но»! Мне надоело с твоей бабой объясняться. А то она думает, что мы с тобой налево дергаем. Проходи, Владимир Михайлович, садись.

Вид у вице-адмирала был мрачный. Избалованный адъютант, изучивший начальника, не решился перечить и исчез.

Загоруйко прошелся по кабинету, волоча за собой согнутую тень:

— Дураком я тебя, Володя, назвать никак не могу, — глухо сказал он. — Потому как ты совсем не дурак. И не верю, что ты на конференции глупость сморозил. — Вице-адмирал, подражая чьему-то голосу, визгливо продолжил: — «В состоянии аффекта...» К-курва! — Он грохнул кулаком по столу. — Не знаешь, что сказать, кругом дипломатия, делаем одно, говорим другое, поступаем по-третьему.

Загоруйко подошел к зеркалу в белой с золотом резной раме, внимательно посмотрел на себя и вдруг плюнул на свое отражение. Стравив таким образом пар, вице-адмирал заговорил спокойно:

— Из академии тебя отчислят. Прими с достоинством. Пошлют на Север грехи замаливать. Соберись, Володя, через годик-полтора, если не сгоришь, я тебя выгашу доучиваться. Ясно?

— Ясно.

— Иди, погляди, Гришка ушел?

Ручков пересек кабинет, выглянул в коридор — пусто.

— Ушел, товарищ адмирал.

— Вот и хорошо. А то, стервец, сразу моей старухе доложит.

Загоруйко открыл сейф, достал бутылку водки, налил себе полный стакан, выпил, продышался и, выкатив глаза, показал Ручкову кукиш.

— На-ка вот! Для тебя горилка, считай, на два года заказана. Тоже мне специалист по сельскому хозяйству. Идем, сначала тебя подброшу, а потом уж до хаты. Устал тут с вами.

В коридоре Петрак спросил у меня:

— Вы что, на самом деле физкультурник?

— Да. А что, странно?

Петрак покосился на меня, поскреб лысину и мрачно изрек:

— У нас многое странно. Убедитесь. — И распахнул дверь служебной комнаты. — Заходите. Столы свободные есть. Чего-чего, а этого добра хватает.

В углу служебной комнаты, просторной, но неудобной, у окна сидел пухлый, коротко стриженный под «бокс» капи-

тан-лейтенант. Он был уже не молод, но заостренное лицо его сохранило мальчишеские черты. Такие лица, моложавые и внутренне сосредоточенные, я встречал у шизофреников. В институте на младших курсах я подрабатывал санитаром в психиатрической клинике.

— Ключарев Федор Кузьмич, — с легкой усмешкой представил его Петрак, — дивспец радиотехнической службы. А это, — он похлопал меня по плечу, — наш новый физкультурник.

— Физкультурник? — обрадовался Ключарев, но лицо его сохранило недоверчиво-испуганное выражение. — Теперь мы будем физкультурой заниматься?

— Будем, Федя, будем. Готовь белые тапочки. Пойдем, Сотник, покурим.

Когда мы вышли, Петрак тихо сказал:

— Федор хороший мужик и специалист классный. Но с «мухой» в голове, лечился. У нас здесь либо погорельцы служат, либо сумасшедшие. Дивизион ремонтирующихся кораблей, сокращенно: «Дэ-эр-ка. То есть «Дырка». Ну а ты как сюда попал?

Я пересказал свою историю.

— Да, ситуация, — заключил Петрак. — И действительно ничего не докажешь. Пойдем в кабинет дивмеха. Он пустует, там хоть подымить можно, а то комдив курить везде запретил.

Кабинет был узкий, длинный и мрачный. Окна наполовину затянуты черными светомаскировочными шторами. В углу койка, заправленная синим казенным одеялом.

— Ты где остановился? — спросил Петрак.

— В гарнизонной гостинице.

— Перебирайся сюда, будешь пока здесь жить. На довольствие поставим на корабль, что ремонтируется в заводе. Дивспецы на нем столуются. И не переживай. Три года — ерунда. Прослужишь.

Я справился со всеми делами. Даже успел сходить в городскую баню, — душ в гостинице не работал, а вечером отправился домой к Петраку.

Петрак занимал крошечную — метров восемь — комнатушку в офицерском общежитии. Койка, два стула, стол, тумбочка с электроплиткой, голые стены, на полу кусок грубого шинельного сукна — вот и все убранство. Из окна открывался вид на плоский заболоченный берег, переходящий в песчаную косу с белым домиком рейдового поста на оконечности.

Казенная убогость жилища никак не гармонировала со столом, сервированным на две персоны. Белая накрахмаленная скатерть, хрусталь, посуда из дорогого сервиза, салфетки, заправленные в серебряные кольца, превосходно разделанная селедка, маринованные грибы, колбаса трех сортов. Меня особенно потрясли маслины. Но вот что странно — все это великолепие кричало об одном: диком одиночестве, которому человек сопротивляется таким необычным способом.

Под предлогом, что нужно соблюдать спортивный режим, я отказался от водки. Петрак, дернув две рюмки подряд, заговорил с таким жаром, словно несколько лет просидел в одиночке.

— Ты человек гражданский, тебе не понять... Столько лет прослужив, я представить себе не мог, что существуют такие места, как наш дивизион. Я же с пацанов военный, у меня порядок в каждую пору вьелся. Юнга флота, курсант, потом флот, подводная лодка. Проснешься, бывало, потрогаешь переборку — живет корабль твой, часть тебя. Когда беда случилась, я в следственном изоляторе хотел башку о стену расколоть...

Петрак погас и с удивлением уставился в угол. Мне стало не по себе. Чтобы перебить тягостное молчание, я спросил:

— А что с Ключаревым случилось?

— С Федей? — Петрак все никак не мог оторваться от зрелища, открывшегося ему в углу комнаты. — С Федей просто. Чокнулся на почве изобретательства. Что смотришь? У нас ведь изобретать или вкалывать на совесть могут только чокнутые. Вот и Федя. Служил в радиотехническом отделе базы. Незаметный мужичок. Служил себе и служил. И никто не знал, что он технический гений. В сарае мастерскую оборудовал. Нормальные люди в Сочи отдыхать едут, а он в Питер или в Москву — за радиодетальями и технической литературой. Особисты его засекли, когда он какую-то фантастическую антенну стал на крыше устанавливать. Заглянули к нему на квартиру, понятно, в его отсутствие, а там коротковолновый передатчик мощный, более того — целая картотека абонентов, с кем Федя по ночам переговаривался. Австралия, Германия, Япония... Стран двадцать, да еще по Союзу. Разведцентр на дому. Причем напротив штаба базы. Федя лопочет: де, мол, он радист-любитель, занятие вроде спорта, документы сует. А кто его знает, что он в ту Германию передает? Оперуполномоченный телевизор включил — Федя, между прочим, сам его смастерил, — а телевизор-то, едрит твою мать, аж Финляндию принимает. Как раз фильм шел с голыми девками. Завал! Особистам врезали по заднице: почему прогля-

дели? Те и так и эдак — не тянет на шпионаж. Федя, оказывается, на гражданке известным коротковолновиком был, призы имеет. Прилепили ему морально-бытовое разложение, порнографию, что-то еще. Жена собрала вещички и с дочкой к маме. Кранты! Федя и стал заговариваться. Тут его тихонечко в психушку и спровадили. Два месяца пролежал. Вернулся с «мухой» в голове. Ты не подумай, он вполне нормальный, вылечили, а вот чудачества остались. К примеру, по утрам стал здороваться: «Здравствуйте, товарищи бойцы и политработники!» Ладно, я считаю это шуткой, а кто другой? В последнее время какая-то наивность появилась. Вопросы детские задает, жаль мужика.

Петрак закурил. Огромные комары-долгоножки с тупым звуком бились в оконное стекло.

— У нас в дивизионе что ни кадр, то оригинал. Хорошо хоть дивизионного доктора в запас уволили, комдива при одном его виде трясти начинало. Я вообще поражаюсь, как Ручков сам еще в психушку не загремел. Тоже ведь судьба... Академию заканчивал, на золотую медаль шел. Турнули за полгода до окончания и сунули дивизионом командовать. Говорят, что-то политическое ляпнул.

Петрак подошел к окну, раздернул шторы и, сложив на груди руки, тихо сказал:

— Вот так, бывает, часами простаиваю в белые ночи. Завораживает. Здесь море мелкое. Фарватер проложен по искусственному каналу. Символично: и мы тут все вроде бы на мели. Обломки кораблекрушений.

Засиделись за полночь. Солнце так и не соскользнуло за горизонт. Ночевал я в кабинете дивизионного механика. В комнате стоял сладковато-бражный запах. «Самогон он здесь, что ли, гнал?» — подумал я, вспомнив рассказ о дивмехе. Припомнилось еще: «У нас здесь либо погорельцы служат, либо сумасшедшие...» Сокамерник по гауптвахте Маркин как-то заметил: «В неудачах, Гена, нужно видеть и привлекательные стороны».

Я уже засыпал, когда меня обожгла мысль: то, что со мной произошло и я оказался здесь, в этой узкой комнате со светомаскировочными шторами на окнах, не случайно. Тетка Ефросинья мне не раз говорила: «Живешь без царя в голове», это означало, что у меня нет цели, жизненного сюжета, что ли, и полагаюсь я исключительно на то, что кривая вывезет. А все потому, что я — сирота, а значит, вырван с корнем из земли, не привязан к ней, и, как степная трава перекаати-поле, качусь то в одну, то в другую сторону. Думаю, что дело тут не в сиротстве, а в некоторых особенностях моей натуры. В шко-

ле я мог отлично учиться, для этого было все необходимое: хорошая память, способности, интерес к учебе. Но учился плохо, с трудом переползая из класса в класс, обитал на самой задней парте — «камчатке», у меня был самый отвратительный в классе почерк, а о моей повышенной сонливости заранее предупреждали новых учителей. То и дело слышался окрик: «Сотник — не спать!», а я и не спал, слушал объяснения учителя, и у меня, возможно, первого рождался правильный ответ, но я никогда не поднимал руки, никогда даже не пытался проявить знания.

Я был низкоросл, но крепок, силен, «мал, да говнист» — по определению тетки Ефросиньи, уж не знаю, что она имела в виду, — но в школе меня почему-то считали ослабленным ребенком, и я добился освобождения от занятий физкультурой. Пока ребята маршировали в спортивном зале и проделывали разные упражнения, я валялся в кладовой на старом мате и читал педагогические журналы, — залежи их пылились по углам. «Слабое здоровье» не помешало мне на легкоатлетических соревнованиях обогнать первого в школе бегуна, поступить в спортивную школу и очень скоро стать известным в городе боксером.

Учительница литературы Нина Викторовна перед экзаменами на аттестат зрелости сказала мне: «Гена, ты ужасный ежик, все время топорщишь иголки, и мой совет для тебя ничто, но все же я хочу, чтобы ты знал: у тебя несомненные литературные способности, ты чувствуешь слово, а с этим рождаются. В университет ты не поступишь — огромный конкурс, поступай на историко-филологический в наш пединститут. Это вовсе не означает, что ты станешь учителем, зато получишь хорошее образование».

Ах, Нина Викторовна, добрая душа! Если бы я тогда ее послушался, был бы сейчас значительно ближе к цели. В пединститут я попал спустя несколько лет, на спортфак; и очень скоро понял, что это не мое дело. А тем летом никуда я поступать не стал, устроился подсобным рабочим в совхоз, потом сборы, первенство Южной зоны, а осенью призыв в армию. Меня могли оставить служить в Краснодаре или взять в спортивную роту Северо-Кавказского военного округа — перворядник, чемпион города, чемпион края, но меня точно бес под ребро толкнул, и я подал рапорт с просьбой направить меня служить на флот. Причем желательно на подводную лодку. В учебном отряде перед вечерней поверкой в нашем кубрике завязалась драка, я пытался разнять и крепко врезал одному наиболее активному драчуну в тот самый момент, когда прибежал дежурный офицер, — в результате меня

же и списали в Гремиху как зачинщика драки. Хорошо, хоть на месте разобрались, учили, что я с десятилеткой — редкость по тем временам, — взяли писарем в штаб бригады подводных лодок. Так что в дивизион я попал не случайно. С этой мыслью я и уснул.

Комдив дал мне неделю на прием дел. Принимать, в сущности, было нечего. На чердаке валялись в пыли тридцать пар лыж — все спортивное имущество. Я все же их пересчитал, вспугнув стадо пасюков, доложил комдиву рапортом, и процедура на том закончилась. Что же касается моих штабных обязанностей, то тут все оказалось сложнее. Дня три ушло только на то, чтобы разобраться с делопроизводством.

До меня канцелярией ведал матрос Панько — редкий бездельник. Научить его чему-нибудь было невозможно, он только ныл и путался под ногами, поэтому я попросту выставил его за дверь. В качестве помощника и консультанта мне назначили самого Николая Николаевича Деркача. С близкого расстояния он производил еще менее приятное впечатление, но обладал рядом полезных качеств: прекрасно разбирался в писарском деле и мог служить чем-то вроде энциклопедического справочника по истории Северодвинска. Мичман жил в этом городе с довоенной поры, обладал цепкой памятью и на удивление был обо всем хорошо информирован. Его рассказ о Северодвинске тридцатых-сороковых годов потряс меня.

— Церковь здесь раньше стояла на берегу залива, Никольская — от нее и первое название поселку, — рассказывал Деркач. — Тайга, болота кругом непроходимые. В тридцатые приехали комсомольцы-добровольцы, а за ними — зеки. Это как водится. Сколь здесь лагерей разбили, в точности не скажу. На Яграх только два. Большинство — политические, сидели по пятьдесят восьмой статье. — Николай Николаевич шмыгнул влажным носом. Достал расческу, тщательно причесался. Причесывался он каждые десять-пятнадцать минут. От него разило «Шипром» и какой-то приторной помадой. — Северодвинск, он на людских косточках стоит, в болоте упокойничков хоронили. Песочком прикроют и ладно, город-то насыпной, море тут мелкое, банки кругом, отмели — с них и брали песочек. В основном зеки работали. Бывало, утром папаня возьмет с собой в город, ему к начальству, а мне на легковушке прокатиться интересно. Так у Ягринского моста машина по сорок минут стояла, пока зеков на работу гнали. И не шагом, а бегом.

— А вы что, тогда на Яграх жили?

— Так точно. Здесь же, третий дом от КПП. Там сейчас офицеров с семьями поселили. А раньше — администрация лагеря, охрана располагались. Папа у меня в охране состоял, чекист. Помер. Пусть ему земля пухом будет. Сейчас по-разному толкуют про культ личности. А я одно скажу: правильное время было. Насчет того, что безвинных сажали, — вранье. Уж я-то посмотрелся. Враги! Думаете, сейчас врагов нет? Полно! Перекрасились. И в нашем дивизионе есть. Это я вам как коммунист коммунисту.

— Я беспартийный.

— Значит, сочувствующий. Я людей враз узнаю.

Деркач улыбался, а глаза его оставались неподвижными, как у рыбы. Невыразительное, скопческое лицо обладало способностью внезапно твердеть. И тогда проступали черты совсем другого человека.

Понять не могу, почему он проникся ко мне таким доверием.

— Бараки, где зеки жили, народишко на топку разобрал, — продолжал Николай Николаевич. — Крепкие бараки, им бы сносу не было. Бесхозяйственность. Еще неизвестно, как дело повернется, может, заново строить придется.

— А что здесь стало, когда лагерь закрыли?

Лицо у Николая Николаевича сделалось скучным, тусклый лоб рассекли тонкие морщинки.

— Что? Сначала создали школу младших авиационных специалистов, сокращенно ШМАС, потом соединение резервных кораблей, а уж потом наш дивизион. Дивизион, скажу вам, трудный. Управлять им тяжело, личный состав разболтанный. Когда корабль становится на капитальный ремонт, лучших офицеров и матросов списывают на действующие корабли. Ну а нам что похуже. Такой народец попадается, печать ставить негде, убедитесь. Комдив — особая статья, из идейных, остальные по невезухе. Вот Петрак. Командир подводной лодки, передовой офицер, в тюрьму не по своей вине попал. Потом разобрались. А толку? Все равно к нам списали.

Как-то утром меня вызвал к себе Губанцев. Я все никак не мог привыкнуть к его внешности. Петрак утверждал, что Губанцева свалили в дивизион из-за безобразной родинки. «Если бы на Северном флоте появился офицер или мичман с двумя головами, он уже бы служил у нас», — мрачно заключил Илья Петрович.

Губанцев встретил меня широкой улыбкой. После того как Антон Макарович выяснил, что развод — инициатива моей

жены, а не результат моего морально-бытового разложения, он потеплел ко мне. Особенно почему-то на него произвела впечатление скорость, с какой я печатал на машинке.

— Присядь, Геннадий Михайлович, — Губанцев расположил меня так, чтобы я видел чистую половину его лица. — Ну, как живешь-можешь? Анекдот слышал? Живу, мол, хорошо, хе-хе, могу плохо. Или как? Шутка. Развели с женой?

— Не знаю.

— Не пишет? Значит, передумала. Бабы ведь не головой думают, а этой... Сам знаешь чем. Про то, что холост, можешь девкам на танцах в Доме офицеров флота заливать, а для меня ты молодой семейный специалист. Улавливаешь или как?

— Не очень.

— Сейчас уловишь. За дивизионом комнатуха числится, десять метров в двухкомнатной квартире, ее бывшему дивизионному механику выделили. Он в ней, по сути, и не жил, а, уезжая, не сдал. И будто бы там вещи остались. В морской инженерной службе мне посоветовали: всели когонибудь, а то площадь пропадет. Явочным порядком, так сказать. У очередника двое детей, его в десятиметровку не запихнешь. Когда дивизионного механика назначат, — неведомо. Вселяйся, а? Молодой специалист. Сейчас вам все внимание. Или как?

— А вдруг там и правда вещи?

— Опишем. На склад свезем. Да механик не тот человек, чтобы вещами обзаводиться. Квартирка, считай, в центре города. Напротив госпиталя. Паровое отопление, ванная. Колонку, правда, дровами нужно топить.

— Я-то согласен...

— Тогда едем и посмотрим. Куй железо, пока, значит, лед тронулся.

Антон Макарович любил переиначивать пословицы. Его любимая: «Назвался груздем, ну и пошел на...»

Через несколько минут мы уже катили на стареньком «газике» в город.

Прибыв на место, Антон Макарович скомандовал:

— Слезай, приехали! У дворничихи нужно ключ взять. Видишь, двор обихоженный. По соседству начальство живет. У меня квартира на Яграх, в кино не выберешься, а тут Дом офицеров флота рядом, девок далеко водить не надо.

Дворничиха, молодая женщина с коричневыми пятнами на скулах, выдала ключ.

— Сами ходите, или мне с вами идти?

— Сами, милая, сами. Я только этаж не помню.

— Пятый.

— Пошли, Геннадий Николаевич.

В подъезде было тихо.

— Пустота, — констатировал Губанцев, — офицеры семьи на юг отправили. Чего им среди болот преть? Я думаю, механик дверь в свою комнату не запирает. В крайнем случае, взломать и акт составим. Чуешь?

— Что?

— Музыка бренчит. Есть, значит, кто-то живой. Давай, открывай. Учись ключом пользоваться.

Я открыл входную дверь, включил в коридоре свет. В лицо пахло запахом плесени. Со стен свисали клочья обоев.

— Квартирка того, загажена. Ремонт нужно делать. — Антон Макарович вздохнул. — Зато смотри: потолки высокие, кухня метров пятнадцать. На совесть строили. Воняет, не пойму чем.

Дверь в комнату механика подалась без сопротивления. Никаких вещей там не оказалось, если не считать табурета казарменного образца. Табурет стоял в центре комнаты прямо под крюком, ввинченным в потолок. Создавалось впечатление, что механик собирался повеситься, но в самый последний момент передумал.

Комнату украшало большое окно. И вообще она выглядела вполне уютно.

— Как? — спросил Губанцев.

— Нормально.

— Пойдем, санитарные удобства посмотрим.

В глубине квартиры, наверное, в кухне, поскрипывала форточка. Я отворил дверь в ванную, включил свет и обмер: дно ванной было заполнено тараканами. Из крана скатывались желтые тягучие капли. Должно быть, тараканов привлекала вода. Стены шевелились от скопления отвратительных насекомых. Губанцев, отодвинув меня плечом, заглянул в ванную и попятился.

— Мать твою в лоб! До чего квартиру довели. Ничего, вытравишь. Я тебе инсектицидную шашку дам. У себя дома травил, осталась. А знаешь, почему тараканы эти и грязь? Временное жильё.

После обеда Антон Макарович уединился в своем кабинете, наказав дежурному не беспокоить: «Держака с бумагами пригласи, а более никого».

Кабинет замкомдива по политчасти мало чем отличался от комнаты-щели дивизионного механика. Те же маскировочные шторы, железная койка под синим казенным одеялом,

стандартный письменный стол. Единственное отличие — массивный шкаф с зеркалом, встроенным в дверцу.

Антон Макарович избегал подходить к зеркалу. Волнистая, цвета аквариумной зелени поверхность обладала способностью подчёркивать любые, даже мелкие недостатки в облике человека.

На шкафу громоздились предметы культа: настольная трибуна с намалеванным на ней гербом Советского Союза и урна для голосования. Простенок у окна занимал портрет Хрущева, Никита Сергеевич очень походил на самого себя, даже с бородавкой на носу. Эта бородавка примиряла Губанцева с собственным уродством.

«Не по чину я себе блямбу отхватил, — усмехнулся он, глядя на портрет, — у Никиты Сергеевича и то меньше».

Сегодня он был доволен собой: дельце с комнатой для Сотника провернул ловко. Жилье — основа всего, привязывает. В дверь осторожно поскреблись. «Эк ведь как ходит, не услышишь», — подумал Губанцев, глядя на дверь.

— Заходи, Николаич, не стесняйся.

Деркач застыл на пороге с папкой, поводя всегда немного влажным носиком. Прилизанные волосы блестели.

«Крыс, вот он кто, — решил Губанцев, раздвигая в улыбке рот. — Точно, крыс. Ему бы усы и хвост. Верное дело — стукач. С ним надо ушки остро держать».

— Ты тетрабочку захватил, Николаич?

— Как всегда.

— Почта мне есть?

— Так точно. Я вам документы в папочке оставлю, только в реестре извольте расписаться. Вот здесь. И за тетрабочку тоже.

— Педант ты, Николаич, педант. И правильно! При твоём деле иначе нельзя. Понимаю и всячески поддерживаю.

Оставшись один, Губанцев вздохнул. С этой мокрицей миловаться приходится. А что поделаешь? Пододвинул секретную тетрадь. Привычно открыл на нужной странице, где красной тушью было выведено: «Анал. политморсос», что означало «анализ политико-морального состояния», достал ручку и принялся писать. Он не знал, для чего пишет, и не очень задумывался над смыслом написанного, иногда ограничиваясь кратким: «Пьянок нет». А если таковые случались, перечислят фамилии провинившихся. Чаще всего просто брал газету «Красная звезда» и переписывал какую-нибудь статью, заменяя «мотострелковую дивизию» на дивизион ремонтирующихся кораблей. Антон Макарович не сомневался, что занимается важным и нужным делом. Грамо-

ты, верно, ему не хватает: семилетка плюс коридор да кур-
сишки. Не академия. Зато жизненный опыт и всестороннее
знание людей. Комиссар — дар особый. Губанцев любил,
когда его называли комиссаром. В поздравительном адресе
к сорокалетию Антона Макаровича были такие слова: «Вы
прошли большой и светлый путь от рабочего вагоноремонт-
ного депо до политработника, проводника идей партии...»
Когда Губанцев вспоминал эти слова, у него влажнели глаза.
Все правильно, он и партийное слово в массы нес, и о личном
составе заботился. А сколько пьяниц раскрыли перед ним
душу, сколько непутевых, зареванных баб, пытавшихся вер-
нуть в семью своих шаромыг-мужей, утешил и наставил он!
«Я тебе вот что скажу, Рая, или как там тебя. Ну, суну я твоего
мужика на парткомиссию, что, мол, разложился, нашел бабу
на стороне. Впяют ему строгача, запьет с горя, и у меня рост
взысканий, и у тебя шиш. Он что, спать после этого с тобой
станет? Враз уймется? Или как? Ты, птаха, лучше женской
хитростью жми. Мы, мужики, что? Дурье! Как окунь, на пу-
стой крючок идем. Та зазноба пригожая, а ты лучше будь.
Муж приходит со службы под банкой, не зудит. Кофточка на
тебе белая, юбка скрипит, и изо всех мест духами пахнет. А
уж до дела дойдет, ты его, Рая, так ублажи, чтобы он на зазно-
бу глаз не клал, не то что... Хм-м».

Задушевные эти разговоры не одну семью восстановили,
уберегли от распада. Другой сильной стороной Губанцева
были письма матерям старшин и матросов. Особая грамот-
ность не требовалась, нужны были теплота, искренность,
подход. Мать, даже если она профессор, на ошибки в письме
смотреть не станет, ей важнее знать, что единственный ее сын
Вова имеет калорийное питание, прибавку в весе и за успехи
в боевой и политической подготовке в скором времени будет
сфотографирован на фоне развернутого знамени части.

Благоговевя перед печатным словом, пусть даже отстукан-
ным на пишущей машинке, Антон Макарович не удивлял-
ся, что военкоматы, председатели колхозов и даже секретари
райкомов отзываются на его просьбы, — в стране, где чело-
век человеку — друг, товарищ и брат, по-другому и быть не
могло.

Всякого рода несовершенства зависели от самих людей и
никак не влияли на политику партии и правительства. Ан-
тон Макарович верил, что войну без Сталина народ никогда
бы не вытянул, верил и в культ личности, в правильность его
разоблачения — как партия, ее руководство сказали, так оно
и есть. А какие были сомнения, Губанцев их в себе глушил. В
свободное от службы время Антон Макарович читал труды

Владимира Ильича Ленина. Сказать по совести, ничего он в тех трудах не понимал, однако непременно подчеркивал отдельные выражения и делал на полях пометки вроде: «Оч. важно, оч. правильно!». Все это свидетельствовало о том, что теоретическая подготовка у Губанцева была на вполне удовлетворительном уровне. Он, что называется, кожей чувствовал: материя первична, а сознание вторично. Верил он, конечно, в исторический и диалектический материализм, в то, что историю делают не личности, а народы, и что, наконец, коммунизм возможен в отдельно взятой стране, но в глубине души, тайно даже от супруги Евдокии Ильиничны, верил также и в Бога, в наказание за грехи, и в Страшный суд. Суд этот представлялся ему в виде заседания парткомиссии. Где есть председатель, члены, только стоишь ты перед столом, исповедуясь, голым. Верил, что и там врать нельзя, грех сам наружу вылезет. Вся разница — в одном случае без партбилета останешься, в другом — попадешь в ад и будешь лизать раскаленную сковороду. В том, что все политработники и он, конечно же, за богохульство будут подвергнуты такому наказанию, Антон Макарович не сомневался. Чтобы хоть как-то уберечься, в потаенном карманчике портмоне носил нательный крест и бумажку, на которой поселковая бабка-ведунья начертала молитву.

Сделав запись, Губанцев отодвинул тетрадь и замер, покосившись на дерматиновую папку, оставленную Деркачом. Не любил Антон Макарович документы. Пшик, пустой звук, чепуха на постном масле, а иной раз столько от них неприятностей. Потер глаза, задумался. И было о чем. Обстановка в дивизионе сложная. Антон Макарович мужицким умом понимал, нутром чувствовал, что скоро грянет беда, и клял тот день и час, когда дал согласие идти в проклятый дивизион. Польстился! В политотделе сказали: вытянешь дивизион в середнячки, переведем на должность капитана второго ранга. При таком звании можно и о пенсии подумать. Да, польстился, дурья башка.

Губанцев выполнил обещание — принес из дома инсектицидную шашку.

— Значит так, — не очень уверенно начал он. — Поставь эту хреновину в ведро от греха. Видишь, в центре фитилек? Подожги его, и ходу. Да, возьми у химика противогаз, а то еще отравишься.

В морской инженерной службе мне выдали ключи, так что на этот раз я вошел в квартиру на законных основаниях. Тараканов стало еще больше. Я переделался в старый спортив-

ный костюм. Поставил шашку в проржавевшее мусорное ведро, натянул противогаз. Фитилек сначала чадил, гас, наконец, подсохнув, загорелся веселеньким голубым пламенем, из центра шашки вырвался упругий жгут белого дыма, и все вокруг потонуло в густом молочном тумане. Минут через десять, несмотря на противогаз, у меня стало першить в горле, а дым из шашки все бил и бил. Кое-как ошупью я нашел окно, с трудом распахнул разбухшую от сырости форточку, — дым рванулся на улицу, а шашка все исходила злобным шипением. Что делать дальше, я не знал, попытался залить ее водой, но не тут-то было. По-видимому, шашка была рассчитана на несколько гектаров леса. И тут я услышал надсадный кашель, потом в глубине квартиры кто-то заорал:

— Горим, мать твою! Полундра!

В коридоре раздались тяжелые шаги, и сквозь редящую пелену тумана я разглядел громоздкую фигуру в черных, до колен трусах. Это был Загвоздин. Мичман, прикрывая рот майкой, угрожающе надвигался. Меня спас стук в дверь, сначала стучали кулаком, потом ногами:

— Есть кто? Открывайте, не то ломаем! Пожарные!

Загвоздин, отчаянно матерясь, пошел открывать. В коридоре забухали шаги, стекла противогаса запотели, сквозь них я с трудом различал зыбкие, словно рождающиеся из ядовитого дыма фигуры пожарных в защитных масках. Соображалось туго. Я никак не мог понять, каким образом в квартире появился Загвоздин. Чертовщина какая-то. Стянул противогаз, в нос ударил резкий запах.

— Николаич, ты чо здесь делаешь? — изумленно спросил Захар.

— А ты?

— Ну, дела... Я чудом тебя не пришиб. Дыму-то чо напустил?

— Чо? Тараканов травлю. Вон что делается, смотри.

Зрелище действительно было впечатляющее: пол устила-ла поблескивающая, шелестящая масса.

— Актик придется составить, — неуверенно сказал пожарный, озираясь.

— Какой еще актик? — удивился Загвоздин. — Не видишь, тараканов давим? Святое дело. Средства у нас флотские, считай, во всем доме теперь ни одной живой души не осталось.

Пожарные, посоветовавшись, уехали. Видно, тараканье побоище произвело на них сильное впечатление. Пока я прибирался, Захар вынес в контейнер для мусора ведро мерзких насекомых. Распахнули все окна, но дышать все равно было трудно. Загвоздин сел на перевернутое ведро и с тревогой спросил:

— Слышь, Николаич, а жить-то здесь можно будет?
— Откуда я знаю? Погоди, а как ты в квартире оказался?
— Жилплощадь мне здесь выделили, вчера ордер получил, врезал, конечно, по этому поводу, просыпаюсь — дым. Ну, е мое!

Я засмеялся:

— Выходит, мы теперь с тобой соседи?

Умельцы из экипажа Носкова за два дня отремонтировали мою комнату — не узнать: пол, покрытый ореховой эмалью, блестел, большое, в полстены окно, золотистые обои, выбеленный потолок сделали комнату больше, просторней. У соседа по лестничной площадке, уезжающего в Ленинград, я купил тахту, низенький изяшный рижский сервант с баром, журнальный столик и два модных креслица. В моей комнате был встроенный шкаф, так что можно было остановиться на этом наборе мебели.

Ходили слухи, что Краснознаменный Северный флот собирается посетить Хрущев. Маловероятно, что он будет в Северодвинске, но подготовка к встрече именитого гостя идет полным ходом. От порта — глава государства, возможно, придет на военном корабле — до центра города ремонтируют, а фактически заново строят дорогу, красят фасады домов, из тайги привезли симпатичные елочки, посадили их перед зданием горкома партии и на центральной площади. Такое впечатление, что Новый год собираются отметить в июне. В магазинах появилось мясо, молоко, овощи, фрукты и ...шампанское. Портовые грузчики берут шампанское ящиками. Что им этот деликатный напиток? На один нюх.

Вероятность того, что высокий гость окажется в дивизионе ремонтирующихся кораблей, и того меньше, но и у нас тоже аврал. Личный состав белит бордюры вдоль дороги, вырывает столбы с остатками колючей проволоки, засыпает ямы, сажает деревья. Руководит благоустройством территории Губанцев. Как полководец, оглядывая бывшую «зону», он глубокомысленно произносит: «Дуй на молоко, заднице легче будет».

При всей нелепости переименованной поговорки, смысл в ней, конечно же, есть и немалый.

Второе событие — наконец назначили дивизионного механика. О нем пока ничего не известно. Петрак строит мрачные прогнозы:

— Вот посмотришь, какой-нибудь погорелец, — говорит он мне, — алкаш или многоженец. И такие придурки встречаются.

Механика ждали со дня на день, и все же он появился неожиданно. Время клонилось к обеду, дивизионные специалисты занимались каждый своим делом: я составлял график дежурств по дивизиону — задача непростая, офицеров не хватало, Петрак и Ключарев листали ремонтные ведомости. И вдруг распахнулась дверь, и я услышал неподражаемый голос:

— Здравствуйте вам, хуторяне! Мы до вашего шалашу!

На пороге стоял Гелий Георгиевич Маркин, лягушачий рот его был распахнут в доброжелательной улыбке. Черные блестящие глаза разглядывали сидящих офицеров с искренним любопытством. Последовало минутное замешательство, потом Петрак в тон Маркину ответил:

— Сидайте, на чем стоите. Вы проездом, чи на постой?

— На постой. На вашей свалке только меня и не хватает. Ба! И Гена здесь! Надеюсь, Гена, вы будете достаточно скромны и не расскажете коллегам, при каких обстоятельствах мы встретились?

Маркин расхохотался. Плохо выбритый кадык задергался на тощей шее. До меня, наконец, дошло, что Гелий Георгиевич и есть наш новый механик.

Между тем Маркин, не обращая внимания на затянувшуюся паузу и, видимо, не считая нужным представиться Петраку и Ключареву, уселся верхом на стул и, хлопая себя по острым коленям, стал рассказывать о событиях последних недель.

Недоумение на лице Петрака сменилось горькой усмешкой. Расшифровать ее можно было так: на этот раз кадровики превзошли самих себя — прислали неудачника, да к тому же еще и сумасшедшего. Федор Кузьмич выглядел подавленным, возможно, слова «судебно-медицинская экспертиза», «камера», «психиатрическое отделение» породили в его голове недобрые ассоциации.

Маркин не заметил либо не хотел замечать реакции слушателей, яркий свой монолог он прервал только для того, чтобы спросить, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Братцы, а где вы харчите?

— Дивизионные специалисты стоят на довольствии на одном из ремонтирующихся кораблей, — хмуро пояснил Петрак.

— Стоят на довольствии? То есть вас даже кормят? Это же гениально! Коллега, простите, как вас величать? — Маркин повернулся к Ключареву.

— Федор Кузьмич. — Ключарев встал.

— Очень приятно, можете сесть. Маркин Гелий Георгиевич, ваш новый дивмех. А как вообще со жратвой в этом занюханном городе?

Ключарев, растерявшись, пробормотал:

— В принципе... конечно.

— Зачем мне принцип? Мне нужна элементарная жратва.

— Элементарная есть, — процедил сквозь зубы, сдерживая раздражение, Петрак. Развязность дивмеха вывела его из себя. — С ананасами перебои. Кстати, вы представились комдиву?

— Представьте, не представился, — Маркин ухмыльнулся, — по причине наличия отсутствия вышеупомянутого лица. Оно в штабе базы. Ничего, переживу. А не пойти ли нам обедать, господа?

Петрак промокнул платком лысину и встал:

— Для справки: дивизионные специалисты принимают пищу во вторую очередь. За исключением отдельных случаев.

— Вот как? — восхитился Маркин. — Сейчас как раз тот самый случай. Я сегодня даже не завтракал, а у меня, простите, режим. Гена, пригласите меня на экскурсию. Я здесь пока ничего не знаю. Я даже не знаю, где находится галльон типа сортир. Надеюсь, вы уже освоились в этом гиблом месте? Между прочим, свободный стол для меня найдется?

— У вас отдельный кабинет, — на скулах у Петрака вздулись желваки. — Геннадий Николаевич, покажи товарищу.

В коридоре Маркин шепотом поинтересовался у меня:

— Этот лысый, как его?

— Петрак Илья Петрович, начальник штаба.

— Ага, Петрак. Мне он почти ясен. А Федор Кузьмич? Он что, слегка того?

— Говорят, абсолютно нормальных людей нет.

— Золотые слова. То же самое мне сказали во время психиатрической экспертизы. Готов держать пари, что у врача, который меня обследовал, тоже не все дома.

Кабинет Маркину понравился.

— Прекрасное бомбоубежище. Только запашок-с. Знаете, чего в кабинете не хватает?

— Нет.

— Портрета Карла Маркса. У меня с ним некоторые теоретические разногласия, а я люблю оппонентов. Как я понимаю, мне здесь придется и жить? Умывальник хоть есть?

— Внизу. Общий для всех.

— Тоже хорошо, буду ближе к народу. А теперь куда?

— На завод. Пока дойдем, первая смена уже отобедает.

— Прекрасная идея.

Вести Маркина напрямую, сокращенным путем, каким привел меня в дивизион старшина, я не решился. Благоуст-

роенная территория после первого же дождя превратилась в непроходимое болото. Шли по блестящему, покрытому свежим асфальтом шоссе.

— Сие местечко, кажется, называется Ягры? — спросил, оглядываясь, Маркин.

— Точно.

— Нужно иметь пылкую фантазию, чтобы назвать так остров. Слышали о приезде Хрущева?

— Говорят.

— Вы по-прежнему нелюбознательны, Гена. А зря. Приезд первого лица государства грозит серьезными осложнениями.

— Почему?

— Никита Сергеевич капризен, ему обязательно что-нибудь не понравится, и тогда полетят головы. А меня только назначили на должность. Улавливаете связь? Напрасно. Знаете, Гена, я, кажется, становлюсь верующим. Только не знаю, какую избрать религию. Православие мне подходит, но я не знаю церковно-славянского языка, католицизм — сухо, иудаизм — слишком сурово. Ничего не имею против мусульманства, но Коран запрещает пить вино, а я, грешный, иногда люблю выпить. Послушайте, а может быть, мне стать буддистом? В буддизме есть концепция предопределенности. Вы верите в предопределенность? Зря! На мне ее можно изучать. Думаете, шучу? Хороши шутки. Всем известно — подхалимы необыкновенно живучий и непотопляемый народ. А мне даже подхалимаж приносил одни неприятности. Я сопровождаю инженер-контр-адмирала из Москвы, прибывшего из главного управления в Росту. Идем на ремонтирующийся корабль, и я почему-то оказываюсь на трапе впереди адмирала. Непорядок. На борт он должен подняться первым. Я кланяюсь, делаю подхалимский прогибон и предлагаю ему обойти меня. Адмирал хватается за леер, — а нужно сказать, человек он весьма тучный, — пытается сделать обходной маневр, теряет равновесие и, обломив стойку леера, падает за борт. Что такое море в заводе у стенки — ясно. Упасть в обычное дерьмо куда гигиеничней. Кто виноват? Улавливаете? Вы когда-нибудь слышали про биологическое поле? Биополе — реальность, доказано наукой. Имеет знаки плюс и минус. Так вот, у меня — минус. Кем-то это же предопределено? Судьба? Фатум?

«Странный он человек», — подумал я.

— Гелий Георгиевич, вы прямо с вокзала?

— А что, не похоже? Конечно! Чемодан оставил в камере хранения. Нужно будет съездить за ним. С жильем здесь, надо полагать, туго. Квартину в Росте я сдал, жену отправил к ро-

дителю на перевоспитание. Вольный казак, чтобы мне сдохнуть. — Он усмехнулся. — Да, Ягры не Гагры, мой юный друг. А на каком корабле дивспецы стоят на довольствии?

— На сторожевом корабле «Барс».

Маркин хлопнул себя по лбу и испуганно покосился на меня.

— Вы серьезно?

— А что?

— Это за пределами реальности. На «Барсе» я проплавал три года командиром БЧ-5, еще на Балтике. Правы древние: все возвращается на круги своя... — Маркин перешел на шепот. — Я боюсь туда идти, Гена. Вдруг я встречу на «Барсе» самого себя — юного, беспечного, полного прекраснотушних идей? Паранойя, раздвоение личности. У меня от страха поджилки трясутся.

На однообразных флотских харчах я стал толстеть. Сходил в санчасть, встал на весы — глазам не поверил: семьдесят два килограмма. Если так пойдет дальше, скоро стану полутяжем. Это при моем-то росте. Стоп, ребята, прежде всего, ограничить мучное, отказаться от хлеба — и пробежки, пробежки каждый день. Бегать по утрам не получалось — к восьми на службу, автобусы ходят нерегулярно. Перенес бег на вечернее время.

Северодвинск — город со сдвигом, видно белые ночи действуют. Десять вечера, детям давно пора спать, а они только разыгрались, бегают, кричат. На волейбольной площадке у Дома офицеров флота режутся до полуночи, центральная улица запружена гуляющими, молодежь, похоже, вообще не спит, у кафе «Юность» что-то вроде местного Бродвея. Тихо только на окраинных улочках, в Кулацком поселке, лишь ополоумевшие петухи, перепутавшие время суток, своими хриплыми криками тревожат ночное безмолвие.

У меня выработался определенный маршрут: вверх по улице Воронина до сквера, затем направо, старой частью города, улицами, переулками до озера, назад — по одной из новых улиц.

Несмотря на лишний вес, дышалось легко, у меня вообще с дыхалкой всегда было хорошо.

Я настолько ушел в свои мысли, что не сразу понял, что происходит за разросшимися кустами перед ремонтирующимся домом, — вроде как драка.

И тут я услышал женский крик, точнее крики: один высокий, звонкий, другой низкий, на басовой, яростной ноте. Дерутся две бабы? Еще хуже. Кусты поредели, и мне откры-

лось довольно необычное зрелище: крепкий, похожий на шкаф, мужичок с литым, как у хряка загривком, теснил рослую молодую женщину, та энергично сопротивлялась, а метрах в двух от них застыла, прижав к груди сумочку, светловолосая пигалица, совсем еще девчонка. События развивались в быстром темпе. Мужичку, видно, надоела борьба, и он повел себя решительнее, — хватил дамочку кулаком в живот, та и осела, хватая раскрытым ртом воздух. Это уже был явный перебор.

— Эй, дядя, — позвал я, подумав с сожалением, что о такую рожу я непременно собью «бабки» на кулаках.

Дядя-шкаф обернулся, от носорога его отличало только отсутствие этого дорогостоящего отростка. Человеком он оказался серьезным, я услышал характерный металлический шелчок, с таким звуком обычно выскакивает лезвие складного ножа с фиксатором, — видал в небольшом криминалистическом музее при городском отделе милиции. Нож всегда вызывает неприятное ощущение, я почувствовал, как струйка пота скатилась между лопаток, и тут произошло совсем уж невероятное: светловолосая девушка ухватила сумочку за ремешок и, словно кистенем, с размаху стукнула ею громилу по башке. Послышалось отчетливое «крак», лицо его залило кровью, он пошатнулся, упал на колени, удивленно пробормотал: «Убила, сука!», и мягко, точно устраиваясь на ночлег, прилег на землю.

Хорошо сработано! Внутри у меня противно подрагивало.

— Чем это вы его так? — спросил я у девушки.

— Бутылка сухого... «Каберне». В сумке была. Я в самом деле убила? — девушка с ужасом уставилась на меня.

— Не думаю.

— Господи, да что же это делается? — Девушка всхлипнула. — А где Танька? Таня!

— Не ори, я в порядке.

Женщина, коротко стриженная брюнетка, попыталась встать. Ворот ее кофточки был разорван, на шее краснела глубокая ссадина, юбка задралась, обнажая бедра.

— Сволочь, в живот ударил, — поморщилась она, — и медальон сорвал...

Я протянул ей руку, помогая встать.

— Как вы?

— Ничего. А ты кто?

— Шел мимо.

— Гляди-ка, еще не все мужики перевелись.

Она встала, опираясь на мою руку, потрогала шею, спросила:

— Что там?

— Ссадина.

Налетчик пришел в себя, открыл глаза, выругался и стал подниматься.

— Ой, смотрите! — Светловолосая девушка прижала кулачки к подбородку. Губы ее дрожали.

— Полежи, милый. — Я ударил его ребром ладони по шее и вывернул руки за спину. — Девушки, поищите веревку, проволоку. Нужно ему руки связать.

— Держи! — брюнетка сняла широкий лакированный пояс и протянула его мне.

— Не жаль?

— Медальон дороже. Обыскать бы его.

— В двух кварталах отсюда отделение милиции, — вспомнил я. — Нужно сходить или позвонить. Все-таки вещественное доказательство, а то этому подонку дадут пятнадцать суток за хулиганство, и с приветом.

— Правильно, я сбегаяю. — Брюнетка, звали ее, как я понял, Татьяна, ничуть не стесняясь меня, приподняла подол юбки, поправила съехавший чулок и торопливо зашагала по улице. Ее каблучки дробью отозвались по деревянному тротуару. Светловолосая девушка все никак не могла унять дрожь. Я слышал, как у нее стучали зубы.

— Вас как зовут? — спросил я.

— Лиля... Господи, вот дуры! Я зарплату получила, а у Таньки медальон старинный, с бриллиантами. Этот тип в ресторане за столиком сидел, рядом с оркестром, все на Таньку поглядывал. Я запомнила. А к нам грузин привязался, мы черным ходом вышли и дворами. Ведь светло, люди кругом. А этот из кустов... Я от страха ничего не помню.

— Сумочкой вы его хорошо приложили.

— Сама не знаю, как вышло. Показалось, что у него нож.

— Был вроде, нужно поискать.

— Погодите, сейчас милиция приедет, пусть они.

С ветвей падали редкие капли. Дул влажный ветер. Лиля расстегнула молнию на сумке и высыпала содержимое на траву. Звякнули осколки стекла.

Послушался шум мотора, подъехала машина — милицейский «газик». Из машины выбрался милиционер, маленький, щуплый, белобрысый, в огромных сапогах, за ним — Татьяна. Она была почти на голову выше милиционера.

— Здесь? Вы ничего не путаете? — высоким мальчишеским голосом спросил милиционер.

— Иди уж! Тоже мне, охрана общественного порядка, соплей перешибешь.

— Спокойно, гражданочка, попрошу без выражений.

Налетчик с трудом повернулся. Глянул на милиционера и тоскливо протянул:

— С-сука! Так завалиться...

Милиционер настороженно посмотрел на меня.

— А это кто?

— Дед Пихто! — усмехнулась Татьяна. — Парень, не видишь? Он бандюгу задержал. Посмотри в карманах у этого... Там мой медальон должен быть.

Милиционер с опаской присел рядом с бандитом, похлопал его по карманам брюк.

— В чем это он таком липком?

Белобрысый страж порядка медальон все же нашел, бандит не сопротивлялся, только мычал и косил глазами на Татьяну. В свете белой ночи камни на медальоне поблескивали как-то особенно зловеще. Вещественное доказательство милиционер завернул в грязный носовой платок и положил в карман. Нож я нашел около бочки с окаменевшей известью.

Когда бандита вели к машине, у него заплетались ноги. Ударчик у Лили был неплох. Усаживаясь на сиденье, она спросила у милиционера:

— А почему ты один?

— Весь личный состав в разгоне. А потом, с такими мощницами...

— Сиди уж, только на баб и надеется.

В отделении милиции стоял отвратительный запах, трудно было определить, чем пахнет. Дежурный, щеголеватый капитан, увидев задержанного, на мгновение замер, тонкое его красивое лицо поплыло в улыбке:

— Багров, никак ты? Вот это подарочек.

Бандит хмыкнул:

— Ошибаетесь, начальник.

— Это уж ясно. По ксиве ты уж наверняка Лермонтов или Маяковский.

— Мамонов я.

— Со свиданьем, Мамонов.

На оформление протокола ушло часа полтора, вопросы капитан задавал каким-то ерническим голосом, словно не верил тому, что ему говорили. То и дело звонили телефоны, вводили задержанных. На меня капитан вообще не обращал внимания. Вся эта история мне изрядно надоела, к тому же беспокоило предчувствие, что для меня все так просто не кончится.

Капитан собрал бумаги и сказал:

— Ну что же, девушки, вы свободны, а вот с вами, гражданин, не знаю, что и делать. — Он, наконец, взглянул на меня.

Щеки у Татьяны налились румянцем.

— Вы что, совсем чокнулись? Может, вы его тоже в капэ-зэ посадите?

— Спокойно, спокойно.

— Спокойно? Я завтра позвоню генералу Сидоренко. Ходить по городу нельзя. Вместо вас бандитов ловить приходится. Вы что думаете, Власенко этого типа задержал? Да он с ребенком не справится. Этот товарищ и задержал, за женщин вступился. Ну, маразм!

Капитан дернул шеей, он не ожидал такого напора.

— У него же документов нет, гражданочка!

— Ну и что? Он офицер, лейтенант, вышел прогуляться перед сном. Какие документы? Свяжитесь с комендатурой, позвоните дежурному по части. Мы одни домой идти боимся.

Лицо у капитана прояснилось.

— Власенко! — крикнул он.

Вошел белобрысый милиционер.

— Слушаю, товарищ капитан.

— Значит так, развези граждан по домам, зайди к лейтенанту, проверь документы. Ясно?

— Так точно.

На улице шел мелкий грибной дождь, но небо оставалось светлым, и неясно, откуда он сыпался. Я взглянул на часы: без двадцати минут двенадцать. Отлично пробежался, с приключениями.

Утром в битком набитом автобусе по дороге на Ягры старушечий голос приглушенно бубнил:

— Что делается-то? Ночью дак две бабы фулигану наподдали, в кровь разделали, на ноженьках не держался. А бабы — пьянющие, срам смотреть. Сама видела, зятя-безобразника в милицию определяла...

Я не сразу сообразил, что речь идет о вчерашней истории. Быстро слухи распространяются.

Минут двадцать девятого за мной прибежал рассыльный, комдив вызывал к себе. Ручков был чем-то с утра раздражен, не предложив мне сесть, угрюмо спросил:

— Геннадий Николаевич, что это вас на подвиги тянет?

— Какие подвиги? — Мое удивление прозвучало настолько искренне, что лицо у комдива смягчилось.

— Только что звонил начальник политотдела базы, спросил, служит ли у меня лейтенант Сотник. Отвечаю — служит.

А известно ли вам, что лейтенант вчера задержал опасного рецидивиста? Нет, не известно. Что скажете?

— Рецидивиста? — довольно глупо переспросил я.

— А вы что, обычных бандитов привыкли пачками ловить? И притом не докладывать? Мне из-за вас уже чоп с утра встали: люди, мол, во вверенном вам соединении героические поступки совершают, а вы ни черта не знаете.

— Да никаких героических поступков я не совершал, Владимир Михайлович! — взмолился я. Смутное предчувствие, что вчерашнее событие еще отзовется мне боком, у меня было, но я не придал ему значения. — Я ему только руки связал и сдал милиционеру..

Ручков стукнул кулаком по столу:

— Давай все сначала и с подробностями! Геройский поступок хуже пьянки. Инспектора наедут, будут изучать положительный опыт, статьи писать заставят, понимаешь?

— Нет.

— Ничего, поймешь со временем. Докладывай.

Я подробно рассказал комдиву о событиях вчерашнего вечера.

Комдив вдруг рассмеялся. Я редко видел его смеющимся, и это настолько меня поразило, что я умолк на половине фразы.

— Значит, сумочкой, а там бутылка? Молодец девчонка. — Ручков вытер платком выступившие слезы. — Да, Геннадий Николаевич, влетел ты. Теперь придется нести бремя славы.

— Почему мне?

— А потому. Не будет же девушка рассказывать о том, что врзала мужику по черепу бутылкой? Задержал преступника ты — такова официальная информация. Ясно?

Я растерянно уставился на него.

— И что теперь будет?

— Слава, Сотник, слава. Я тебя об одном прошу, не лови американских шпионов, а то нашему дивизиону тогда крышка. В качестве поощрения назначаю тебя военным дознавателем.

Комдив оказался прав. Не прошло и часа, как все в штабе дивизиона знали о моем «геройском поступке», я никогда еще не выслушивал столько язвительных поздравлений, получалось, что я совершил нечто аморальное.

Дальше — больше. На другой день дежурный по дивизиону принес мне телефонограмму, в которой значилось, что лейтенанта Сотника к такому-то часу вызывали в городское отделение милиции. Указывался и номер комнаты.

— Это только начало, — мрачно пророчествовал Петрак. — Теперь каждый день будут дергать. Следствие, суд. К тому времени у тебя как раз служба закончится. Да, поздравляю, комдив назначил тебя военным дознавателем. Распишись в приказе. Теперь вдоволь накувыркаешься.

В милиции меня принял сам начальник уголовного розыска Ермолаев. Дежурный почтительно проводил меня к его кабинету. Вид главный сыщик города имел странный: небритый, в мятом костюме, кудрявые с проседью волосы всклокочены. Такое впечатление, что ночь он провел в сквере на скамейке. Рукопожатие у него было крепкое. В силе мужик.

— Спасибо, лейтенант, бандит, что ты задержал, у нас уже давно в розыске. Мы его по всей стране разыскивали, а он под носом промышлял.

— Послушайте, это недоразумение, я никого не задерживал. Девушка...

Начальник уголовного розыска усмехнулся:

— Хорошо, помог. Без тебя девки все равно бы не справились, уже одно то, что вступился, хорошо, нынче народ не больно-то активничает. Скажи, а больше ты никого у того дома не видел?

— Нет, а что?

— Понимаешь, есть данные, что в городе залетные появились. Возможно, Багров не один орудовал. Не первый случай нападения. А медальон у дамочки дорогой, я с экспертами советовался, тысяч на десять потянет. Старинная вещь. Багров не стал бы мелочиться.

Ермолаев продержал меня с полчаса, потом отпустил, распорядившись отвезти в дивизион на дежурной машине. Этим не кончилось. В штабе ждал еще один сюрприз. Ключарев, остановив меня в коридоре, таинственным шепотом сообщил:

— Вас хочет видеть один человек.

— Кто?

— Из редакции, корреспондент. Я оставлю вас вдвоем. — Федор Кузьмич искоса глянул на меня.

— Корреспондент?

— Да.

Это было уже слишком. Похоже, из меня и в самом деле собираются сделать героя.

За оказание содействия милиции в задержании опасного преступника лейтенанту Сотнику Г.Н., то есть мне, в приказе командира военно-морской базы была объявлена благодарность, кроме того, я награждался ценным подарком —

часами «Командирские» в позолоченном корпусе. У Губанцева хватило такта не устраивать из этого представления, часы он мне вручил в служебной комнате при одном свидетеле — Ключареве, при этом Федор Кузьмич торжественно встал, как при исполнении государственного Гимна.

Судьбы моих сослуживцев сложились по-разному. После очередной реорганизации дивизиона мою должность сократили, месяц я болтался за штатом, потом меня взяли во флотскую газету. Ключарева списали по болезни, и он уехал в родной Саратов. Ручков, по слухам, закончил академию, командовал на Тихоокеанском флоте бригадой кораблей, но адмиралом не стал. Следы Губанцева затерялись. Патрак перевелся в военную приемку, тяжело заболел и умер в конце шестидесятых годов. Загвоздин и по сей день живет в Северодвинске, у него двое сыновей. Долгое время я ничего не знал о Маркине. И вдруг встретил его в Питере на Невском проспекте. Он постарел, но в черных его глазах сохранился все тот же странный блеск.

— Гена, — он похлопал меня по животу, — заходите на чай-кофе. Мы с Аней кукуем в коммуналке у Пяти углов. Вы не поверите, я работаю в школе, преподаю детям труд! В доме после моего вселения уже два раза был пожар, а недавно провалился сортир. Это всё мое биополе... Заходите, вспомним нашу «Дырку», веселые были деньки...

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

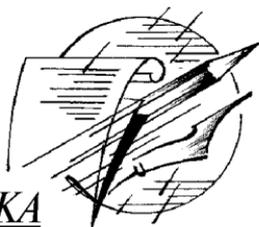
Глава 15. РУКОТВОРНЫЙ АПОКАЛИПСИС ИЛИ ПРОРЫВ В ГРЯДУЩЕЕ?

Знакомясь с российской и иностранной прессой, да и просто разговаривая с людьми, я ощущаю, как в последнее время в обществе нарастают тревожные настроения, ожидание чего-то ужасного. Да и телевидение целенаправленно поднимает тему грядущего апокалипсиса. Насколько реальна такая опасность?

Я не богослов и не могу рассуждать о том, насколько точно описан в «Откровении Иоанна Богослова» «конец света». Меня интересует, возможен ли апокалипсис, «конец света», устраиваемый не божественной волей, а деяниями людей, в особенности тех могущественных земных сил, которые стремятся изменить ход Истории и даже повернуть развитие человечества вспять, к новому и гораздо более страшному, чем античное, рабовладению. При этом я не утверждаю, что такой крах человечества неизбежен, но и не исключаю такой возможности, и хочу объективно разобраться в этом вопросе, поскольку он столь горячо обсуждается в обществе.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

— Ни в коем случае! — отвечает отметивший недавно своё 90-летие Спартак Никаноров, автор широко разрекламированной книги «Уроки СССР», работавший с С.П. Королёвым и другими гениями отечественной науки и оборонки. — Ход истории предопределён, у человечества есть миссия, возложенная на него «высшим разумом», и никакие земные силы не в состоянии остановить развитие по пути прогресса. Высший критерий истины у С.Никанорова — это «вера в человечество».

Тут невольно вспоминается работа Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Фейербах, как материалист и атеист, отрицал существование Бога. Но, понимая, что без чего-то, более высокого, чем человек-индивид, философия вообще теряет смысл, он принял за Бога человечество. Но как это человечество, состоящее, как икра из икринок (по А.И. Герцену), из грешных людей со всеми их слабостями и пороками, может заменить Бога (наиболее полно эту проблему осветил русский религиозный философ о. Сергей Булгаков), у Фейербаха так и осталось не разъяснённым.

Некоторые мыслители утверждали, что исторический процесс идёт своим чередом, и усилия людей мало что могут в нём изменить. Будущее уже существует, о чём свидетельствуют пророки и ясновидцы, появляющиеся временами в разных странах и предсказывающие это будущее с удивительной точностью. Я не отрицаю подобного подхода, но не могу принять его полностью. Мой ответ на поставленный вопрос состоит из трёх пунктов:

1. Если развитие человечества будет идти так же стихийно и с преобладанием индивидуалистических, эгоистических начал в жизни людей, то даже без мировой ядерной войны, как полагают практически все авторитетные эксперты, оно неминуемо погибнет, предварительно испоганив Землю настолько, что на ней, возможно, смогут выжить лишь простейшие организмы, да, может быть, крысы и тараканы. Эксперты расходятся лишь в сроках наступления этой катастрофы. Пренебрежение нормами экологии, бытовая преступность, вооружённые конфликты между странами с использованием всё более изощрённых средств уничтожения людей, ложь, измена, трусость и обман во взаимных отношениях — это ведь не случайные факты. Это — проявления природы человека, сложившейся исторически, пусть верующие и атеисты и по-разному объясняют причины этого. Но природу человека нельзя изменить ни трактатами, ни таблетками, ни уста-

новлением диктатуры. Потому-то эксперты и полагают, что самоубийство человечества в скором времени не только возможно, но и практически неизбежно.

2. Если же планы установления Нового мирового порядка начнут действительно осуществляться, то рукотворный апокалипсис наступит ещё раньше, чем он наступил бы в результате нынешнего стихийного развития человечества.

3. Скорее всего, планы установления НМП лопнут уже на первых этапах их осуществления, однако это вовсе не гарантирует процветания (или даже сохранения) человечества в будущем.

Почему дело обстоит, на мой взгляд, именно так — об этом пойдёт речь ниже.

Что смущает православных христиан России

А пока я хотел бы привести суждения писателей, считающих себя православными и пытающихся заглянуть в грядущее. Вот, например, книга Владимира Семенко (2011 г.) «На обрыве времён. Есть ли будущее у христианской цивилизации?» (привожу небольшие цитаты по рецензии Ольги Четвериковой). Её автор показывает, что в своё время западное христианство отошло от духовного опыта святых отцов, и западное общество, блуждавшее в течение веков по лабиринтам «свободы выбора», зашло в тупик, из которого нет выхода. Он может быть найден лишь на пути возвращения к православной идее и практике обожения (то есть уподобления Богу через непрестанный духовный труд, подвиг любви, поста и молитвы), синергии (соединения энергий Бога и человека).

Что сказать по поводу таких вдохновляющих трудов? Упование на православие похвально. Но тут я позволю себе небольшое отступление личного характера.

Помнится, довелось мне принять участие в работе секции «Вера» III Всемирного русского народного собора, где иеромонах Иларион (Алфеев) страстно призывал вновь поставить Христа в центр богослужения и всей жизни Церкви. Значит, по Илариону, и в православии с основами жизни не всё было благополучно.

Я тогда вознамерился написать книгу «Третье рождение христианства», но не закончил её и, видимо, заканчивать не буду. Но основной её мыслью поделюсь. Первое рождение христианства — это рождение и деятельность Иисуса Христа и созданной по Его завету первохристианской общины. Затем наступила эпоха гонений господствующих язычни-

ков на христиан, давшая миру тысячи мучеников — сторонников новой веры. Но римский император Константин Великий сначала уравнил христианство с языческими культурами, а затем и сделал его государственной религией. Это было как бы вторым рождением христианства. Но в итоге христианская Церковь либо превратилась в часть государственного аппарата, как в Византии, либо сама стала государством, как в Риме (где была самостоятельная держава — Папская область) и заявила претензии на господство над королями и императорами, точнее, на всемирное господство. Но вот и эта эпоха подходит к концу, и мы находимся накануне третьего рождения христианства, свободного от уз, связывающих его с государством и обращающегося прямо к душе человека. Но каким конкретно должно было стать это новое христианство, я тогда ещё не знал. Мне было известно, что на рубеже XIX — XX веков в царской России (а затем и в среде белой эмиграции, в основном во Франции) проявляли большую активность сторонники идеи «Третьего Завета» (Вл. Соловьёв, Дм. Мережковский и др.), причём каждый из них толковал её по-своему. Так, в представлении Мережковского, судьба мира проходит через три основных этапа, через три эоны: Отца — Бога-Творца, Бога Ветхого Завета; Сына — Христа, давшего людям Новый Завет, это эон, длящийся и ныне; а затем должен открыться «Третий завет» — завет Духа, имеющий выявить полноту христианского откровения. (Идея «Третьего Завета» была и в католицизме. В первый раз она была сформулирована калабрийским монахом Иоахимом де Форье, предшественником Св. Франциска Ассизского.) Первый завет — жизнь под законом, Царство Отца; второй — под благодатью — Царство Сына; и третий — Царство Духа — это жизнь в полной любви.

Но, насколько мне известно, идеи «третьезаветников» Церковь не принимала, многие считали их еретическими. К тому же в быту они, как правило, отнюдь не были образцами христианской добродетели.

Был в России того же периода известный русский религиозный философ, богослов, писатель, профессор Московской духовной академии Михаил Михайлович Тареев. Он — автор многих богословских работ, в том числе пятитомного труда «Основы христианства», книг «Цель и смысл жизни», «Философия жизни», «Христианская философия» и др. В своё время мне пришлось много над ними покорпеть, но сделанные тогда мной выписки из этих трудов так и остались не обработанными. Дело в том, что М. Тареев, будучи глубоко церковным человеком, отличался смелостью своих богослов-

ских взглядов. Так, при разборе Евангелия он старался отделить Его вечное содержание от тех положений, которые Христос использовал, обращаясь с проповедью к иудеям, когда Он вынужден был оперировать понятными им деталями их тогдашней повседневной жизни. Но особенно поразила меня его работа, вышедшая в 1918 г., уже в первые месяцы Советской власти. В этой небольшой книжечке он призывал Православную Российскую Церковь (так она тогда называлась) освободиться от гнёта идей византийских Святых Отцов и вступить на путь самостоятельного богословского творчества. Это не было случайным порывом с его стороны. М.Тареев вообще с недоверием относился к метафизике в различных ее формах, и даже к догматическому богословию. Отсюда его сдержанная оценка святоотеческого наследия, несмотря на то, что в своих трудах он зачастую опирался на Отцов Церкви. Его сдержанность в этом вопросе обусловлена тем, что, по его мнению, «единого святоотеческого учения нет, а есть святоотеческие системы и мнения, которые выбираются богословом по своему произволу». По словам Тареева, «святоотеческий принцип скрывает разгул произвола толкователей».

Разумеется, после революции и укрепления нового строя М.Тареев не смог развивать своё учение и тем более публиковать новые богословские работы, хотя репрессирован он, по моему, не был. Ему пришлось трудиться ради хлеба насущного, потому что нужно было содержать семью. (Кстати, семьянин он, видимо, был отличный и сумел дать детям хорошее образование: его сын и внучка стали знаменитыми советскими врачами, да и другой сын тоже был человеком успешным, только сейчас я не вспомню, в какой именно области знания.) Как человек высокообразованный, он мог преподавать самые разные дисциплины — от электротехники до философии и политэкономии в различных вузах страны. Умер М.Тареев в 1934 г.

Коллеги М.Тареева по Московской духовной академии не разделяли его новаторского подхода к богословию, студенты тоже его идеями не увлекались. Был даже случай, когда монах-студент пригрозил профессору Божиим Судом.

Я не знаю, высказывала ли Церковь своё суждение по поводу идей М.Тареева. Известно лишь, что публикация его трудов не всегда проходила гладко, но в конце концов цензура их пропускала, магистерскую и докторскую диссертации М.Тареев защитил успешно. Но время вообще было такое, когда действовало религиозно-философское общество, где выступали «светские богословы» — будущие звёзды «русской религиозно-философской мысли» (С.Булгаков, Н.Бердяев,

П.Флоренский и др.), а также символисты (Андрей Белый, Вяч. Иванов и др.), теософы и антропософы. Громко звучали голоса предтеч будущих «обновленцев» в Церкви. Своё отрывочное отношение к религиозной философии и к обновленцам я высказал в своих работах, в частности, в статье «Философия краха, или крах философии», напечатанной в журнале «Эпоха» (она должна быть и в Интернете). Но всё же, по зрелому размышлению, я решил, что вопрос о будущем христианства — не моего ума дело. Вот если бы кто-нибудь вроде М.Тареева приоткрыл завесу над будущим! Как раз М.Тареев и стремился поставить Христа в центр русского богословия. Уж не это ли (или что-нибудь в этом роде) имеет в виду монах Илларион? — подумал я тогда.

Прошло довольно много лет, Иларион стал митрополитом и, говорят, правой рукой Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (Гундяева). Иларион выступает с душеполезными беседами, пишет музыку — церковную и светскую, но о своих давних призывах не вспоминает. А богослужение и вся жизнь Церкви принципиальных изменений с того времени не претерпели.

На основании опыта моих поисков в этом направлении я могу сказать о трудах современных православных писателей: да, правящие круги Запада ведут дело к рукотворному апокалипсису, но убеждать их вернуться к наследию Святых Отцов вряд ли продуктивно, тем более что значительная их часть — по вере либо вовсе не христиане, либо, как принято говорить, иудеохристиане.

Сама Ольга Четверикова тоже часто пишет о кризисе Запада, особенно католицизма. Так, она отмечает роль ордена «Опус Деи» («Дело Божие»). Главные направления деятельности этого наследника иезуитов — это облёченное в религиозную форму обоснование права избранных (в том числе тех самых финансовых кланов, по вине которых человечество переживает в настоящее время глубокие социально-экономические потрясения) на транснациональную власть.

Но, наверное, гораздо более важен вывод О.Четвериковой, заявленный уже в первых строках её работы «Русская цивилизация и Ватикан»:

«В настоящее время Россию ускоренными темпами встраивают в западный мировой порядок... В сфере военно-политической такая перестройка осуществляется в отношении НАТО, а в религиозно-мировоззренческой — в отношении Ватикана. Поэтому процессы сближения с ними идут параллельно и даже синхронно и должны завершиться такой интеграцией России в западные структуры, при которой она перестанет существовать

как самостоятельное целое. Ватикану в этих планах принадлежит важнейшая роль» (выделено мной. — М.А.).

Смутную тревогу испытывают многие православные, до которых доходят слухи о всё большем сближении РПЦ с Ватиканом. Впрочем, общий ход развития страны, расширение сферы товарно-денежных отношений, колоссальное давление Запада будут способствовать распространению бездуховности и коммерциализации жизни Церкви. А значит, уповая на Православие, российским противникам Нового мирового порядка следует вырабатывать соответствующее современное светское мировоззрение «ненасильственного сопротивления», как говаривал Сергей Аверинцев. Хотя, конечно, как показывает опыт, любая светская идеология, лишённая «вертикальной составляющей», обычно бывает слабой и недолговечной.

Ну, а пока строители Нового мирового порядка чувствуют себя «на коне»... И у них немало сторонников, в том числе и в России. Ранее уже приводились высказывания Гавриила Попова в соответствующем духе. Эксперты отмечают: «Учреждение тоталитарного полицейского порядка и ликвидация национальных государств предлагаются уже как открытая программа действий, и то, что расценивалось всегда и либералами, и социалистами, и консерваторами как «новый фашизм», рекомендуется сейчас как единственно возможный, «спасительный» путь для человечества. Обсуждение таких проектов хотят превратить в норму. А на «передовую» выталкивают «особо доверенных» представителей России, которая станет главной жертвой политики тотального разграбления в случае установления режима «глобального управления».

Но несладко будет и народам Запада, как будет видно из картины НМП. Ведь строители НМП реализуют политику «управляемого хаоса» и всеобщей дезинтеграции, включая гражданскую войну и распад США, как и уничтожение Израиля (у которого «вышел срок годности»). Генри Киссинджер заявил, что к 2022 году еврейского государства не будет. Но, видимо, всё произойдет еще раньше. Куда хлынет весь поток беженцев из «страны обетованной»?

Сионисты призывали евреев возвращаться в еврейское государство Израиль. Но у современных евреев отсутствует чувство государственности, и они не хотят и не могут возрождать Великий Израиль от Нила до Евфрата. И не едут в государство Израиль. Естественно, Россия как могучая самостоятельная держава, следующая по пути своего исторического предназначения, в планах идеологов НМП заведомо исключается из будущего.

Есть и иные трактовки НМП с важным отличием: устраивать его будет не Вашингтон, а Пекин. «Холодная война», по сути, не была соперничеством между Востоком и Западом — потому что настоящим Востоком формируется только сейчас. Но будет ли НМП «по-китайски» или «по-мусульмански» лучше, чем НМП «по-американски», на этот вопрос у экспертов пока ответа нет.

Какой вариант НМП здесь рассматривается

В литературе существуют десятки (если не сотни) концепций НМП, часто исключаящих одна другую. В данной главе идёт речь об НМП в его экстремальном варианте, и выглядит он, как представлен в одном документальном фильме, следующим образом.

На Земле ближайшего будущего доминирует мировое правительство. Когда-то свободные нации стали рабами воли небольшой элиты. Семьи и даже индивидуумы близки к исчезновению. Уничтожено почти 80% населения Земли. Остатки когда-то свободного человечества вынуждены жить в строго контролируемых городах, подобных тюрьмам.

Передвижение очень ограничено, рабам не позволяют выходить в запрещённые зоны. Частная жизнь их больше не существует: наблюдают и оценивают каждое действие каждого. Планета-тюрьма во власти безжалостной банды нелюдей, власть которых не оспаривается. Мечта мировой элиты сбылась. Распространённая по всему свету система контроля, использующая суперкомпьютеры с искусственным интеллектом, должна навечно гарантировать господство монополии власти.

Автору сценария этого фильма идея подобного НМП кажется сумасшествием. В фильме показаны некоторые члены клуба властителей — выходящие из дорогих машин постаревшие богачи, которым и жить-то осталось 5—10—15 лет. Они ненормальные, полагающие, что с помощью денег они станут бессмертными или почти бессмертными и не будут наказаны за свои злодеяния. Они не понимают, что уже несчастливы и глупы, и даже если подобный мировой шабаш когда-то состоится, он все равно развалится по целому ряду естественных причин, ибо любая искусственно вводимая система обречена.

А рецензент фильма добавляет: «Возможно, Буш, масон-тамплиер, который входит в общество «Череп и кости», осознал, что культивирует масонскую традицию ордена, с которой ещё во времена английской королевы Елизаветы I связы-

вал Новый Свет Фрэнсис Бэкон». Напомню, что в плане идеологии Ф. Бэкон был воспитанником «новых венецианцев».

Сценарий фильма не надуман, он основан на высказываниях Дэвида Рокфеллера, Збигнева Бжезинского и других идеологов НМП и на анализе тенденций периода перехода от индустриального общества к постиндустриальному. В этот период создаются объективные предпосылки для нового наступления «хозяев мира» на жизненный уровень работников наёмного труда и, в частности, для уничтожения как «среднего класса», так и большей части элиты стран Запада. (Я ранее приводил высказывания Евгения Гильбо и Михаила Хазина на этот предмет.) И тем не менее, читая подобные тексты, поражаешься тому, как мало в них нового по сравнению с романами-антиутопиями 1930-х годов, например, с когда-то хорошо известным романом Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (написан в 1932 г.). Но так как он в наши дни почти забыт и немногие его прочитают (в нём 450 страниц), хочется привести краткую справку о нём.

Действие романа разворачивается в Лондоне далёкого будущего (в 2541 г.). Люди на всей Земле живут в едином государстве, общество которого — общество потребления. Потребление возведено в культ.

В этом «новом мире» люди не рождаются традиционным путем, а выращиваются на специальных заводах — человекофабриках. На стадии развития эмбриона они разделяются на пять каст, различающихся умственными и физическими способностями — от «альф», обладающих максимальным развитием, до наиболее примитивных «эпсилонов». Уже зародышам прививают определенные склонности к одному роду деятельности и, наоборот, отвращение к другому. У химиков формируют стойкость к свинцу, каустической соде, смолам, хлору. Горнорабочим прививают любовь к теплу. Низшим кастам прививается отвращение к книгам и нелюбовь к природе (ведь гуляя на природе, люди ничего не потребляют, и лучше уж вместо прогулок занимаются загородными видами спорта).

Люди разных каст носят одежду различного цвета. Люди высшей касты Альфа наиболее интеллектуально развиты, ростом выше, чем другие касты, и выполняют самую высококвалифицированную работу. Это — управленцы, врачи, преподаватели.

Каста Бета — это медсёстры, младший персонал Инкубатория.

Для низших каст (от Гаммы до Эпсилона) путём специальной обработки зародышей создают стандартных людей.

«Девяносто шесть тождественных близнецов, работающих на девяносто шести тождественных станках». Затем зародышам значительно снижают подачу кислорода, отчего снижается умственно-телесный уровень будущих рабов. Поэтому низшие касты ниже ростом, их интеллект искусственно снижен.

Гамма — это рабочие специальности, требующие небольшого интеллекта. Ну а уж Эпсилоны — совсем обезьяноподобные полукретины, они не умеют читать и писать. Это лифтёры, неквалифицированные рабочие.

Для поддержания кастовой системы общества посредством гипнопедии людям прививается гордость за принадлежность к своей касте, почтение по отношению к высшей касте и презрение к низшим кастам. В условиях высокого технического развития общества значительная часть работ может быть выполнена машинами, но передаётся людям лишь для того, чтобы занять их свободное время. Большинство психологических проблем люди решают с помощью безвредного наркотика — сомы.

Также люди часто изыясняются рекламными слоганами и гипнопедическими установками, например: «Сомы грамм — и нету драм!», «Лучше новое купить, чем старое носить», «А, бэ, цэ, витамин Д — жир в тресковой печени, а треска в воде».

Института брака в описанном в романе обществе не существует, и, более того, само наличие постоянного полового партнера считается неприличным, а слова «отец» и «мать» считаются грубыми ругательствами.

В романе много действующих лиц, но пусть в их судьбах разбираются сами читатели, которые решатся его осилить.

Конечно, Хаксли утрирует картину общества потребления, но так ли уж беспочвенны его фантазии? Могут сказать: «Ведь никто же не предлагает выращивать людей в колбах». Как же это никто не предлагает? А Жак Аттали? Я уже приводил его мнение: секс будет служить исключительно средством наслаждения, а воспроизводство людей будет поставлено на фабричную основу. Но, скажут, «никто не станет снижать искусственно подачу кислорода зародышам, чтобы вырастить кретинков». Да, буквально именно такой способ кретинизации населения не практикуется, но не достигается ли та же цель иными способами, которые настолько для нас привычны, что мы подчас не замечаем их истинного смысла? А вот журналист и фантаст Николай Левашов, отмечает, что перехода человека от стадии «Разумного животного» к стадии «Разумного человека» (по его классификации) завершается в возрасте 16—18 лет. Расход потенциала организма на раннюю сексуальную активность не оставляет достаточно

энергии на правильное развитие мозга в частности и всего организма в целом. И тёмные (паразитические) силы на планете разрушают систему образования и воспитания молодого поколения и пропагандируют сексуальную свободу и вседозволенность. И делается это вовсе не из-за беспокойства о «свободе личности» у молодых людей, а для того, чтобы остановить эволюционное развитие молодёжи на стадии разумного животного. А нужно это им для того, чтобы было легче управлять массами в своих собственных интересах. Именно на стадии разумного животного они в состоянии превратить массы людей в биороботов. Сегодня наступила эпоха финансового фашизма, который своим угнетающим воздействием удерживает в устойчивом состоянии все формы социального паразитизма и насилия.

В 1958 г., спустя почти 30 лет после выхода первой книги, Хаксли публикует её философское продолжение «Возвращение в дивный новый мир», в котором он приходит к выводу, что мы движемся к концепции «дивного мира» намного быстрее, чем он предполагал. Хаксли предлагал меры, которые, по его мнению, смогут предотвратить переход демократии в НМП. Их он развил в последнем своём романе — «Остров», но его разбор не входит в мою задачу.

Вот и герой социально-философского научно-фантастического романа «Час Быка» знаменитого русского фантаста Ивана Ефремова предупреждал человечество *«не допускать мирового владычества олигархии — фашизма или государственного капитализма. Тогда над нашей планетой захлопнулась бы гробовая крышка полной безысходности inferнального существования под пятой абсолютной власти, вооружённой всей мощью страшного оружия тех времен и не менее убийственной науки»*.

Ну, ладно, Хаксли писал свой роман более 80 лет назад, Ефремов — позже, но ещё в советское время. Но посмотрим на современную теорию «мир-системы» Иммануила Валлерстайна, которую сейчас оживлённо обсуждают российские интеллектуалы. В его модели есть глобальный финансовый центр, живущий за счёт эмиссии денег, по большей части виртуальных. Эти деньги растут сами по себе, вне зависимости от развития производства или чего-то ещё «внешнего». И этот монстр засасывает для обеспечения роста всё новые и новые реальные производственные активы. Есть также периферия (страны «третьего мира»), которая обеспечивает глобальный рост своим трудом. И, наконец, есть полупериферия, которая отчасти интегрирована в глобальную финансовую систему, но отчасти служит промышленным продолже-

нием периферии, только с элементами технологии. И что ждёт эту полупериферию?

Её элита, особенно наиболее богатые люди, интегрированные в глобальную финансовую систему, в конце концов окончательно сольётся с центром (если её там примут, а не посадят в тюрьму как мошенников). А всё остальное пространство (это, главным образом, территория бывшего СССР) должно быть затоплено некими ордами обездоленных масс, которые движутся на полупериферию с периферии в виде дешёвой трудовой силы. В конечном итоге мир будет представлять собой центр, производящий деньги, и периферию, обеспечивающую своим трудом этот бесконечный рост. России в этом мире места нет!

Ну а дальше-то что? Ведь это фантазии, будто возможен бесконечный рост! А дальше — смотри картину будущего по Аттали. От интеллектуала Валлерстайна мы прямо переходим к идеологам НМП.

Собственно говоря, планы устроителей НМП — это и есть воплощение сути антиутопий, созданных писателями-гуманистами разных стран, но в современном варианте, с использованием всех достижений научно-технического прогресса. Только от этого их античеловеческая сущность нисколько не меняется.

Практические шаги по установлению НМП

О конкретных шагах по установлению именно такого НМП пишут много, но надо в этой массе отделить зёрна от плевел. А то вот казахстанский интернет-журналист прямо назвал свою статью «Армия нового мирового порядка занимает исходные рубежи». Но при этом он на территории своей республики, кажется, не обнаружил ничего подозрительного, зато в других странах отыскал сеть ещё не загаженных цивилизацией территорий и курортных зон — «гнездовий», где «демиурги» НМП могли бы существовать в комфорте. И уверяет, что эти «гнездовья» строят сумасшедшими темпами, с грандиозными тратами, списываемыми на колоссальную коррупцию. «Гнездовья» с автономной энергетикой вместят населения в масштабе гораздо меньше «золотого миллиарда». Точнее, на местечко в «гнездовьях» может рассчитывать только доля процента значимых «персон», которые сейчас находятся на важнейших должностях в обществе. И в час «X» вся лишняя «биомасса» в радиусе сотен километров вокруг «гнездовий» по соображениям безопасности должна быть уничтожена. Даже олигархи, немало сделавшие для прибли-

жения НМП, — и те сомневаются в гарантиях местечка в «гнездовьях». Потому-то они и вкладываются в супербункеры, сверхоснащённые, снабжённые самыми современными средствами защиты и рассчитанные на годы автономного плавания яхты. Но разве от НМП спасешься в бункере или на яхте?

Не только олигархи, но и высшие руководители ряда государств рассчитывают отсидеться в бункерах в критической ситуации. Так, в рамках программы США «Непрерывность правительства», которая была создана в 1980-х годах для подготовки к возможной ядерной войне, создана сеть подземных баз. В случае войны или крупного стихийного бедствия президент США и кабинет министров смогут переехать на подземную базу под горой в штате Вирджиния, в 60 милях от Вашингтона. Сто секретных подземных командных пунктов рассредоточены по всей стране. Надо думать, что и в случае краха США устроители НМП найдут этим сооружениям надлежащее применение. Например, на случай, если в руках террористов окажется ядерное оружие.

Планы НМП — абсолютно нечеловеческие. В них есть только обслуга «гнездовой» — необходимый для индустрии и пищевой цепочки «демиургов» минимум. Чипированная биомасса со «свальной» духовностью, «единой религией», атрофированными национальными и другими человеческими ценностями, без семей (случка, как в стаде, а детей — в приюты). Ускоренное насаждение всего этого проявляется в форме спешного введения биометрических маркеров, чипирования, ювенальной юстиции, уничтожения институтов нации, семьи, шабаша внациональных, «общечеловеческих», «просветленческих», «самосовершенческих» учений.

Налицо и форсированная подготовка к уничтожению большинства людей, «не годных» для НМП. Во всём мире развернуты вакцинации, перевод на генно-модифицированные продукты, повсеместны «загадочные болезни». Развёрнут беспримерный нарко-, алко-, фармо-, эко- и прочий геноцид: тарифный, жилищный, земельный бандитизм. Кстати говоря, о судьбе Ротшильдов и им подобной закулисы: всё это **пойдёт в отвал**, как отработанный материал.

Ни одному олигарху, тем более Ротшильду, не придёт в голову уничтожать мир (зловредными бактериями, третьей мировой, радиацией, ядами, нефтяными пятнами в Гольфстриме...), разрушать нынешнюю бирже-банко-паразитическую систему, чтобы потом самому же сидеть в бункере с фильтрованным воздухом и консервированной едой, а не греть пузо на Лазурном берегу. Любой «закулисе» не нужно разрушать

мир, истреблять людей — источник своих богатств, напротив, ей надо бы зубами вцепиться в существующее мироустройство и охранять его. Так что искать надо авторов НМП среди тех, в ком нет ничего человеческого. И воспитывают кандидата в новые «земные владыки» из вырожденца, зверёныша, асоциального существа, из которого вырастает рецидивист, если родился в социальном низу, или типичный «хозяин жизни», чуждый всему людскому, если появился в «элите». На том стоят. Это их и погубит.

Исполнителями «нового мирового порядка», — продолжает журналист, — будут «чрезвычайные», «спасательные», «гражданские» войска. Вокруг «гнездовой» надо будет осуществлять «чрезвычайщину» и «подавлять беспорядки», стреляя в собственных граждан, осуществлять «карантин» и фильтрацию «закрытых» населенных пунктов и т.д.

К тому, чтобы выполнять функции карателей из нацистских зондеркоманд, окажутся не способными регулярные войска или сотрудники правоохранительных органов, и даже «миротворческие силы». Поэтому в США, например, как государственные, так и частные воинские контингенты давно и неприкрыто готовятся к подавлению сопротивления планам НМП — широко известно о миллионах заготовленных там пластиковых гробов, сотнях готовых концлагерей и пр.

Ясно, что те, кто намерен установить НМП, — это не какие-то масоны (хотя среди его устроителей масоны высших степеней посвящения определённо присутствуют). Скорее всего, как отмечают наблюдатели, масонские организации, созданные в своё время для завоевания мирового господства, ныне служат как громоотвод, который позволяет держать в тени настоящие тайные общества, замышляющие что-то уж совсем запретное. Если в мире происходит революция или война, то виноватыми в этом считают масонов, в крайнем случае — Ватикан. Но как можно называть тайными общества, о которых каждый день пишут газеты, у которых есть официальные сайты?!

Это также и не банкиры, которых тоже часто считают организаторами НМП. (Хотя среди последних, опять-таки, крупнейшие банкиры мира присутствуют.) А. Дударев из Санкт-Петербурга решил заступиться за оболганных банкиров, а заодно доказать, что «агонии мировой финансовой системы не было, нет и не будет». По его мнению, аналитики преувеличивают роль банков в создании кризисной обстановки в экономике. Универсальная формула «Товар — Деньги — Товар» сейчас не работает. Сбой в оборотах свидетельствует — банки просто перестали быть участниками производствен-

ных процессов в промышленности и торговле не потому, что они этого не хотят, а потому, что они этого не могут делать. Банки перенасыщены суррогатами денег, они занимаются оценкой и продажей ценных бумаг, не обеспеченных ликвидностью.

Но не банки являются причиной вульгаризации финансовой политики государств. Появление ипотеки в строительстве, всплывшие из глубин Средневековья векселя, внедрение лизинговых схем в сельском хозяйстве, кроме как коллективным сумасшествием назвать невозможно. Сложилась ситуация, когда оснащённые компьютерами банки не могут сформировать достоверное «сальдо». Появление мировых офшорных центров вызвало отторжение денежного капитала из государственных программ и бюджетов целого ряда стран. И не сфера финансов в этом виновата. Возвышение мнения руководителей различного уровня над силой и логикой Закона, пренебрежение нормами этики и морали вызвало сначала ощущение кризиса, а затем и сам кризис во всех странах без исключения.

Значит, виновные в бедствиях народов устроители НМП — не масоны, служащие им прикрытием, не банкиры, вынужденные выполнять грязные финансовые операции, а птицы гораздо более высокого полёта в иерархической системе мировой олигархии. Вот они-то и должны наслаждаться всесторонним комфортом в «гнездовьях».

Журналист Николай Малишевский в статье «Экономическая война за новый мировой порядок» (в интернет-журнале КМ.RU), разбирая высказывания ведущих финансистов США и ФРГ, приходит к такому выводу. Планете угрожает новый виток «валютных войн». Путь к НМП — это прежде всего и есть валютно-экономическая война за превращение мира в единый рынок, экономическую сверхимперию, своеобразный аналог супермаркета. Государствам предназначено стать его «отделами» с администраторами-правительствами, подчинёнными одному управляющему. В новой войне в ход пошло и новое организационное оружие в виде своего рода финансово-экономических «бомб». Специфика действия этого оружия — уничтожение материальной базы национальной независимости (которая препятствует экономической глобализации) и — при необходимости — обезлюдение захватываемых территорий, их очистка от всех, кто «нерентабелен» в новой глобальной экономике. Такую роль готовят и большинству населения проигравшего холодную войну СССР, о чём лидеры Запада в 1990-е годы говорили совершенно открыто.

Почему невозможен успех устроителей НМП?

Если отвечать коротко, то по четырём основным причинам: сопротивление народных масс, незнание этими деятелями человеческой природы и особенностей надвигающейся новой эпохи, а также игнорирование мейнстрима современного исторического процесса. Видимо, придётся этот краткий ответ развернуть.

О сопротивлении масс. Бжезинский, выступая на Европейском Форуме Новых Идей, проходившем в Польше 26—28 сентября 2012 г., предупредил мировые элиты об опасности, которая угрожает проекту НМП из-за глобального движения сопротивления народов. И это сопротивление всё тяжелее поддается подавлению. Бжезинского, конечно, не радует такое развитие событий. Оно не заставило его отказаться от своих планов, просто придётся изменить методы их осуществления.

Даже в США растёт движение по противодействию планам устроителей НМП. Ведь для осуществления этих планов необходимо закабалить и роботизировать прежде всего американский народ. То есть основной жертвой НМП должна стать именно Америка.

Но, думаю, гораздо больше должно пугать устроителей НМП то, что их действия вызовут к жизни повсеместное стихийное противостояние, в том числе и опирающееся на террористические методы. Пусть в своих «гнездовьях» они смогут обезопасить себя и свои семьи (хотя полностью и эта цель недостижима, ибо от распространения эпидемий, отравления источников питьевой воды и пр. никто не может быть застрахован). Но ведь «хозяева мира» вынесли всё производство за пределы «гнездовий», чтобы обеспечить в них высший уровень комфорта и экологического благополучия. И эти производственные объекты размещены там, где живут и трудятся «работяги», а потому легко могут стать целью атак террористов. Что станут кушать «хозяева», если будут уничтожены предприятия по производству элитного продовольствия и прекратится выращивание необходимых для этого сельскохозяйственных продуктов?

Но самый, пожалуй, удивительный пример борьбы против НМП показал народ крохотной Исландии. Этот случай настолько поучителен во всех отношениях, что мне придётся выделить разбор его в особый маленький раздел (тем более, что он позволяет лучше понять и многое из того, что происходило и происходит в России). Его я написал по материалам, которых сейчас в СМИ множество, но выводы сделал свои.

Исландия — удивительная страна с населением 330 тысяч человек (потомков викингов), где почти все так или иначе знают друг друга. Нация столь маленькая и однородная, что больше похожа на большую семью. Возникшая ещё в 870 г., Исландия почти всё время оставалась крестьянской (если и рыболовство относить к сельскому хозяйству), причём хуторской страной, города там появились сравнительно недавно. Хотя и в ней существовало имущественное расслоение, но по его глубине и масштабу оно не шло ни в какое сравнение с тем, что мы наблюдаем в других странах Запада. Это было, пожалуй, общество самого широкого на Западе равенства и самой широкой демократии. Любой исландец может запросто прийти к премьер-министру (хотя толп желающих такого общения не наблюдается).

Экономика страны держалась на рыболовстве, геотермальных источниках, дающих тепло и энергию, тепличном овощеводстве и туризме. Поскольку электроэнергия там дешёвая (топлива для её производства не требуется), в стране налажено и энергоёмкое производство алюминия. Но в последние годы наиболее важные изменения в жизни страны были связаны с развитием банковского сектора.

Банки в Исландии были и принадлежали в основном государству. Но архитектор подъёма и падения Исландии Давид Оддсон, бывший в 80-х годах премьер-министром, послушался американского экономиста Милтона Фридмана, убеждённого, что правительство — это смерть. Вот и Оддсон устремился к цели принести исландцам свободу — под этим он подразумевал освобождение от всякого контроля со стороны государства. Он понизил налоги, приватизировал промышленность, освободил торговлю, и наконец, в 2002 г., приватизировал банки.

Целая нация, безо всякого современного опыта или даже отдалённого представления о больших финансах, устремилась в сферу финансовых спекуляций. Активы трёх крупнейших банков Исландии выросли в разы и стали неизмеримо больше ВВП страны. Говорят, это был самый быстрый рост банковской системы в истории человечества. Стоимость исландских бумаг и недвижимости взлетела до заоблачных высот, а банки активно выдавали исландцам кредиты на покупку ценных бумаг и недвижимости. Средняя исландская семья стала втрое богаче, и фактически всё это богатство так или иначе было связано с новой индустрией инвестиционных банков. Началось бегство студентов от рыболовства в экономику денег, в сферу финансового менеджмента.

Исландцы уже не думали о росте производства, а стали покупать дома в престижных районах городов Западной Европы, британские футбольные команды и супермаркеты, частные самолёты и датские авиалинии, медийные компании и норвежские банки, индийские электростанции и доли в бизнесах, о которых не имели ни малейшего понятия.

«Покупай как можно больше активов на заёмные деньги, ибо стоимость активов лишь растёт» — вот что стало для них основным финансовым уроком, данным Америкой. И исландцы выучили его назубок. Они платили сумасшедшие деньги за услуги, которые до того никому в Исландии и не мерещились. Кто-то мог выписать на свой день рождения, Элтона Джона на самолёте за миллион долларов. Словом, как и в современной России: на некоторых людей пролился дождь шальных денег, и у них «поехала крыша».

Суть процветания Исландии сводилась к тому, что группа не имеющих ни малейшего опыта в финансах парней из этой страны берёт на десятки миллиардов долларов коротких кредитов из-за рубежа. Поскольку цены активов росли по всему миру, то и складывалось обманчивое впечатление, что они делают на этом деньги. По сути, они создавали фиктивный капитал, перепродавая друг другу активы по завышенным ценам. Именно таким образом росли и банки, и инвестиционные компании. Но они были легковесами на международном рынке.

К тому же в 2007 г. ООН объявила Исландию лучшей для жизни страной. Это было золотое времечко роскоши, когда местный средний класс три раза в год ездил на Карибы, строил трёхэтажные дома с каминами и саунами и покупал авто класса «люкс».

Исландская крона казалась устойчивой как никогда. И все попытки опытных финансистов охарактеризовать исландцев как простых уличных жуликов и представить финансовый подъём Исландии как «идеальный пузырь» провалились. Тут уже сказалась жадность европейцев.

Английские и голландские вкладчики были уверены, что исландские банки подпадают под европейскую юриспруденцию, а значит, всё прекрасно, деньги в безопасности. И деньги хлынули потоком. Хотя вкладчики тоже должны были бы задуматься: если вам предлагают более высокий процент, то, может быть, банкир собирается сбежать с вашими деньгами?!

Но людьми овладело возбуждение приобретательства сродни тому, что охватывает записных игроков в казино, когда не думают ни о чем, кроме выигрыша.

Можно ещё понять наивность обыкновенных вкладчиков, которые понесли в банки свои кровные, поверив в быструю прибыль. Но на удочку клюнул даже Скотленд-Ярд и мэрии крупных английских городов, вложивших бюджетные деньги в исландские банки.

Германские банки, голландские вкладчики, британские инвесторы дали исландским банкам десятки миллиардов долларов. Всего исландские частные банкиры набрали кредитов на сумму 120 миллиардов долларов (цифра, в 10 раз превышавшая размеры самой исландской экономики). Тоненькая прослойка исландцев сказочно обогатилась, оставив остальных сограждан, когда грянул кризис, с абсолютно не выплачиваемым долгом. Перед Исландией замаячила перспектива национального банкротства. 330 000 граждан Исландии обнаружили: они несут некую ответственность за 100 миллиардов банковских потерь — грубо по 330 000 долларов на каждого — от младенцев до стариков. Помимо того, они потеряли десятки миллионов долларов лично, как следствие своих ненормальных спекуляций иностранной валютой, и еще больше — в результате обрушения на 85% исландского фондового рынка. Точный долларовый объём исландской финансовой дыры невозможно даже узнать, но дыра оказалась очень большой.

Политики лихорадочно искали деньги. Первая мысль — надо занять у русских. Исландии срочно были нужны 5 миллиардов долларов, её представитель поехал в Россию. В. Путин вроде бы согласился помочь. Но тут грянула война с Грузией, и России стало не до Исландии. А потом финансовый кризис 2008 г. докатился и до России. Словом, денег Исландии не дали. А ситуация стала отчаянной. Банкротство казалось неминуемым.

Исландия закрылась на несколько недель. Банковская система рухнула, и было невозможно ни получить, ни отправить деньги. Люди метались по банкам, пытаясь снять деньги со счетов, или бегали по магазинам, скупая всё подряд: стиральные порошки, мыло и зубную пасту. Исландская крона обесценилась почти в 2 раза, а недвижимость резко упала в цене.

Разорение внутри страны — это еще полбеды. Одновременно потеряли свои деньги 300 тысяч вкладчиков в Великобритании и около 100 тысяч вкладчиков в Нидерландах. Правительства этих двух стран частично возместили потери своим гражданам, но тут же предъявили счёт Исландии на 4 миллиарда евро (выплата в течении 15 лет с годовой ставкой в 5,5%). В сущности, целую страну решили посадить в долговую яму.

Кредиторы потирали руки от удовольствия. Ясно было, что карликовое государство не выживет и пойдет с молотка. А Исландия — страна, богатая природными ресурсами.

Международные СМИ обзывали банкротов-исландцев мошенниками, пиратами и лгунами. На них опробовали тот же трюк, что и на греках, которых стыдили за лень, воровство, подделку документов и уклонение от налогов. Но если под ударами греки лишь ниже клонили головы и посыпали их пеплом, то у исландцев это пробудило ярость.

У исландцев возникли вопросы: виноваты ли они в преступлениях банкиров? Разве исландцы мошенники?

По призыву, опубликованному в Интернете, люди приходили в полдень и, стоя перед парламентом, все вместе решали, что делать. Они отказались общаться с медиа и политиками: «Довольно мы слушали тех, которые нам лгали, что у нас всё идет прекрасно. Пусть приходят люди с улицы и говорят». В центре Рейкьявика толпа сжигала чучела банкиров, а в парламенте летели баночки с йогуртом. Местные домохозяйки вооружались сковородками, кастрюлями и поварешками. Начиналась Великая Мирная Кастрюльная революция, направленная против финансовой тирании!

Вообще-то, при взрывном характере исландцев, революция грозила принять ужасающий размах. Но её организаторы знали, что ненасильственный подход гораздо эффективнее, и организовали «стену» из людей в броских оранжевых жилетах, которые встали между разъярённой толпой и полицией. Это их заслуга в том, что всё произошло без насилия и кровопролития, без единого выстрела. Можно представить, что было бы, если бы во время этой революции погиб хоть один человек. Немедленно Англия, например, потребовала бы созыва Совета Безопасности ООН, где осудила бы зверства бунтовщиков и потребовала бы ввода в Исландию «миротворческих сил». Революция в стране, не имеющей даже армии, тогда, конечно, была бы задушена.

А в итоге мирной революции правительство и премьер-министр ушли в отставку. В результате новых выборов к власти пришло левое социалистическое правительство, которое, однако, тут же прижали к стенке международные финансисты и Евросоюз. Дескать, Исландия должна заплатить — и точка. Исландцам угрожали международной изоляцией, экономическим эмбарго, заморозкой счетов и даже войной. И под этим давлением парламент принял закон о выплате народом Исландии долгов частных банков.

Это решение вывело на улицы Рейкьявика практически всех жителей города. Народ требовал референдума!

Мысль о том, что можно использовать деньги налогоплательщиков для оплаты долгов частных банков, аморальна. Но именно это в 2008 г. сделали правительства США и Евросоюза, переложив проблемы банков на плечи обычных граждан. Но почему? Частные банки вели операции за границей и лопнули. Центральный банк Исландии не имел никаких шансов им помочь, да и не имел резона им помогать!

Да, элита Исландии жила роскошно. Но не обычные налогоплательщики. С какой стати они должны отдуваться за всех? Исландские банки назанимали денег, а платить по счетам оставили исландских налогоплательщиков, которых никто не спрашивал и никто не предупреждал. А теперь исландцы, их дети и внуки должны астрономические суммы людям, которых в глаза не видели и с которыми никогда не имели дела! 350 тысяч иностранных вкладчиков против 330 тысяч исландцев. Почему скромная уборщица должна всю жизнь батрачить на иностранные банки, у которых правительство одолжило денег, не спросив её согласия и даже не известив её? Что это, как не злоупотребление доверием? (А за это полагается уголовное наказание!) И почему никто не возлагает ответственности на немецкие банки, которые дают кредиты Греции или Испании, прекрасно зная об их некредитоспособности? Значит, они рассчитывают залезть в карман к беззащитным греческим и испанским налогоплательщикам!

Правда, в краткосрочной перспективе обычному исландцу не до выгоды. Крах исландской кроны означает рост цен на импортные товары. Исландцы, которые взяли кредиты в иностранной валюте, получают увеличение своих ипотечных займов вдвое и даже втрое из-за колебания своей валюты. Доход исландцев после уплаты налогов в 2009 г. упал на 18 процентов. И конечно, народ разгневался...

В результате социального взрыва в Исландии случилось невероятное: президент отказался подписать закон, принятый парламентом, и вынес вопрос о погашении займов на референдум. В марте 2010 г. **исландский народ проголосовал за то, чтобы не выплачивать созданный банкирами долг в 3500 миллионов евро. Премьер-министр был осуждён, все бывшие руководители трёх крупнейших банков арестованы**, примерно 200 чиновникам высшего звена и банкирам, ответственным за экономический кризис, были предъявлены официальные обвинения. Как заметил позже президент: «Исландии говорили, что если она не примет условия международного сообщества, то станет северной Кубой. А если бы мы согласились, то стали бы северным Гаити».

Исландия была подвергнута информационной блокаде. Ее просто стёрли с карты. Никто не осмеливался писать о крохотной державе, бросившей вызов международной банковской мафии. Исландцы боролись в одиночку. Чтобы не подавать «дурной» пример народам Южной Европы, которые тоже могли отказаться платить спекулянтам, Исландия должна была навсегда исчезнуть из мировых новостей.

Но... информационную блокаду Исландии прорвал, как ни странно, вулкан Эйяфьятлайокудль, который начал извергаться весной 2010 г., одновременно с референдумом. Извержение не доставило острову никаких неприятностей, но зато на целую неделю парализовало авиасообщение в Европе. И почти полмесяца Исландия была звездой в мировых новостях. Остров, что называется, «отметили» на карте. А летом 2010 г. поток туристов в Исландию возрос до миллиона человек. Отлично! Примем всех! Заработаем на вас! Финансовый крах 2008 г., как ни странно, укрепил национальную гордость исландцев. Они вдруг оказались одни против целого мира. И в результате получили статус жертв.

После краха 2008 г. Исландия приходила в себя. Все меры, принятые новым правительством, были радикально-жесткими, зато чрезвычайно эффективными и полностью противоположными тем мерам, которые предпринимал и предпринимает Евросоюз.

Во-первых, было принято решение о банкротстве частных банков, их последующей национализации и девальвации кроны. При этом успели «спасти своих». По словам директора Центробанка Исландии, «мы позволили частным банкам рухнуть, но мы решили спасти их «домашнюю» часть. Мы перевели «домашние» деньги и долги в новые банки. И эти новые банки национализировали. Тем самым была спасена внутренняя платёжная система и сбережения самих исландцев».

Во-вторых, был введён строжайший запрет на вывоз капитала из страны. Любые инвестиции «за кордон» — только по специальному разрешению. Капитал вынужден, скрипя зубами, сидеть дома и работать на страну. А рядовые исландцы, выезжая за границу, обязаны предъявить в банке авиабилет, и только тогда им продадут 2000 евро. Но при этом они свободно могут расплачиваться в поездке кронами со своей кредитной карты и снимать с неё деньги за границей. Это был абсолютно необходимый шаг, остановивший паническое бегство капитала и укрепивший местную валюту.

В-третьих, правительство вынуло из долговой петли тех граждан, которые взяли ипотечные кредиты в иностранной

валюте. После резкого падения кроны в 2008 г. многим из них грозило разорение и потеря домов и квартир. Согласно решению о том, что долг по ипотеке не может превышать 110% от стоимости дома, весь банковский «навар» просто испарялся.

В результате отказа от выплаты внешнего долга, национализации банков и запрета на вывоз капитала Исландия, уже похороненная мировыми СМИ, выбралась из могильной ямы. Инфляция упала с 20% до 6%, а безработица снизилась до 5% (великолепный результат по сравнению с европейскими странами, где уровень безработицы возрос до 25%). По данным ОЭСР, в 2012 г. рост исландской экономики должен превысить аналогичный показатель по развитым странам и странам зоны евро.

Более того, Исландия даже умудрилась досрочно выплатить долги МВФ. (Ведь кризис не затронул две важнейших отрасли — экспорт рыбы и алюминия, и валюта исправно поступает в страну.)

Примечательно, что опыт Исландии одобрил и американский экономист, лауреат Нобелевской премии Пол Кругман:

«Исландия должна была стать примером экономической катастрофы. Сбежавшие банкиры оставили страну с огромными долгами и, казалось бы, в безнадежной ситуации. Однако на пути к экономическому Армагеддону произошла забавная вещь: отчаяние сделало привычное поведение невозможным, дав свободу нарушать правила. Когда все спасали банки и заставляли общество платить, Исландия позволила банкам разориться и расширила сеть социальной защиты. Когда все зациклились на том, чтобы задобрить иностранных инвесторов, Исландия наложила временные ограничения на движение капитала, чтобы дать себе пространство для манёвра. И что сегодня происходит в Исландии? Страна не избежала большого экономического ущерба или значительного падения уровня жизни. Однако она смогла ограничить как рост безработицы, так и страдания наиболее уязвимых слоев общества. Сеть социальной защиты уцелела, равно как и система общественных обязательств перед гражданами. «Могло быть хуже», возможно, не самый оптимистичный слоган, но когда все ожидают сокрушительной катастрофы, такой итог можно считать почти триумфом». Кругман также написал, что для страны лучше так, чем следовать модели спасательных пакетов, чтобы сохранять платежеспособность, как это делает Ирландия.

С Кругманом согласен и другой нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц: «Исландия правильно сделала, что обеспечила функционирование своей платёжной системы, в то время как

кредиторы, а не налогоплательщики понесли убытки от банкротства банков. С другой стороны, Ирландия делает всё неправильно. Возможно, это наихудшая модель».

Совершив Кастролюнную революцию, разогнав старое коррумпированное правительство и открыв уголовные дела против проворовавшихся банкиров, исландцы решили всем народом написать самую прогрессивную в мире Конституцию. И без участия политиков и юристов. Вот мнения авторитетных исландцев на этот счёт: «Мы должны быть крайне осторожными с адвокатами и законниками. У них есть свойство извращать всё, к чему они прикасаются, и особенно общие понятия». «Консервативные политики уговаривали народ не менять Конституцию, как будто закон — это священная корова. Но что такое Конституция? Это просто социальный контракт между обществом и государством. И если он провалился, если он не смог защитить нас от лжи банкиров и продавшихся им чиновников, значит, контракт надо переписать».

Писать Конституцию решили всем миром. Компьютер выбрал 1000 случайных граждан страны, достигших избирательного возраста. Так была создана национальная ассамблея, участники которой обсуждали основные идеи, ценности и нравственные идеалы, которые должны быть заложены в Конституции. В обсуждении с помощью интернета участвовала вся страна. Потом было решено выбрать конституционный совет из 25 человек, который сядет и напишет Конституцию. Из кого? Да из тех, кто сам захочет. Вызвались 522 человека. А потом из них выбрали 25 (тех, кто сумел собрать не менее 30 подписей от 522 выборщиков).

Все желающие стать авторами Конституции проводили свои предвыборные кампании в интернете. Всё бесплатно. Деньги в таких делах — просто грязь. В совет попали самые обыкновенные люди — врачи, священник, медсестра, фермер, поэт. Все они работали четыре месяца над проектом, получая зарплату парламентариев. Круглосуточно через Твиттер и Фэйсбук исландцы (и даже иностранцы) вносили свои предложения и поправки.

Проект новой Конституции начинается красиво и трогательно: «Мы, люди Исландии, хотим создать справедливое общество, где каждый из нас будет иметь место за общим столом».

Какие самые главные статьи в новой Конституции? То, что все природные ресурсы нации, включая самые дорогие — рыбу и энергию, объявлены собственностью нации. И то, что люди не желают голосовать за политические партии, а

только за конкретных людей с их личной программой и ответственностью. А также они требуют гарантий, чтоб каждый человек имел бесплатный доступ к интернету и ко всем правительственным документам, если они не являются государственной тайной.

Большинство жителей Исландии высказались за сохранение государственного статуса Лютеранской церкви, что, по мнению Евросоюза, не «политкорректно». Но «политкорректность» уже всех достала. Никто никого не принуждает к вере. Но если большинство населения основывает свою жизнь на одной религии, значит, она должна иметь конституционный статус.

Исландцы решили также дать голос природе, защитить её. И сделать так, чтоб никто из иностранцев не смог купить их ресурсы. Ведь что творится в мире! Недавно китайцы купили знаменитый ещё с древности греческий порт Пирей. Разве это правильно?

Есть в Конституции и забавные статьи: например, о правах животных. Так, условия жизни кур на птицефабриках ужасны. Пусть смерть для всех неизбежна. Но и право на достойную жизнь должны иметь все, даже куры. Тем более, что курица, выросшая на деревенском дворе в здоровых условиях, гораздо вкуснее бройлерной.

Исландцы считают свой проект Конституции подарком всему человечеству. Простые исландцы сделали красивую и благородную работу, создав народную Конституцию. Даже люди без образования знают, что такое хорошо и что такое плохо, — на уровне инстинкта. Почему один процент населения земли владеет всеми её богатствами? Почему кто-то сидит над ящиком золота в то время, когда люди умирают с голода каждую минуту? Глобализация порочна по своей сути. В старые добрые времена в маленьких магазинах можно было купить вещи местного производства, добротные и качественные, пусть и дорогие. Производство давало людям работу, достаток и уверенность в завтрашнем дне. А теперь капитал перевёл все производство в Азию, потому что там есть рабы и безжалостная система, позволяющая использовать рабский труд. Европа осталась без работы. Политики, прислуживающие капиталу, играют в грязные игры, как будто не они работают на народ, а мы являемся их рабами. Но мы, простой народ, их просто наняли за наши деньги. И должны напоминать им об этом каждый день.

Британия и Голландия подали иск в Европейский суд по свободной торговле на Исландию за её отказ выплатить эти долги. Несмотря на это, Исландия переживает мощный

подъём. Как ожидается, бюджет в этом году станет профицитным. И дефолт страны не вызвал катастрофу. Как заявили в МВФ, «большинство отрицательных эффектов не оправдались». Основные экономические показатели Исландии в настоящее время сильнее, чем у стран, которые получили спасательные пакеты

Некоторые экономисты стали утверждать, что Греция с Ирландией должны позволить своим банкам обанкротиться. Но Европе следует с осторожностью подходить к опыту Исландии. Исландия уникальна по двум причинам. Во-первых, Исландия маленькая страна. Также, в отличие от Ирландии, Греции или Португалии, у Исландии собственная валюта — крона. Исландия может девальвировать свою валюту, чего не смогут другие члены Еврозоны.

В то время, как европейские кредиторы проклинают Исландию, есть и те, кто хотел бы видеть ее в зоне евро. ОЭСР заявила, что Исландия легче пережила бы финансовые потрясения, если была бы частью еврозоны. И в Исландии по-прежнему существует интерес в присоединении к еврозоне, несмотря на нынешние беды региона.

А на Всемирном экономическом форуме в Давосе президент Исландии, подобно мальчику из сказки Андерсена «Новое платье короля», задал вопрос, который любой политик Запада счёл бы неприличным «Почему мы возимся с банками, как будто это святые церкви?»

Мне очень хотелось бы, чтобы как можно больше граждан России узнали об опыте исландской революции. Думаю, из него можно извлечь много поучительных уроков для нас.

Немало нашлось и противников исландской революции, расценивших её как элементарную попытку исландцев присвоить деньги иностранных вкладчиков. Так, Сергей Голубицкий разоблачает «исландский миф о подлой эксплуатации маленькой, но гордой нации ястребами НМП». Он считает, что не три частных банка, а все 330 тысяч исландцев от мала до велика семь лет дружно участвовали в распиле денег европейских вкладчиков, строя новые дома, покупая красивые автомобили, путешествуя по теплым странам, набирая льготные кредиты в евро и тут же их перезакладывая в кронах... Ни о какой реальной выплате не могло быть и речи. Великобритания и Нидерланды это прекрасно понимали и потому предложили Исландии кредиты для покрытия задолженностей перед частными вкладчиками их стран. Согласно «революционному мифу», гордый остров показал Туманному Альбиону фигу, однако это, конечно же, не так. Исландия на протяжении вот уже трех лет играет в неприличный покер

по следующему сценарию: парламент энергично утверждает схемы погашения международных задолженностей, после чего президент отказывается их подписывать (эта карта разыгрывалась уже два раза!). На следующем этапе назначается и проводится референдум (тоже два раза!), на котором исландцы говорят дружное «НЕТ» (в первый раз 93%, во второй — 60%) выплатам по обязательствам. Премьер-министр (сначала один, потом другой) выражает глубочайшее сожаление по поводу нежелания своего народа вести себя цивилизованно и назначает новый раунд переговоров. Всё это время Исландия благополучно использует деньги МВФ, Великобритании, Нидерландов, скандинавских стран, Германии и России для стабилизации национальной валюты и выведения из кризиса своей экономики, которая лишилась ключевого источника всеобщего островного обогащения — пиратских налетов на чужестранцев, предпринятых родными банкирами-викингами. В довершение всего Исландия изо всех сил рвется в Евросоюз, полагая, видимо, что под общим зонтиком удастся заручиться еще более льготными условиями по кредитным выплатам. Хотя они даже в сегодняшнем варианте выглядят неправдоподобно щадящими: рассрочка аж до 2046 г. с предоставлением заёмных средств для погашения задолженностей под 3 процента годовых! И вот этот постыдный театр нам пытаются представить в виде благородно-революционного «отказа подчиняться иностранным интересам», а народы Греции, Испании, Италии и Португалии призывают последовать исландскому примеру!

Возможно, С.Голубицкий отчасти прав. Но народ Исландии наказал зарубежных вкладчиков (максимально защитив интересы собственных граждан), погнавшихся за очень высокими процентами в исландских банках. А что касается отказа государств от уплаты своих долгов, то таких случаев было множество — от глубокой древности до наших дней: чтобы их все перечислить, нужно бы написать солидный трактат. В своё время король Англии отказался выплачивать огромный долг банкирам Флоренции (которые кредитовали как короля, так и его противников в войне). Это привело тогда к общеевропейскому финансовому кризису, продолжавшемуся несколько десятилетий. Позднее король Испании повторил этот подвиг, наказав банкиров Генуи. В самой Англии «новые венецианцы» обманом заполучили в частную собственность Банк Англии, создав прообраз ФРС США. Я уж не говорю о таких преступлениях Англии, Голландии и других европейских держав, как торговля рабами, похищенными в Африке и выгодно перепроданными на плантации в

Америку, «опиумные войны» против Китая и прочие мерзости, по сравнению с которыми отказ платить долги — это сущие мелочи. Франклин Рузвельт лишил американцев права иметь золото, приказав под угрозой тюремного срока и громадного штрафа продать монеты и слитки ФРС по одной цене, а после этого назначил цену гораздо более высокую. Несчётное количество золота царской России осело в банках стран Запада, по большей части как предоплата за вооружение, которое так и не было поставлено, и никто не спешит возвращать эти сокровища РФ — наследнице Российской империи. СССР отказался выплачивать царские долги, считая, что деньги брались взаймы антинародным режимом на антинародные цели. А отказ США от торжественно взятого на себя обязательства обменивать доллары на золото по согласованному всеми странами курсу — это не отказ платить долги? Ведь именно с этого момента и стала возможной эмиссия ничем не обеспеченных долларов, что привело мировую экономику к кризису, из которого, кажется, нет иного выхода, кроме новой кровопролитной войны. На этом фоне торг Исландии за наиболее приемлемые условия выплаты долгов иностранцам — это такая мелочь, о которой и говорить-то неудобно, а уж тем более клеймить позором страну и её народ и грозить им международными санкциями вообще аморально.

Какая версия событий в Исландии более правильная — моя или С.Голубицкого — пусть решат читатели.

Другие очаги сопротивления НМП

Обозреватель британской газеты «Гардиан» Шеймас Милн отмечает широкое распространение движения против всевластия мировой олигархии в странах Латинской Америки: *«По всему континенту к власти продвинулись социалистические и социал-демократические правительства, которые нацелились на преодоление экономической и расовой несправедливости, на создание региональной независимости и на возврат ресурсов из рук ТНК. Два десятилетия после того, как нас уверили в том, что неолиберальному капитализму не может быть альтернатив, латиноамериканцы смогли их создать»*. И надо думать, не одни латиноамериканцы.

Росту сознательности масс, сопротивляющихся установлению НМП, способствует и распространение в мире идей альтерглобализма. До последнего времени противниками глобализации выступали антиглобалисты, которые просто её отрицают. Но это позиция несерьёзная, потому что глобали-

зация как таковая — это объективный процесс сближения народов мира. Но она может принимать разные формы. СССР тоже проводил глобализацию, стремясь распространить возможно шире (в идеале — на всю планету) строй социализма, максимально отвечающий, как считали у нас, требованиям равенства и справедливости. Владимир Путин предлагает проводить глобализацию так, чтобы проблемы энергоснабжения, здравоохранения, образования и пр. решались в интересах всех народов, а не только тех, кто сильнее других. Глобализация по-американски — это глобализация в эгоистических интересах США. О глобализации, как её понимают устроители НМП, сказано уже достаточно. Наиболее известный в России сторонник позитивной альтернативы новой империи — профессор А. В. Бузгалин, его программные статьи общедоступны.

Об игнорировании человеческой природы

Вообще-то идеологи НМП изучали природу человека весьма глубоко, на это работали сотни исследовательских институтов. Так, когда нужно было разрушить СССР, Запад детально изучил слабости советского человека — от обывателя до верхов элиты. А о том, как эти знания использовались, хорошо известно из так называемой доктрины Аллена Даллеса. Но в целом изучение человека идеологами НМП велось весьма односторонне. Их интересовали прежде всего возможности манипулирования массовым сознанием, и тут они добились больших успехов. Другой аспект их интересов — как повысить продолжительность активной жизни и интеллектуальный потенциал элиты (и даже как последний передать потомкам по наследству). Высшие же стороны человеческой деятельности их не интересовали, как раз их-то в массах нужно было подавлять, чтобы превратить массы в биомассу. Леонид Ивашов в статье «Россия в геополитической системе координат», напечатанной в журнале «Наш современник» (2005, №4), отмечал:

«...финансовая олигархия не способна управлять мировым развитием, в том числе мировым хозяйством, мировой наукой, культурой, образованием и т. д. Для этого у неё нет соответствующих институтов, да и нет намерения, поскольку такое управление не даёт быстро ощутимой прибыли. Проще развязать войну, захватить источники сырья, подавить конкурентов, скупить и положить под сукно конкурентоспособные научно-технические разработки... Увеличивая свою прибыль, финансовая олигархия движется к банкротству миро-

вой финансовой системы... Императив создания комплексной системы глобального управления, ориентированной, по З. Бжезинскому, на «новый орган всемирно-политической власти», нереален. Либерально-рыночный императив глобализации не даёт стратегической перспективы человечеству и даже грозит глобальным финансово-экономическим кризисом и кардинальным изменением основ социального строя».

Не учли идеологи НМП такой особенности человеческой природы, о которой говорят классики этологии. Замечу, что за создание этологии Конраду Лоренцу и Николаусу Тинбергену была присуждена в 1970 году Нобелевская премия. Напоминал об одном из оснований этологии культуролог Владимир Винников. Мировое правительство невозможно, потому что как только оно образуется, человечество немедленно расколется минимум на две части, которые вступят в конфликт между собой. Потому что люди так устроены, что могут существовать лишь при разделении на «своих» и «чужих». И общество в современном его состоянии необходим образ «врага» (внешнего). Человечество могло бы стать политически единым, если бы, например, оказалось перед угрозой нашествия инопланетян, которые и стали бы для него «чужими», «внешним врагом». Но как раз от решения задач защиты Земли со стороны космоса (например, от астероидов) оно уклоняется, а в центре внимания у него остаются межгосударственные и иные конфликты всецело земного масштаба. Война — признают учёные, — пока ещё естественное состояние человечества, а краткие периоды мира между войнами — это лишь время для подготовки к очередному этапу борьбы на мировой арене.

Тут уже приходится вспоминать не Олдоса Хаксли, а Джорджа Оруэлла с его знаменитым романом «1984». В нём нарисована такая картина будущего мира: планета разделена на три сверхдержавы: Океания, Евразия и Остазия. Кроме того, есть спорные территории, за которые Океания, где живут герои романа, находится в состоянии перманентной войны с двумя другими тоталитарными сверхдержавами — Евразией и Остазией. При этом сегодня Евразия может быть союзницей Океании в войне с Остазией, а завтра оказывается врагом блока Океании и Остазии. Оруэлл называет войну сверхдержав мошенничеством. Правящие группы посвятили себя завоеванию мира, но вместе с тем они понимают, что война должна длиться постоянно, без победы. Её главная цель — сохранить общественный строй, уничтожая не только человеческие жизни, но и плоды человеческого труда, так как было ясно, что общий рост благосостояния угрожает иерархичес-

кому обществу гибелью, лишая тем самым власти правящие группы. Если громадная масса людей станет грамотной, научится думать самостоятельно, то она просто «выбросит» привилегированное меньшинство за ненадобностью. Война же и голод помогали держать людей, отупевших от нищеты, в повиновении.

В реальной международной политике, как известно, подобные метаморфозы, когда бывший союзник оказывается затем врагом, встречаются сплошь и рядом, достаточно вспомнить не столь уж давние эпизоды отечественной истории. В мире идёт всё ускоряющаяся гонка вооружений, каждая из ведущих держав стремится наконец-то заполучить сверхоружие, которое обеспечит ей победу без риска подвергнуться удару возмездия. Даже сейчас, когда опасность экологической катастрофы велика как никогда прежде, громадные средства тратятся на разработку различных новейших видов вооружений — от гей-бомбы (взрыв которой должен немедленно пробудить у солдат противника сексуальное возбуждение) и космолётов до тектонического и геофизического оружия. А в политической верхушке идёт непрерывная борьба, напоминающая, как любят выражаться политологи, схватку за право рулить на капитанском мостике тонущего корабля. Впрочем, не будем говорить о грустном.

Об особенностях надвигающейся новой эпохи

Из большого числа публикаций на эту тему я кратко остановлюсь на некоторых положениях большой статьи М. Делягина «Базовые кризисы современного человечества» в журнале «Интеллектуальная Россия». Я изложу те положения этой статьи, которые важны для нашей темы, иногда с некоторым упрощением, за которое, надеюсь, автор (если прочитает мои заметки) меня извинит. (Некоторые свои замечания я помещаю в скобках.)

Глобальный финансовый кризис — лишь внешнее проявление значительно более глубокого и масштабного, практически всеобъемлющего изменения человечества. Хотя все мы не только не видим этого, но и боимся увидеть, так как подозреваем, что выход будет для нас неудобен, опасен и потребует от нас жертв, о которых мы не хотим думать.

Информационная революция настолько увеличила объём имеющейся информации, что разрушила системы управления обществом, и они стали неэффективными. Зато логическое мышление можно теперь поручить компьютеру, а на долю человека выпадет мышление творческое. Но к творче-

ству способны не все, и это в значительной мере предопределено генетически. Конкуренция людей будет вестись на основе преимущественно не логического, а творческого мышления. Человеческое общество начнет напоминать муравейник, где место каждого определено от рождения. Очевидно, что более успешные и более обеспеченные люди, сформировав новую элиту, будут защищать высокий социальный статус своих детей вне зависимости от их творческих способностей. Им помогут дорогостоящие биотехнологии, повышающие способности человека (и продолжительность его активной жизни), недоступные для социальных низов из-за высокой стоимости и «культурного барьера». Возможно, произойдет разделение человечества на расу господ, расу обслуживающего персонала и расу утилизируемого избыточного человеческого материала. (Это и предполагается устроителями НМП.)

Выходцы из социальных низов, даже творческие люди, будут оставаться не более чем высокооплачиваемым обслуживающим персоналом, что достаточно быстро превратит их в контрэлиту, которая в борьбе за власть сможет опереться на массы, из которых ее представители недавно вышли. Такая система вряд ли сможет просуществовать долго. Люди из низов выйдут из-под контроля расы господ и, скорее всего, уничтожат её. Эта победа будет достигнута, как и при всяком нашествии варваров, ценой утраты производственных и социальных технологий, а также резким снижением уровня гуманизации общества. (То есть, надо ожидать дальнейшего его одичания?)

Наука говорит, что мышление мужчин ориентировано в основном на формальную логику, а мышление женщин более творческое, оно оперирует преимущественно образами. В силу этого в будущем повысится социальная роль женщины, — возможно, вплоть до возникновения второго в истории матриархата.

Теперь о принципиально важном отличии информационных технологий.

Прежние индустриальные технологии нуждались, в силу своей относительно невысокой производительности, в максимальном вовлечении в производство всех членов общества, что привело к формированию относительно благополучного «среднего класса», общества «благополучие для почти всех», «общества двух третей». А для функционирования информационных технологий нужна только элита, обеспечивающая управление, научные исследования и культурную среду, а также относительно небольшое количество людей из

обслуги. Все остальные — добрые три четверти населения — оказываются лишними в прямом смысле этого слова: эффективное развитие общества объективно требует их эффективной утилизации — если и не физической, то хотя бы социальной. «Средний класс» исчезнет, его члены превратятся в люмпенов и деградируют. Прежние «массы», воспринимаемые элитами в качестве своего непримиримого противника, подлежат превращению их в принципиально неспособное не только к революции, но даже к простому восстанию «быдло». (Выходит, «информационный постиндустриальный рай» — это лишь иное, более современное издание НМП, с тем лишь отличием, что место владельцев капитала займут продвинутые интеллектуалы? И ради этого человечество обожествляло научно-технический прогресс?)

В информационном обществе в условиях упрощения коммуникаций потребителей можно выискивать в масштабах всего человечества, почти любой товар может найти спрос. Это усиливает рыночное влияние производителей (так как производимое ими «и так возьмут») и способствует превращению рынков в «рынки продавцов», что ведет к «загниванию» производителей, освобождающихся от давления требовательной части покупателей.

При новых технологиях наиболее выгодным из общедоступных видов бизнеса станет формирование человеческого сознания. Это меняет сам характер человеческого развития. Если раньше человечество выживало и развивалось за счёт преобразования окружающей среды, то теперь оно впервые начинает развиваться за счёт изменения самого себя. (Замечу, не в лучшую сторону, раз ещё больше возрастет роль рынка.) В итоге вероятная утрата способности человечества к познанию, что ставит вопрос о самих перспективах существования человечества. (Выходит, рановато вкусили Адам и Ева от древа познания добра и зла?)

На протяжении последних веков овладение знаниями было наиболее надёжным способом повышения социального статуса. А сегодня знание, наука становятся социально мало значимыми, а подготовка решений, в том числе важнейших государственных, всё больше основывается на эмоциях и предрассудках, а не на фактах. Наука трансформировалась из поиска истины в сложный социальный ритуал, бесполезный для общественного развития. При этом фундаментальная наука, будучи задушенной или вульгаризированной, больше не восстанавливается. И в мире останутся только фундаментальная наука США и отдельные школы, действующие в Великобритании. Это **чудовищный факт: наука как**

таковая перестала быть главной производительной силой. Чтобы менять мир (в том числе и социальную его составляющую), надо было его знать — и наука была важнейшим инструментом человечества. Однако сегодня надо менять уже не весь мир, а лишь сознание самого человека. По сути дела, это **закрытие научно-технической революции.** Устроители НМП сознательно тормозят научно-технический прогресс. (Можно привести список новейших технологий, позволяющих, например, создавать двигатели, не нуждающиеся в бензине, но их внедрению препятствуют нефтяные монополии, опасаящиеся утратить свои капиталы и влияние.) В развитых странах Запада разработки наиболее перспективных «закрывающих» (делающих ненужными целые отрасли производства) технологий частью не велись вовсе (из-за своей опасности для рыночных механизмов и потому, что рыночная экономика не позволяет тратить ресурсы на слишком рискованные разработки), а частью блокировались инструментами «защиты интеллектуальной собственности». **С точки зрения эволюции технологий разрушение СССР выглядит как захоронение смертельно опасных для развитого мира (капитализма) технологий — своего рода аналогов бактерий чумы — в одном гигантском могильнике.** (Но у России есть возможность «разморозить» эти «замороженные» технологии.)

Итогом стало резкое торможение роста возможностей человечества. **Мы погружаемся в новое средневековье, новое варварство,** когда социальный успех, а значит, и власть становятся уделом людей, пренебрегающих знаниями. Отсюда — и рост числа и разрушительности техногенных аварий. (Вот это «научно-технический прогресс»! Самые «продвинутые» элитарии и приводят мир к варварству!)

Создаётся глобальный класс собственников и управленцев, ни перед кем не ответственный. И государства управляются не в интересах наций-государств, а в интересах «новых кочевников». Элита отрывается от общества и теряет эффективность. Безответственность распространяется во всех слоях общества.

Слабые страны вообще попадают под внешнее управление, что может оказаться для них разрушительным.

Государства и глобальные корпорации как субъекты глобальной политики всё больше уступают свою ведущую роль разнообразным глобальным сетям, которые формируются «сращиванием» элементов государственного управления, бизнеса и преступного мира, а также науки и культуры. (Замечательная компания: министры, уголовники, академики и мастера культуры, словом, все — «уважаемые люди», как

говорил Аркадий Райкин.) Они начинают хаотически манипулировать государствами или их элементами. Их ведь интересует не стабильность в стране, а рост совокупного влияния и прибыли своих участников, но этого проще достичь как раз в хаосе. Так государства, создавая глобальные сети и затем упуская из своих рук важные полномочия, сами создают для себя субъект «внешнего управления». Такое будущее Владимир Винников назвал «нетократией», «властью сетей» (от английского network — сеть). А сетевые войны объективно требуют ограничения демократии, что возможно лишь при условии высокой идеологизации общества или хотя бы его элиты, так как иначе ограничение демократических инструментов неизбежно ведет к коррупции и разложению всей системы общественного управления. Но современная западная демократия не терпит идеологизации и последовательно и целенаправленно уничтожает её, выбивая тем самым почву из-под своих собственных ног!

В развитых странах демократические инструменты в настоящее время способствуют достижению не столько экономического прогресса, сколько личного комфорта граждан. Но по достижении высокого уровня комфорта общество начинает тормозить прогресс, так как коллективные усилия по продолжению прогресса начинают мешать индивидуальному удовольствию от наслаждения комфортом.

Демократия в ее западном понимании нежизнеспособна сама по себе, без внешних для нее источников мотиваций — таких, например, как угроза уничтожения в войне с Советским Союзом. Собственно демократические институты, «оставленные в покое», обречены на погружение в «потребляемость» из-за обуславливаемого ими приоритета краткосрочных индивидуальных интересов над долгосрочными коллективными. Неразвитые общества не досрости до стандартных демократических институтов, американское общество, как наиболее развитое, перерастает их, превращаясь на наших глазах в постдемократию, несовместимую с демократическими ценностями.

Фундаментальная причина мирового финансового кризиса — исчерпанность модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. После победы в «холодной войне» Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив (для недопущения конкуренции с этими корпорациями) свыше половины человечества возможности нормального развития. При этом он навязывал этой же части человечества представления о высочайшем уровне потребления развитых стран как о

норме. Отсюда — терроризм и буквально смыывающая западную цивилизацию миграция. Однако лишение огромной части человечества возможностей развития ограничило сбыт самих развитых стран, создав кризис перепроизводства — правда, в первую очередь не традиционной продукции, а преимущественно продукции информационных и управленческих технологий. (Кому теперь продавать айфоны и айпеды, если большинство населения пребывает в нищете или на грани выживания?)

«Экспорт нестабильности» подрывает конкурентов и вынуждает их капиталы и интеллект бежать в «тихую гавань» — США. Рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, взамен рынка стимулирующих экономики и технологии.

Соглашаясь в основном с выводами М.Делягина, всё же считаю, что не следует столь преувеличивать значение «информационной революции». Несмотря на её достижения, в мире не отпадёт необходимость добывать, пусть и в меньших объёмах, уголь и нефть, выплавлять сталь, выращивать хлеб и вообще продовольствие и пр. А так как эти производства располагаются вне зон проживания элиты, а как раз там, где поселились и трудятся на элиту обездоленные, то в мире складывается ситуация, рассмотренная ещё Гегелем. Он признавал, что при рабовладении рабовладелец был полным хозяином раба. Но в то же время и попадал в зависимость от раба. В Древнем Риме гражданин обязан был носить тогу, в которую даже одеться невозможно без помощи раба. Так и при НМП жизнь элиты будет зависеть от «низов», обречённых на труд по обеспечению её благополучия. Принципиальная слабость строителей НМП — в том, что сами они — либо неисправимые доктринёры, либо политики, журналисты, финансисты, плохо представляющие себе реальный механизм жизни общества. Они находятся в плену ветхозаветного мировоззрения, их мысли крутятся вокруг денег, золота, прибыли. И что остаётся от этих конструкций после следующего вывода М.Делягина: «Развитие и усложнение технологий ведёт к тому, что деньги теряют значение. Символом успеха и инструментом его достижения всё в меньшей степени становятся легко отчуждаемые деньги. И всё больше — сливающиеся со своими разработчиком и пользователем, всё менее отчуждаемые от них технологии».

В силу этих и других причин, которые невозможно разобрать в одной краткой главе, **НМП, как он задуман его идеологами, реально невозможен. Однако это не означает, что строители не попытаются установить его силой или после цепи не-**

скончаемых кризисов. Устроители НМП, особенно англосаксы, никогда не откажутся от своего намерения добиться мирового господства. Их убежденность в своей избранности, в праве повелевать всем миром давно стала их верой, своего рода религией. Еще У. Черчилль, которого можно считать воплощением этого британского понимания основ мироустройства, заявлял: «Управление миром должно быть в руках материально благополучных народов, богатых людей, мирно живущих у себя дома, а не голодных народов, стремящихся улучшить свое положение». Поэтому, сталкиваясь с сопротивлением противников НМП, они будут искать обходные пути для достижения своей цели, а в конце концов прибегнут к силовому решению проблемы. **Вот тогда и может произойти то, что я назвал рукотворным апокалипсисом.**

Обычно под этим выражением понимается мировая война, в крайней ситуации — ядерная. Но я имею в виду не только это. Возможно, человечество, достигнув пика своего развития, пошло не вверх, а вниз, по нисходящей ветви эволюции. О том, что рано или поздно такой момент неизбежно наступит, писал ещё Ф.Энгельс, а в последнее время к этой теме обращаются и современные исследователи. Тогда это будет возвращением не в Средневековье, а в каменный век. Я опасаясь, что критическим моментом в этом смысле был распад СССР. Вот что писал Сергей Кара-Мурза в своём труде «Советская цивилизация»:

«Нынешнее состояние России — лишь эпизод нашей Смуты, совмещенной с непрерывной горяче-холодной войной «золотого миллиарда» за питательные соки Земли. В этой войне советский проект был для всей фашиствующей мировой расы как кость в горле. Уже в первой своей, ранней реализации в виде СССР, в ходе трудных проб и ошибок он показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных возможна. Возможно и человечество, устроенное как семья, «симфония» народов — а не как мировой апартеид, вариант неязыческого рабовладения.

Поражение советского проекта на территории СССР — тяжёлый удар по этим надеждам. Слишком сильны оказались в человеке инстинкты хищника, слишком устойчивы внедряемые веками идеи господства, присвоения. На короткий срок они были оттеснены в тень духовным порывом народов России, а на непримиримых хищников были надеты намордники. Найдя мощных союзников и в мировой политике, и среди художников, готовых их воспеть и узаконить, хищники вырвались на волю. Тот строй, который создавался на принципах сотрудничества и солидарности, перед ними не устоял».

Кратко, но образно, высказался на этот счёт американский политолог Джон Гэлбрейт: советский строй был вершиной, но человечество не доросло до него.

Ну а если нас ждёт не ознаненный апокалипсис, а прорыв в грядущее? В чём же он должен заключаться? Ведь тот же С. Кара-Мурза продолжает:

«Но и тем, кто его (советский строй) разрушал, и тем, кто этому потакал, и тем, кто его не сумел защитить, надо восстанавливать какое-то жизнеустройство. Воля к жизни и инстинкт продолжения рода понемногу и незаметно начнут отвлекать людей от телеэкрана и заставят искать выход. По крайней мере есть основания на это надеяться».

Надежда, как известно, юношей питает, а старцам лишь отраду подаёт, да и то не всем. Я опасаясь, что движение человечества «не в гору, а под горку» началось, и рукотворный апокалипсис лишь бы ускорил это движение и сделал бы его необратимым.

И всё же поговорим о надеждах. Основание для этого даёт и следующее положение книги Сергея Губанова «Державный прорыв», вышедшей совсем недавно, уже в 2013 году:

«Жизнь убеждает в том, что социальные достижения и ценности Советского Союза олицетворяют не прошлое, а будущее всей человеческой цивилизации, что именно к этим достижениям, идя от кризиса к кризису, продвигается каждая из индустриально развитых держав».

О возможности прорыва в грядущее

Начну с самого невероятного, на грани фантастики, способа выхода из кризиса.

Уже не раз приходилось мне встречать статьи, в том числе и солидных авторов, считавших, что та финансовая пирамида, которую устраивал и продолжает устраивать Сергей Мавроди, — это не обычное жульничество с целью обогащения за счёт надувательства доверчивых и жадных простаков, а настоящий вызов мировой финансовой системе, построенной алчными банкирами — наследниками ростовщиков. То есть, это — выстраивание системы взаимного финансирования граждан, нечто вроде общенациональной кассы взаимопомощи. А подрыв устоев власти банкиров — это и крушение планов НМП, разработанных его устроителями, и путь к построению подлинного мирового порядка, исключение поворота общества к новому рабовладению. Разбирать все эти работы и аргументацию их авторов здесь нет возможности, но приведу основные мысли статьи одного из соратников

С.Мавроди Артёма Толчева «Почему пирамида М12 не рухнет из-за выплат годовых депозитов?»

Автор опровергает периодически высказываемое мнение, что проблемы М11 (то есть МММ 2011 г.) были вызваны огромными выплатами годовых депозитов: «...нормальная развивающаяся Система с легкостью выдерживает выплаты до 100% в месяц... Следовательно, выводы о выплатах годовых сверхдоходных депозитов, ведущие к обрушению, которыми пугают всех особо одарённые математики, пытающиеся просчитать различные математические модели, несостоятельны. Человеческий фактор, поведение миллионов людей, неподвластно математике в принципе... А главное — С.Мавроди деньги не нужны. Он строит МММ с целью обрушения мировой несправедливой финансовой системы. И, надо признать, что МММ — это единственная сила в мире, которой такая задача может оказаться по плечу. И для достижения этой цели С.Мавроди действует сразу в нескольких направлениях. МММ-2012 — лишь одно из них. Есть еще Африка и мавродолларами, Индия, где МММ очень сильна, и инвестиционные сербские сертификаты компании «Империя-Тур». «Империя-тур» — это, по сути, МММ на государственном уровне с поддержкой сербского правительства. А поскольку денежная масса из всех источников управляется, по сути, одним С.Мавроди — обеспечить даже сложные локальные выплаты в одном из сегментов весьма несложно.

Я верю в идею формирования нового мирового порядка благодаря Мавроди и МММ... И я точно знаю, что таких руководителей (системы МММ), как я — сейчас большинство. Многие, конечно, еще не вылезли из долговой кабалы и вынуждены ходить на РАботу, но как только это произойдет — и они станут максимально преданными и идейными сподвижниками.

Что ни говори, а МММ делает людей свободными и своим умом мыслящими. Я... посвящаю всё свое время только МММ. Таких как я — много. Вместе мы Сила».

Но почему же тогда остановилась М2011?

«...денег на выплаты хватало в избытке, а отсутствовали возможности оперативного управления ими. Все остальные причины (воровство руководителей, аресты десятников, тупые аресты Мавроди, отсутствие какого бы ни было единого учёта) были сами по себе лишь незначительными мелочами... С.Мавроди недооценил важность вопроса автоматизации учёта в М11. Ведь эти компьютеры вообще не запустили! Они были лишь показушной витриной, кудадесятники выставляли цифры для того, чтобы участники на

них любовались... Отсюда и воровство... И это привело в итоге к раскольничеству и остановке...

В М12 всё это учтено. Изумительнейшие компьютеры... Отсутствие денежной власти у руководителей. Невозможность придрататься к системе со стороны властей. Это позволяет при самых неблагоприятных прогнозах рассчитывать минимум на 3 года жизни системы... Если не случится нечто совсем страшное типа Третьей мировой войны».

Интересно, что интернет-журналист, разработавший программу спасения Белоруссии в условиях мирового кризиса, предлагает проводить в республике новую денежную (валютную) политику, основанную на следующем принципе. Создать сильный белорусский рубль: нужно воспользоваться ситуацией с ажиотажным спросом на доллары и значительно, но планомерно сократить денежную массу белорусского рубля в обороте. Новая политика должна заключаться в том, что финансирование социальных программ государства должно осуществляться не за счёт эмиссии (как везде в мире, где есть частные хозяева денег, которым это выгодно), а за счёт роста цены (курса) белорусского рубля и снижения цен в стране. **Тут частично будет помогать белорусам принцип МММ**, когда ценность валюты постоянно растёт. Это позволит сократить потребление и спрос на другие валюты. А затем отказаться от долларов США (ввести запрет на обмен и любые другие операции во всех белорусских банках) и перейти на золото, евро, российский рубль и юань.

От фантастических сюжетов перейду к юмористическому (имеем же мы право после столь серьёзного обсуждения наших перспектив и несколько расслабиться?). Владимир Авдеев в работе «Русоград: Как уничтожить Новый мировой порядок» приходит к выводу, что миф о НМП сооружён в одной и той же мастерской, где и коммунистический блеф, и библейское представление о Страшном Суде. Все эти мифы — несбыточные эсхатологические фетиши. Две тысячи лет христиане всех мастей и конфессий обещают друг другу Конец Света, в то время как его что-то не видно. Большевикские вожди тоже обещали наступление светлого коммунистического завтра. Результат известен. Что касается земного эдема коммунизма, то ни один партийный волшебник в советскую бытность не смог нам объяснить, куда денется государство, когда оно отомрёт, и какая энергия будет питать переродившийся организм, желающий работать без вознаграждения. НМП также сооружается закулисными кукловодами на протяжении изрядного времени. Результаты всё те же.

Поэтому мы, русские, выработали иммунитет на серию наступающих Страшных Судов, как-то незаметно превратившихся в плотную поступь Светлых Завтра. А посему мы уверенно констатируем, что НМП строят лишь затем, чтобы никогда его не построить. Поэтому всем несогласным с существующим в мире положением вещей предлагается сколь простое, столь и парадоксальное решение. Для того, чтобы победить творцов мифологии НМП, нужно не мешать им строить его, но, наоборот, активно помогать.

Конституция творцов этого мифа рассчитана на наше неосознанное сопротивление, но в случае резкой переориентации наших усилий она неминуемо будет сломана. Как только мы станем помогать строить НМП, он сам начнёт разваливаться.

Что нам стоит сейчас же выйти на Красную площадь под транспарантами «Да здравствует мировая закулиса!», «Дело архитекторов Вселенной живёт и побеждает!»? Да ещё забросать Бильдербергский клуб и Трёхстороннюю комиссию типовыми кляузами на наших отечественных масонов, срывающих планы построения НМП, с немедленным требованием заменить их на исправных и более масонистых, ибо наши никудышные подмасонки завалили всю работу на местах?

Это и будет наш достойный удар в спину. И в тот момент, когда они будут деловито и терпеливо соединять связи, порванные нашим неуклюжим и неожиданным присоединением, мы произведём в их стане информационный взрыв — опубликуем тайные архивы. Наши тайны давно уже неизбежно сплелись с чужими. Разгласив свои тайны, мы неизбежно предадим огласке и чужие, что неминуемо вызовет волну межправительственных, межнациональных, межрелигиозных и межрасовых кризисов. Географическая карта мира будет перекроена в одночасье.,.

И, что самое главное, нам для этого не нужно ничего делать. Как сказочный Иванушка-дурачок, мы будем лежать на печи и лениво наблюдать за всеобщей дракой и будем спокойно ждать. Нам вовсе не нужно бояться спровоцированного нами информационного взрыва: Новый мировой порядок спроектирован гениально надёжно, и в «золотом миллиарде» для нас места нет. Взрывная информационная волна поразит лишь его квартирантов. Те, кого туда не взяли, могут спать спокойно. Лопнувший НМП уничтожит лишь тех, для кого он строится. Ведь не могут же погибнуть под обломками рухнувшего дома те, кто в нём не живёт.

Поэтому мы предлагаем выписать Архитектору НМП квартальную премию за его проект сразу же после того, как

он рухнет. После этого на Земле установится Новейший мировой порядок, сам собою и без посторонней помощи.

Серьёзных исследований на тему, каким будет мир в случае краха НМП, не проводилось, если не считать благих пожеланий и фантазий «Как бы я устроил мир» (подобно тому, как в своё время в «Литературной газете» существовала рубрика «Если бы директором был я...»). Поэтому ограничусь разбором заключительной части цитировавшейся выше статьи М.Делягина, в которой есть хотя бы элементы здравого подхода к вопросу, как выходить из нынешнего кризиса.

М.Делягин начинает с того, что необходимо создать качественно новую глобальную финансовую систему. Среди изменений, которые надо в неё ввести, первоочередными надо считать следующие:

- обеспечение прозрачности движения спекулятивных капиталов (а в перспективе — и всех денежных потоков глобальных корпораций) с созданием глобального наблюдательного, а затем и регулирующего органа;

- установление национальными правительствами налога на вывод спекулятивного капитала при определённых, заранее известных условиях;

- приведение влияния различных стран на политику глобальных финансовых институтов (в первую очередь МВФ и Мирового банка) в соответствие с их удельным весом в мировой экономике (что означает снижение влияния США и рост влияния Китая);

- обеспечение прозрачности работы МВФ и Мирового банка;

- превращение «Большой восьмёрки» в орган глобального регулирования, что требует включения в неё всех стран мира, ВВП которых не ниже минимального в нынешней «восьмерке» ВВП Канады, а главное — выработки процедуры принятия обязательных для всех его членов решений.

Поскольку глобализация шла слишком быстро и превысила возможности управляющих систем, придётся отступить назад и перейти к формированию укрупнённых макрорегионов, ведущих между собой жёсткую конкуренцию. Для начала надо восстановить биполярную систему (с противостоянием США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, возможно, России в качестве совокупного балансира) в политике и многовалютную систему — в экономике.

Однако это не устранил кризис перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст новый экономический двигатель взамен разрушившихся. Это означает, что из сегодняшнего кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, но в депрессию, длительную и тяжёлую. И глав-

ная её причина: глобальное загнивание глобальных монополий — разработчиков высокопроизводительных «метатехнологий». Возможно, загнивание глобальных монополий будет, скорее всего, преодолеваться сменой технологического базиса, и новые, более производительные технологии сломают устарелые социальные отношения и, в частности, преодолеют монополизм. Но для этого необходимо покончить с экономизацией и деидеологизацией процесса общественного управления, поставить сверхзадачи и заменить ими нынешний мотив прибыли. Для этого требуется осознание того, что инвестиции в создание качественно новых технологических принципов нерыночны по определению. Значит, решающая роль в превращении новейших технологий в локомотив развития должна перейти от глобальных монополий либо к государствам, либо к «большой восьмёрке». (Это мой вывод из размышлений М.Деягина. — М.А.) Не менее важно, наконец, на международном уровне упразднить или строго ограничить право интеллектуальной собственности, которое ныне превратилось в фактор сдерживания технологического прогресса. (например, операционная система Linux, которая в силу бесплатности уже теснит Windows в ряде сегментов мирового рынка). Но ведь это была бы настоящая социальная революция!

М.Деягин понимает, что упрощение и удешевление господствующих технологий будет болезненным, в том числе из-за сопротивления сегодняшних «хозяев мира» — глобальных монополий. Но нельзя отменить фундаментальную закономерность развития, по которой, какие бы силы ни сдерживали технологический прогресс, он их одолевает. Но ведь глобальные монополии могут рухнуть вместе с обществом. Возможно, качественно новые технологии будут призваны ускорить развитие лишь части человечества. И тогда богатейшие жители мира (с хорошо оплачиваемой службой) получат возможность усовершенствовать свой организм и свои мыслительные способности. А остальной мир превратится не более чем в их «дойную корову», а то и в животное. И в мире подавляющая часть спроса сконцентрируется у количественно незначительной, но доминирующей экономически и политически богатейшей элиты. А для остальных будет характерен нищенский уровень потребления. Это исторический тупик, выход из которого связан с чудовищными катаклизмами (Францию, например, трясло революциями почти сто лет — как минимум с 1789 по 1871 год). Разложившись, человечество может и погибнуть в этом тупике. Значит, описанный выход будет носить временный и, по сути, фиктивный характер.

Выбор между «железной пятой» немногочисленной биологически преобразованной мировой элиты (с вероятными разрушительными катаклизмами и возможной общей гибелью в последующем) и созданием для максимально широкой части человечества максимального спектра возможностей — и является выбором современного человечества.

Необходимый для слома глобального монополизма технологический рывок может идти за счёт технологий, получивших название «закрывающих», так как из-за их сверхпроизводительности они делают ненужными целые устаревшие отрасли производства. В сегодняшней России глобальные и российские монополии в союзе с коррумпированной бюрократией блокируют распространение «закрывающих» технологий. Однако их значительная часть сохраняется, и потому Россия теоретически сохраняет возможность сыграть ключевую роль в выборе человечества между длительным и мучительным загниванием или же сломом глобального монополизма при помощи распространения новых, «закрывающих» технологий.

Добавлю к этому: совсем близкой представляется революция в энергетике, основанной на процессе, называемом «холодная трансмутация ядер». После того как в массовую продажу поступят устройства, называемые теплогенераторами Росси (в честь создавшего их инженера Андреа Росси), мир уже никогда не будет прежним. А привычная нам энергетика, основанная на углеводородах и атомных реакторах, вместе с капиталами и влиянием нынешних энергетических компаний, уйдёт в прошлое.

Человечество, — продолжает М.Делягин, — пока живёт согласно «вашингтонскому консенсусу», который отвечал сути 90-х годов, — освоению развитыми странами (точнее, их ТНК) постсоциалистического пространства. Этот процесс (причем давно, с началом кризиса 1997 года) закончился и привёл мир к нынешнему кризису.

Для нового этапа нужны новая идеология, новый свод правил взамен «вашингтонского консенсуса». Глобальный кризис во многом вызван тем, что **погоня за индивидуальной прибылью как доминанта поведения стала контрпродуктивной, разрушающей человечество.** Нужно формирование новых мотиваций и типа мышления, **новой социалистической альтернативы**, которая выведет человечество из тупика не за счет подавления той или иной его части, а благодаря общему прогрессу.

Я целиком разделяю эти идеи М.Делягина. Но слышал я, будто как-то раз мыши пришли к заключению: чтобы кот не

нападал на них внезапно, надо надеть ему на шею колокольчик. Проголосовали за это решение единогласно. Но один из голосовавших, наверное, молодой и несознательный, спросил: «А кто будет вешать колокольчик на шею коту?» На что получил ответ: «Это мы решим в рабочем порядке». С того дня времени прошло немало, но вопрос, кажется, так и остался нерешённым.

Хотя в целом, как видим, прогноз М.Делягина совсем не похож на рисовавшиеся многими футурологами и писателями-фантастами картины всеобщего счастья и благополучия. С моей точки зрения, он и сам страдает излишней верой в прогресс. Человеческая природа (по крайней мере — пока) такова, что никакие достижения технологии и никакие социальные эксперименты достойной жизни для всех людей принципиально обеспечить не могут. Ведь пока ускорение научно-технического прогресса не сопровождается аналогичной тенденцией в моральной или интеллектуальной, а главное — в духовной сфере. А как могут устроить жизнь общества, думая не только о себе, но и о других, менее продвинутых, эгоистически настроенные, безнравственные и бездуховные элитарии? М.Делягин признаёт, что научно-технический прогресс становится инструментом стратегического влияния наиболее развитых сегментов цивилизации. По этой причине наиболее интенсивно он будет протекать в геоэкономических зонах «богатого Севера».

Планетарные ресурсы ограничены. Установление контроля над распределением ресурсов в мировом масштабе в интересах «богатого Севера» является одной из главных целей НМП. Модель «общества зрелища», утвердившаяся в странах Запада, будет переноситься на остальные регионы. При этом вероятно формирование альтернативного революционного полюса в области информационных технологий.

Цивилизация «общества зрелища» породит в определенный момент ответную информационную инициативу, направленную против её тотальной доминации. Гедонизм и практический материализм окончательно возобладают.

Низведение религиозного фактора до индивидуального уровня повлечет за собой возникновение «культов», исповедуемых одним-единственным человеком, или суррогатных интернет-религий. (В Исландии, например, уже сейчас гражданин, желающий выйти из лютеранской церкви и создать собственный культ, получит от государства денежную поддержку.)

М.Делягин признаёт необходимость социалистической альтернативы НМП. Но ведь на Западе уже почти везде вос-

торжествовал социализм, в большинстве его стран социалистические или социал-демократические партии либо постоянно, либо временами, чередуясь с буржуазными партиями, находятся у власти, и это нисколько не избавляет человечество от угрозы войн, кризисов и поворота к новому рабовладению. Очевидно, сегодня уже мало говорить о социалистической альтернативе, надо ставить вопрос об использовании лучших сторон советского опыта, имеющего не местное, российское, но общечеловеческое значение), который следует развивать применительно к условиям современной эпохи. И использовать его не только в плане «размораживания» накопленных в СССР и спрятанных атлантистами «закрывающих» технологий, а прежде всего для установления строя максимально возможного в данных исторических условиях равенства и справедливости. А также и для формулирования высших целей человеческого существования, не ограничивающегося только сферой производства, потребления, творчества и развлечения.

Даже новый папа римский Франциск, обращаясь к политикам всего мира, осудил тиранию свободного рынка и призвал помнить о том, что причина этой тирании и коррупции «кроется в отвержении этики и, в конечном счете, — в отвержении Бога». «Страх и отчаяние охватывают сердца многих даже в так называемых богатых странах. Радость жизни угасает, непристойность и насилие растут, бедность становится все более заметной». Причину создавшейся ситуации он видит в «нашем отношении к деньгам, в том, что мы соглашаемся на их господство над нами и над нашим обществом». Речь идет о глубоком кризисе, отрицании главенства человека в обществе, в экономике. «Современная антропологическая перспектива сводит человека к одной-единственной потребности: потреблять. Более того, сам человек становится объектом потребления, который можно использовать и выбросить». Папа отметил утверждение «новой невидимой тирании», причина которой — в отрицании этики и Бога. «Было бы желательно осуществить **этическую финансовую реформу**, — сказал папа, — которая, в свою очередь, привела бы к экономической реформе, благотворной для всех». Это требует мужества от политических деятелей. «Деньги должны служить, а не управлять. Папа любит всех — богатых и бедных, но папа обязан во имя Христа напоминать богатому, что он должен помогать бедному, уважать его и продвигать. Папа увещает к бескорыстной солидарности и к возвращению этики на пользу человека в финансовой и экономической области».

Это правда, что новый понтифик известен своей прежней деятельностью по облегчению положения неимущих в Аргентине. Он не раз заявлял о том, что долг Церкви — защищать бедных во всем мире. «Я хотел бы, чтобы католическая церковь была бедной и существовала для бедных», — сказал папа Бергольо после избрания на трон Святого Петра. Не сомневаюсь в приверженности папы заветам Христа, как они понимаются на Западе. Но он ведь папа — только первое лицо в колоссальном механизме иерархии католической церкви, открыто вставшей на защиту привилегий власть имущих. И выше уже было показано, что именно она понимает под «этичным бизнесом».

В постиндустриальном обществе информация становится не только главным товаром, но и главным оружием. Мир будущего в том случае, если главенствующей на сегодняшний день тенденции мондиализма и атлантизма не будет противопоставлено масштабной планетарной альтернативы, представляет собой зловещую антиутопию либерального тоталитаризма. Это всё тот же «дивный новый мир» с циничной двойной моралью, предельным отчуждением, полной утратой людьми, культурами и социальными ансамблями своего творческого, созидательного достоинства, свободы, справедливости, солидарности, активного волевого и свободного соучастия в ходе истории. Там, где обречены жить обездоленные, рабы, вполне уместно будет поместить надпись, которую Данте в своём путешествии по загробным мирам увидел на вратах ада: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Как признают сами атлантистские футурологи, установление НМП означает «конец истории», отмену и преодоление всех основных форм существования, которые составляли содержание исторического бытия человечества, в том числе и самого Запада.

Я согласен с выводами М.Делягина и других патриотов России в том, что историческим императивом всех незападных культур и цивилизаций планеты, в том числе и сил самого Запада, отвергающих существующие тренды, является солидарная выработка цивилизационной, исторической **альтернативы** НМП. Но такая альтернатива, — утверждает М.Делягин, — по определению не может быть делом только одной страны, одного народа. Универсальность, планетарный масштаб атлантистского вызова, обращен ко всем народами мира, поэтому в разработке и дальнейшей реализации альтернативы должны соучаствовать все мировые цивилизации. Но по целому ряду исторических обстоятельств именно Россия традиционно стояла в авангарде выработки

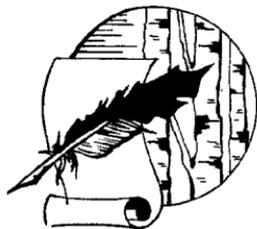
цивилизационных стратегий, противоположных Западу. То есть историческая миссия разработки и реализации основной модели альтернативы НМП лежит именно на России. И только Россия в будущем может стать главным полюсом, очагом планетарного сопротивления, точкой притяжения всех мировых сил, отстаивающих свой собственный путь, свое собственное культурное, национальное, государственное и историческое «я».

Национальные интересы России имеют планетарный исторический масштаб. Это составляет специфику русской истории. Так было в прошлом, так должно быть в будущем. Но чтобы добиться этого, России необходимо, не жалея сил, отстоять в грозном зловещем «новом мире» своё место и своё право на жизнь, на стратегическую, экономическую и политическую суверенность.

Известно, что М. Делягин невысоко оценивает нынешнюю российскую власть. Он даже возглавил одну из карликовых оппозиционных партий. По-моему, такая его позиция обусловлена тем, что он, хотя и был советником двух премьеров РФ, не видит сути проблемы. Того, что внутри власти идёт смертельная борьба либералов и государственников. При этом у либералов пока превосходство — и численное, и в финансовых ресурсах. Их поддерживают не только «болотные» оппозиционеры, но и, по традиции, большинство нашей интеллигенции. И, конечно, правящие круги Запада. Подвижки в соотношении сил этих двух лагерей есть, но они микроскопические и народу не видны, что вызывает его недовольство властью. А пока в борьбу не включится народная толща, исторически поддерживающая государственников, решительный перелом не наступит. Обстановка осложняется тем, что, видимо, приближается большая война, к которой Россия не готова, слишком велики были разрушения, вызванные согласованными действиями либеральных реформаторов внутри страны и правящих кругов Запада в 80—90-е годы. И сейчас россиянам, надо думать, снова придётся затянуть пояса... Но, во-первых, такой жертвы можно избежать, если власть найдёт способ обуздать аппетиты олигархов. Во-вторых, «низы» на Западе ожидают куда более ощутимые беды и лишения.

Так почему же именно Россия, такая ныне слабая, станет главной силой, противостоящей устроителям ММП? И окажется ли она на высоте своей всемирно-исторической миссии? Об этом пойдёт речь в следующей главе.

Продолжение следует

Юрий КУКСОВ

Нашему давнему автору, замечательному современному поэту Юрию Куксову — 75 лет. Но талант его с годами не увядает, раскрываясь новыми поэтическими красками и образами. Душа поэта остается по-прежнему молодой, энергичной и жизнелюбивой. Желаем ему прежней бодрости духа и нового яркого творчества.

МОЙ ЛЕС...

СЕВЕРЯНЕ

Пусть речь их не витиевата,
Но жизнь порукою крепка.
Они приветят вас, как брата,
Коль с ними вы не свысока.
Вся их родня подобна бору —
Сойдутся шумно за столом
И приобщат вас к разговору
О нынешнем и о былом.
И сами вы в семье их тесной
Уже окажетесь своим...
А за окном — покой небесный,
Приречных верб зелёный дым.
Костёр заката низко-низко,
Как отблеск вечного огня
На сером камне обелиска —
Там остальная их родня.

ДОБРОТА

Человек становится доверчивей,
Ко всему относится добрей.

Не настырней, но и не застенчивей,
Не спускает кепку до бровей.
Важное в нём что-то намечается.
В том расчет не малый, а большой —
К доброте душою приобщается,
Будто очищается душой.
Не обман, не хитрость, не трюкачество,
Не притворство, скрытое от глаз.
Доброта — единственное качество —
Проступает явственнее в нас!

* * *

Нас не чёрт гонял по рощам,
По болотам, по горам.
Горло ветром прополощем,
Словно примем по сто грамм.
Рюкзаки нам оттянули
Плечи чуть не до земли.
Только мы не потому ли
Потонуть не потонули
И полечь не полегли.
Жизнь, она во всём загадка,
А в палатке жизнь проста.
Над палаткой — ночь-мулатка,
Пляшут блики от костра.
Чай вкусней, коль с пылу, с жару,
У костра сойдёмся в круг,
И тогда возьмёт гитару
Друг Володька Мартынюк.
Струны старые подтянет
И про наш походный быт
Под Высоцкого затянет,
А точнее — прохрипит..
Где мы только не бывали,
И всегда бывало так,
Что в походе открывали,
Кто нам друг, а кто нам враг.
Ни потоп и ни цунами
Нас не взяли в оборот.
И не раз кружил над нами
Поисковый вертолёт.
Был наш путь давно прописан
В былях северной Руси,
Нам махали с Казым-Мыса

Узкоглазые манси.
Над осенним пепелищем
Град гремел, калёный в дробь,
И ворочалась под днищем
То ли Бия, то ли Обь.

АЛЬКА

Сапоги на Альке в рыжей глине.
Капюшон топорщится мешком.
Ну зачем тебе в геологини?!
В не́погодь, по тойболе, пешком!
Это ведь не женская забота —
В робу облачатся по утрам...
Ей бы, нашей Альке, не в болото.
Ей бы нужно прямо на экран!
Только Алька с нами не согласна,
И другое на уме у ней —
Красота, она трудом прекрасна,
А не только внешностью своей.
Словом, равнодушная к богемам,
Ставит на болоте сторожки,
Мажется не парфюмерным кремом —
Жидкостью от гнуса и мошки.
И у нас, пропахших табачищем,
Бородатых пасмурных парней,
Даже мысли делаются чище.
Каково же мужу будет с ней!

ИЮЛЬСКАЯ НОЧЬ НА ВЕТЛУГЕ

За полночь под глинистым откосом,
Там, где бьют студёные ключи,
В берег тычась осовелым носом,
Ходят сизопёрые лещи.
И косарь тропинкою от дома
Выйдет в пойму, косу навострит.
И скрипенье старого парома
О земном и вечном говорит.
Берег тропку обрывает круто.
А в лугах, где бабы голосят,
Огоньки мужицких самокруток
Светляками в воздухе висят.

БЫВШАЯ ГРАНИЦА

Где тишина — окрестных мест владычица,
Где под покровом трав гнездится мгла,
По просекам таёжного лесничества
Вчерашняя граница пролегла.
О чём она, заросшая малинником,
Расскажет поколению моему,
Не более как ломаная линия
На карте, не известной никому.
Здесь сосняки с медвежьими заскрёбами
Да ельников сузёмный полумрак,
И выложен камнями крепколобыми
В загляд на вечность пограничный знак.
Лесной покой нарушен птахой глупенькой.
Что ей до судеб мира и войны!
Лишь капля крови красноватой клюквинкой
Запала в сдобный мякиш тишины.
Не обойти границ медвежьей вотчины.
Вздыхает гром у тучи на плече,
Да раздаются выстрелы охотничьи
В осенний перелёт на Ваймаче.
В избытке страсти птицы краснобровые,
Здрав подхвостья ярые свои,
Слетаются с утра на мхи багровые
И начинают шумные бои.
А валунов здесь, почитай, что рыжиков.
Они бы и надгробьем стать могли,
Когда однажды вражеские лыжники
Внезапно ту границу перешли.
...Отброшен враг. Граница отодвинута.
А эту мы без боя перейдём.
И надпись, что была на камне выбита,
Давно свинцовым вымыта дождём.
С тех пор граница людям служит просекой.
Ну что ж, грибы от нас не взаперти,
И соблазняют ягодные россыпи
Границу в мирных целях перейти.
Никто от нас тут лес не отгораживал.
И лишь обходчик жалуется мне:
— Представь себе, уж сколько раз здесь хаживал,
Всё не привыкну. Мысли о войне...
А как привыкнешь! Словно душу вынули —
Друзей он в эту землю положил
Ещё на той войне, что с белофиннами.

Потом на этой...

И с тех пор решил,
Что будет здесь бессменным пограничником
У памяти на страже...

Каждый год
С тех самых пор он бродит по брусничникам
И сосны от пожаров стережёт.
Как будто их судьба ему завещана.
Ершист подлесок у лесной тропы...
И только эта просека — как трещина
Как будто посреди его судьбы.

* * *

Мой лес, верюха да верётище,
Зеленошумный и большой,
Как очень добрый человечество,
С простой крестьянской душой.
Словоохотлив — только выслушай!
Из пермяков или зырян,
Он ягодой, на солнце вызревшей,
Зардеется в тиши полян.
Да не заманят в глушь застойную
Пеньки — гнилое старичье.
Мне лес, как другу, ветку хвойную
Положит тихо на плечо.
Войду, как в дом, в его урочища,
В светёлку, в избяной закут,
Где комаров в окошке — полчища:
Как сеткой, белый свет заткут.
А днём в объятья солнце просится,
И с ним шагается легко.
А впереди, в сосновой просеке —
Пар, как в стакане молоко.
И никакой застойной плесени
С душой уже не совладать,
И можно жить легко и песенно,
Любить и всем того желать.

РЫБАК С ВЕЛЕСЫ

Из царства утренних растений,
С туманных пойм, с речных излуч
Он возникал, как привиденье,
Неся на низке толстых щук.

Он появлялся так неслышно,
Как будто сам он был травой.
И куст черёмуховый пышно
Цвёл у него над головой.
С ночных шагая побережий
Сквозь чернотал и чернобыл,
Он появлялся, словно леший,
А может, вправду лешим был.
Тяжёлой сыростью туманов
Пропахший с ног до головы,
Вытряхивал он из карманов
Остатки ветра и травы.
Теченьем рек неторопливых,
Дыханьем ночи обдавал
И шук, тяжёлых и ленивых,
Нам, не торгуясь, отдавал.
Ходили слухи по деревне,
Что будто был он одинок
И, мол, не раз к вдове Андревне
Заглядывал на огонёк.
Но это были только слухи,
Как острая приправа к шам,
Не зря все вдовы старухи
О нём вздыхали по ночам.
Каким-то благостным покоем
Он привораживал нас всех,
И было что-то в нём такое,
Что приглушало шутки, смех.
Он пропадал опять в тумане,
Шёл, непонятный никому.
Я вслед глядел и, может, втайне
Чуть-чуть завидовал ему.

ПРИРОДА

Мудра природа. И гуманна.
Ты от неё не скроешь ложь.
Ты в ней при помощи обмана
Богатства не приобретёшь.
Она добра. И дальновидна.
А ты порою с ней — как вор,
И, прямо скажем, ей обидно
И стыдно ей за твой позор.
Ей, добродетельной, виднее,

Что значит твой пустой престиж,
Когда ты, жалкий, перед нею,
Как перед матерью, стоишь.
Она правдива и открыта.
Она — спасение твоё.
Она с добром к тебе...

Но ты-то!
Да разве стоишь ты её?!

ЧЁРНАЯ ШЛЯПА

Пил, грешил, служил Отчизне.
Тру задумчиво чело:
Что осталось в этой жизни?
Право, вовсе ничего.
Но хотел бы в этой драме
Грех поступком искупить:
Может быть, любимой даме
Шляпу чёрную купить.
Накоплю побольше денег —
Чай, других мы не бедней! —
Пусть она её наденет,
Чтобы выглядеть модней.
Чтоб потом не моды ради,
А меня когда-нибудь
В этом траурном наряде
Проводить в последний путь.

ДЕВОЧКА УВИДИТ ПТИЦУ..

* * *

Волчья шуба мне машет густым рукавом,
говорит на чужом языке меховом,
на полынном, животном, незрячем,
на беспамятном, темном, волчачьем:
«Мы ходили как боги по лесу во тьме,
мы кровавое мясо держали в уме
и спускали голодные тени,
если чуяли рядом оленя.

Мы учили своих неуклюжих волчат,
как лечебные травы пахуче горчат,
как следы источают тревогу,
как медведь покидает берлогу.

А теперь продевай свою руку в рукав —
никогда не услышишь ты запаха трав,
никогда не увидишь, как ночью
раскрывается зрение волчье,
и откуда-то из сердцевины темна
на язык проступает слюна.

В каждом атоме все это было и есть —
ваши дети-всезнайки потрогают шерсть,
лунатически шаря руками,
и взрослея, пойдут не за вами».

* * *

В квартире бабочка летала,
в углах металась.
Я просыпалась, засыпала
и просыпалась.

Ее воздушные касанья,
что легче дыма,
ужасным были наказаньем,
невыносимым.

Когда она ко мне на щеку
слетала тенью,
меня как будто било током
от отвращенья.

Была она, как мой порок,
неумолима,
как демон с вытертых досок
Иеронима.

Она как будто лапкой птичьей
меня касалась,
наверно, легкою добычей
я ей казалась.

Я начинала «Да воскреснет»,
сбивалась, злилась.
Я знала, утром все исчезнет,
а ночь все длилась.

* * *

«Все семейства похожи...» —
строка из Толстого.
Если счастье положено —
что в нем такого?

Хочет знатная дама
забыть про манеры,
хочет страсти и драмы,
любви офицера.

Ничего не боясь,
она льнет к эполету,
и преступная связь
открывается свету.

Отвернулись друзья
и знакомые тоже,
вот теперь их семья
ни на что не похожа.

Мы заносим в конспект
проблематику спальни:
а) моральный аспект,
б) аспект социальный.

Мы заносим в конспект
схему, образ, персону,
где живой человек,
плача, шел по перрону.

Рельсы, крови пятно,
за оградой могила.
Вам не все ли равно
что ее погубило?

* * *

Кружит, сгущается, находит,
заполняет белый свет.
И в человеческой природе
такому объяснения нет.

Когда из серой безнадеги
и повседневной суеты
такие возникают строки,
которые сильнее, чем ты.

Как бы во сне какой-то частью
сам сновидению под стать
ты наделен чудесной властью
действительность преображать.

Ты сам всему даешь название,
как бы в начале всех начал,
чего не заметил ранее,
чего никто не замечал.

Как будто брел в ночи отпетой
с одним фонариком в руках
и зыблемым потоком света
дорогу выхватил впотьмах.

* * *

Мир лежал, как на ладони,
не менялся календарь.
Мчались бронзовые кони
в гобеленовую даль,

мыла бабушка тарелки,
пах на печке девясил,
дед потертую шинелку
просушиться выносил.

Все как надо начиналось,
беззаботно и легко.

В небе ласточка качалась,
пузырилось молоко.

От реки плыла прохлада,
растворяясь на ветру,
солнце горьким шоколадом
обливало детвору.

Я по скошенному лугу
шла до речки босиком,
пахли розовые губы
деревенским молоком.

Пусть все это повторится
в будущий, далекий год...
Девочка увидит птицу,
в небо руки окунет.

* * *

На дороге дачной новой
мой отец нашел подкову
и принес ее домой.
Говорил он: «Вот удача,
скоро мы достроим дачу,
это знак счастливый мой».

Он прибил ее на двери,
видно, был он суеверен.

Только года под конец —
перевернутая чаша —
мы продали дачу нашу
так как умер мой отец.

Постарела я, наверно,
и сама я суеверна —
вечно думаю о том,
что висит себе подкова
у хозяина другого
и приносит счастье в дом.

АХ, ЗАЧЕМ ЭТА НОЧЬ...

РАССКАЗ

Тимофей Иванович сквозь сон услышал звонкий, похожий на серебряный колокольчик, девичий смех, осторожно открыл глаза и уставился в потолок. В окно лился ровный голубоватый лунный свет. Самой луны не было видно, она уже поднялась и теперь висела высоко над крышей, источая на землю потоки своего отражения. На белой стене выделялся четкий темный квадрат шифоньера. На другой стене с легким шелестом тикали часы. Впервые это тиканье он обнаружил прошлой ночью. Сначала не мог понять, откуда оно идет. Тикают обычно ходики или механический будильник. А у него часы работали от батарейки и никаких звуков издавать не должны. Утром он долго смотрел на них, пытаясь выяснить механизм тиканья. Потом понял: звук издавала двигающаяся по циферблату секундная стрелка. Он удивился, что не замечал этого раньше.

Не обращая внимания на тиканье, он прислушался, снова ожидая услышать девичий смех. Но, кроме звука часов, в комнате раздавалось только тихое посапывание спавшей на другой кровати жены. Из-за окна

ПРОЗА

не доносилось ни голосов, ни смеха. Это-то больше всего и настораживало. Если девчонка под окном не смеется, значит шепчется или целуется с парнем. А от поцелуев совсем недалеко до беды. Тимофей Иванович, сам не зная почему, вдруг стал переживать за нее, словно за собственную дочь.

Девичий смех среди ночи он услышал неделю назад, сразу после того, как под окнами поставили скамейку. До этого ее не было, и старушки из подъезда все время выговаривали домоправу за то, что им негде посудачить. Но, выходит, что скамейка была нужна не только им. Когда Тимофей Иванович впервые услышал девичий смех, тут же стал соображать, кому бы он мог принадлежать. В его подъезде девчонки были или еще слишком маленькими, чтобы сидеть под окнами с женихами, или уже повыскакивали замуж, и теперь им было не до обнимок и вздохов под луной. Он старался представить ту, которая каждую ночь нарушала его сон, но не мог. Однажды он приподнялся на руках и попытался дотянуться до окна, чтобы разглядеть в лунном свете смеющуюся девчонку, но тут же понял, что ему это не под силу. До окна было не менее двух шагов, а ноги у Тимофея Ивановича после случившегося два месяца назад инсульта не ходили.

Он горестно вздохнул и прикрыл глаза. Нemoшь настолько угнетала, что однажды он собрался наложить на себя руки. День и ночь лежать полутрупом, не вставая с постели, было выше сил его. Тем более что врач никакого реального улучшения не обещал. Повторял только одно: надо надеяться, в медицинской практике всякое бывает. «Теперь уже поздно надеяться, — думал Тимофей Иванович. — Было бы мне двадцать лет, тогда бы другое дело. А в шестьдесят откуда взяться здоровью?» Он настолько исстрадался, что ни в какое свое выздоровление уже не верил. Отсюда и пришло желание уйти из жизни.

Тимофей Иванович уже собрался исполнить свое намерение, благо жена ушла, и в квартире кроме него никого не было, но в это время заскрипел ключ входной двери и он увидел на пороге дочку. Она словно прочитала его мысли. Подошла, молча села на кровать и, запустив руку в его шевелюру, посмотрела в глаза. Никогда раньше Тимофей Иванович не видел такого пронзительного и тоскливого, царапающего за самую душу взгляда. И он понял, что если наложит на себя руки, исковеркает жизнь дочери. Она привыкла быть рядом с отцом, сиротство ее убьет. Даже такой немощный, он оставался для нее опорой. После этого он стал думать только о жизни.

Сейчас, глядя в потолок, Тимофей Иванович пытался представить, о чем могли говорить влюбленные. Он словно сам садился на скамейку под окном, вдыхал будоражащий запах молодого и здорового женского тела, смотрел счастливыми глазами на ту, от одного взгляда которой начинало неровно стучать сердце. Тимофей Иванович всю жизнь старался понять, почему это происходит с мужиком всякий раз, когда около него оказывается понравившаяся ему женщина, но никаких разумных доводов этому не находил. Ведь сотни женщин, многие из которых не просто смазливые, а по настоящему красивые, пройдут мимо, и ни на одну из них мужик даже не обратит внимания. А потом вдруг увидит такую, что сразу замрет душа. Только от того, что она рядом, что на нее можно смотреть, слушать ее голос человек становится счастливым. Что это? Волшебство или стрела Аполлона, как называли любовь древние греки? Да и что такое любовь?

Тимофей Иванович посмотрел на спящую жену, на рассыпавшиеся по подушке темные шелковистые волосы, на ее тонкую белую руку, лежащую поверх одеяла, и вдруг ощутил к ней такую нежность, что у него зашемило сердце. Ему захотелось, как это не раз было раньше, обнять ее, прижать к себе, уткнуться лицом в мягкие волосы. Но он не мог дотянуться до нее. Да если бы и дотянулся, представил, как жена сначала тяжело вздохнет, потом моргнет несколько раз ничего не понимающими глазами и с недоумением уставится на него. Ругаться не будет, но при случае беззлобно кольнет: «Вечера тебе не хватило». А при чем тут вечер? Чувство не разбирает ни времени, ни места. Когда нахлынет, тогда и нахлынет. И никакого спасения от него не найдешь. Главное, чтобы оно соединило души, было одинаковым у обоих. А то ведь один любит другого до такой степени, что готов раствориться в нем, а тому от этой любви ни холодно, ни жарко.

Вот и эти двое на скамеечке — сидят и прижимаются друг к другу. Девчонка наверняка полушепотом тараторит о каких-нибудь пустяках, а парень, сопя и приликая к ней губами, блудливой рукой пытается залезть под тонкую кофточку. Никаких других мыслей у него, подлеца, быть не может. Не видя и не зная его, Тимофей Иванович был почему-то убежден в этом. Он представил, как парень вздрагивающей рукой пробирается к груди девушки, нахмурил брови, сразу посмурнев лицом, и откинул одеяло, чтобы снова попытаться встать с постели. Ему хотелось любым способом помешать греху, но в это время под ок-

ном опять раздался чистый девичий смех, и у него отлегло от сердца. Если девушка смеется так искренне, значит, никаких худых умыслов по отношению к себе она не чувствует.

«Господи, как быстро пролетает человеческая жизнь, — подумал Тимофей Иванович. — Давно ли сам вот так же сидел на скамеечке, замирал от счастья, обнимая свою девчонку, а теперь думаю о вечном».

Ему вспомнилось, как он впервые встретил Валю, свою будущую жену, на танцах в городском саду и остолбенел, не в силах сдвинуться с места. Ему бы надо было сказать что-то, пока она не успела уйти, а у него отнялся язык. Никогда раньше он не видел такой красивой девушки. Он смотрел на нее и чувствовал, как от макушки до пяток разливается сковывающая все тело робость, сердце вдруг замерло, а дыхание остановилось. Он словно умирал от ее взгляда, причем делал это с радостью потому, что в это мгновение даже умереть ради нее для него было счастьем. И он бы умер, если бы не заметил, что, глядя на него, она тоже оцепенела и тоже не может сдвинуться с места. А потом они пошли танцевать и он кружился с ней, не чувствуя себя, и напросился провожать ее домой.

Столько лет прошло, а он до мельчайших подробностей помнит эту встречу. Темную ночь с запахом росы из палисадников, тусклые, почти невидимые над головой, звезды и такую тишину, что боязно было произнести слово. Пересилив себя, он взял ее за тонкие холодные пальцы, и увидел, как резко она повернула к нему лицо и вся напряглась, не сделав попытки высвободить руку. Так они и дошли до ее дома. «Почему именно это осталось в памяти? — думал Тимофей Иванович. — Может быть, потому, что из таких мгновений и состоит счастье?»

А потом была свадьба, рождение сына и дочери, связанные с работой переезды из одного города в другой. Но это даже не замечалось потому, что рядом была Валя, взявшая на себя все семейные заботы и оставившая ему только работу, которая позволяла содержать семью. И его почти никогда не покидало ощущение счастья. Оно было в ее улыбке, в ее лучистых глазах, в ее тепле, когда она обнимала за шею и прикасалась к нему губами. Особенно внимательной она была, когда что-то не ладилось с работой и над семейным благополучием сгущались тучи. «Ты у меня умный, — любила повторять она, — и всегда найдешь выход из самого трудного положения». Вот почему вся жизнь, которая, по сути, закончилась, показалась ему легкой.

Тимофей Иванович вздохнул и закрыл глаза. Вспомнил дочку, когда она была совсем маленькой, ее пухленькие ручки с тонкими пальчиками, которые все время хотелось поцеловать, топот босых ног по голому полу, и это тоже было счастьем. Несчастье обрушилось, когда дочка вышла замуж, родила сына, а потом собралась расходиться с мужем. Уличила его в измене, закатила скандал, и он, признавшись во всем, стал просить у нее прощения. Настоящий мужик никогда не поступит так, подумал тогда Тимофей Иванович. Даже если тебя поймали за ноги, но ты не признался, все это останется лишь подозрением, а не состоявшимся фактом. Подозрение забудется, измена — никогда. Признаться можно только себе и никому другому. Если, конечно, не хочешь уходить от жены. Это он и сказал зятю, когда тот пришел к нему и попросил уговорить Дашу не разводиться. Уговорить удалось, но полного счастья в их семейной жизни так и не наступило. Недоверие к мужу осталось у дочки на всю оставшуюся жизнь. Недаром, когда становится трудно, она в первую очередь бежит к отцу. Именно он остался для нее единственной опорой.

«А какая я теперь опора? — с горечью подумал Тимофей Иванович. — Сломанный костыль, который и приспособить-то некуда. Был опорой, теперь стал обузой». Но он тут же отбросил эту мысль. После того, как дочь помешала ему уйти из жизни, он понял, что опираться можно не только на физически здорового человека. Моральная поддержка иногда значит гораздо больше...

Спать уже не хотелось, он смотрел в потолок и думал. Вроде не так давно был молодым, не так давно радовался детям, а такое ощущение, словно пережил несколько эпох. Да так оно, в сущности, и было. Всю жизнь мотался по великим стройкам, проектировал самые мощные в мире нефтяные и газовые магистрали, составлял технико-экономическое обоснование освоения промышленной зоны Байкало-Амурской магистрали и все надеялся, что пройдет пять-десять лет, и он вместе со всей страной заживет счастливой жизнью. Осядет в хорошем городе, все свое время будет отдавать семье и детям потому, что чувствовал в душе столько не излитой любви к ним, что впору было покаяться. Он вспомнил, как возвращался из дальних странствий домой, почему-то чаще всего глубокой ночью и перед утром, добирался с аэродрома на такси, а жена босиком и в одной ночной сорочке уже ждала его у порога, словно знала, что он появится именно в эту минуту. Тимофей Иванович обнимал ее — теплую, еще не отошедшую ото сна, зарывался лицом в ее волосы, тыкался горячи-

ми губами в ее губы. Потом осторожно, на цыпочках, подошел к детской, приоткрывал дверь, смотрел на сладко посапывающих во сне сына и дочь и, обняв жену, шел с ней в спальню. И это тоже были минуты счастья.

А теперь его работа стала никому не нужна, уплыли мечты о хорошем городе, остаться пришлось там, где застал развал государства. Года два Тимофей Иванович жил в постоянном стрессе, не видя цели дальнейшего существования, а потом решил: если мы не сумели сохранить то, что завоевали и построили, значит, надо сделать так, чтобы дети вернули себе все это. Но именно на детей направили главный удар разрушители Отечества. С осатанелой настойчивостью они начали крушить вековую мораль, превращая человека в животное. Потому что тогда и поступать с ним можно будет, как со скотиной.

Телевизор невозможно стало смотреть. Весь стыд, который раньше прятали в самых темных глубинах души, вывернули наизнанку. Причем все это обрушили на женщину. Всю мощь государственной пропаганды направили на то, чтобы убить в ней материнский инстинкт, превратить из жены и хранительницы семейного очага в объект сексуального удовлетворения. И, можно сказать, добились этого. Проституция для сотен тысяч женщин — уже профессия.

Тимофей Иванович делал все, чтобы новая жизнь не задела дочь. Узнав о ее размолвке с мужем, он несколько дней не мог найти себе места. А когда она, вся в слезах, пришла к нему, обнял ее за плечо, по-отечески поцеловал в висок и сказал:

— Знаешь, Дашка, почему у вас это происходит? — Она подняла на него мокрые глаза и затаила дыхание. — Потому, что завели одного ребенка и на этом строительство семьи посчитали законченным. Один ребенок еще не семья. Надо, как минимум, трех.

— Ты шутишь? — Она шмыгнула носом. — В наше-то время?

— В наше время и надо заводить детей. Кто защитит твоего Ваньку? На нашу землю столько желающих, что одному ему не отбиться.

Дочка замолчала, промокнула глаза платком, потом сказала, пожав плечами:

— Может быть, ты и прав.

А недавно сообщила ему, что ждет второго ребенка. Врачи сказали — будет дочка. У сына тоже дочка, так что одну внучку Тимофей Иванович уже имеет, теперь будет ждать другую...

Он снова вздохнул и посмотрел в окно. Луна переместилась за крыши соседних зданий, на небе четче проступили звезды. За окном была тишина, и, сколько ни напрягал слух Тимофей Иванович, со двора в комнату не доносилось ни одного звука. Он подумал, что влюбленная парочка покинула скамейку и разошлась по домам, но вдруг услышал с улицы тихий разговор. Такой тихий, что если бы не открытая форточка, его не было бы слышно. Слов, конечно, не разобрать, но Тимофея Ивановича почему-то обрадовало, что влюбленные до сих пор не ушли. Значит, им трудно расстаться, значи, у них это серьезно.

Он не мог понять, почему совершенно незнакомая девчонка вдруг стала ему такой близкой. Наверное, потому, что устал смотреть на разоренные семьи и беспризорных детей. Многие молодые женщины уже не хотят выходить замуж. Он сам знает такую, она живет в их подъезде всего двумя этажами выше. Симпатичная, стройненькая, умеющая и одеваться, и вести себя с определенным достоинством. Ей уже под тридцать, а о замужестве не хочет и слышать. Встречается с каким-то мужчиной, ночует у него иногда раз в неделю, а иногда и реже, и ее это вполне устраивает. Причем ни от кого не скрывает этого. Тимофей Иванович, когда еще ходил, спросил как-то, столкнувшись с ней в лифте:

— Ты что это, Марина, так долго не приглашаешь меня на свадьбу? Ведь состарюсь скоро.

— А я не собираюсь замуж, Тимофей Иванович, — сказала она, смеясь. — Во-первых, мужиков хороших почти не осталось, а, во-вторых, пойдут дети, зачем лишняя обуза?

— Но ведь Бог создал женщину для того, чтобы продолжать род человеческий, — заметил он.

— Это все высокие слова. Сейчас о продолжении рода никто не думает. Один день прожил, и то счастлив.

— Да нет, — возразил Тимофей Иванович. — Без собственных детей полноценного счастья человеку не обрести.

— Были бы вы лет на двадцать помоложе, вышла бы за вас, — все так же смеясь, сказала Марина. — Отбила бы вас у жены.

Тимофей Иванович хотел продолжить разговор, но в это время лифт остановился, и ему пришлось выходить. Он пожалел, что не удалось договорить до конца. Сказать же он собирался одно: не хочешь замуж, тогда хотя бы родила себе ребенка, пока не поздно. Жить станет труднее, а душа обретет спокойствие. В доме появится человек, которому можешь отдать свою любовь. И который будет отвечать тебе тем же. Без любви у человека не жизнь, а существование.

Сейчас, глядя в потолок, он думал о том, что никакие его слова на Марину, скорее всего, не подействовали бы. Семья должна быть внутренней потребностью женщины, ее инстинктом, а у Марины его нет. Она уже живет другими ценностями, давно вытравив из себя все душевные терзания. Их заменили личное благополучие и сытая жизнь. Марина уже никогда не сможет стать ни хорошей женой, ни матерью. «Господи, в кого же у нас превратили женщину?» — закрыв глаза, с горечью думал Тимофей Иванович.

Ему вдруг вспомнилась недавняя телевизионная передача из Чечни. Показывали не то какой-то гараж, не то сарай, где у ног свободолюбивых вайнахов лежала связанная русская девушка. Ее рот был заклеен липкой лентой. Чеченцев было пять или шесть. Они о чем-то говорили на своем языке, потом один из них взял нож, одной рукой задрал девушке подбородок, а другой перерезал ей горло. Остальные смотрели на эту чудовищную картину и смеялись. У Тимофея Ивановича в тот миг чуть не остановилось сердце. Если бы он мог, он бы сам с автоматом в руках пошел мстить этим выродкам. Но больше всего его поразил ведущий телепередачи. Он не высказал ни слова сочувствия девушке, ни слова осуждения убийцам. «Вот кто настоящий враг», — подумал тогда Тимофей Иванович.

От этих воспоминаний заныло в груди. Жена постоянно говорила о том, что нельзя принимать все так близко к сердцу. Иначе можно просто свихнуться. Когда она, так же, как и Тимофей Иванович, впервые услышала смех за окном, сказала:

— Все это заканчивается одним и тем же. Сначала смеются, а потом утирают слезы.

— А может, это любовь? — возразил Тимофей Иванович. — Может, еще такая пара будет, что другим останется только завидовать.

— А ты уже переживать начал? — с ехидной ноткой в голосе спросила жена. — Тебя эти переживания вон до чего довели... О себе думай.

Тимофей Иванович вздохнул и посмотрел в темное окно. И тут ему показалось, что оттуда раздался не то стон, не то приглушенный крик о помощи. Он замер, напряженно вслушиваясь в предутреннюю тишину. За окном снова раздалось непонятные звуки. Перед глазами вдруг встала девчонка, которой перед телеэкраном перерезал горло чеченец. Тимофей Иванович почувствовал, как сорвалось и бешеной дробью забарабанило сердце. Не ощущая себя, он встал с кровати, сделал два шага к окну и, оперевшись руками на подо-

конник, попытался посмотреть вниз, на скамейку. Она была в полумгле, но он увидел на ней два силуэта. Парень обнимал девушку за плечо, уткнувшись лицом в ее волосы. Он или говорил ей что-то, или осторожно целовал в голову.

Тимофей Иванович так увлекся, что не заметил, как встала жена, подошла к нему и, остановившись в шаге от окна, спросила дрожащим голосом:

— Тима, милый, ты начал ходить?

Только сейчас он осознал, что сам, без всякой помощи, встал с постели и сделал два первых шага. Он неуверенно развел руками и сказал:

— Ну да. Ты же видишь...

— А зачем ты выглядывал в окно? — спросила жена.

— Песню вспоминал, — сказал Тимофей Иванович. Он посмотрел на жену счастливыми глазами и протянул к ней руки. — «Ах, зачем эта ночь так была хороша...» Помнишь?

— Конечно, помню, — сказала жена, обхватила Тимофея Ивановича и, прижавшись щекой к его груди, почему-то заплакала.

ДВА РАССКАЗА

ЧАРЛЁНОК

На рынке, в «собачьем» ряду, где торгуют щенками, старый охотник продавал щенка таксы. Это был самый крупный, самый сильный, самый умный щенок из последнего помёта, сын его любимых собак Лёли и Чарлика, которого дед Володя хотел оставить себе. Годы заставляли думать о последней охотничьей собаке. В семьдесят лет уже много не побродишь с ружьишкой. Да оно, если уж честно сказать, иной раз на охоту и ходить не хочется, азарта того нет, что был раньше — старости азарт не свойственен. Хотя разве он старый? Пять-семь километров отмахать по полям да балкам ещё может. Правда, потом сердце колотится, но на то она и охота! А дома, если лежать под телевизором и глотать таблетки, как его годки, разве лучше? Так ещё быстрее сдохнешь. А у него ещё сердце не шунтировано, пуза нет — сухой, как забеганный заяц. Правда, с собаками деду Володе Семёнычу — так его звали уважительно молодые охотники — в последний сезон не повезло. Чарлик погиб в камышах в схватке

ПРОЗА

с шакалом (развелось их после Чеченской войны!), а Лёлю просто украли. Причём на охоте. Выскочила она из камышей, гоня фазана, на трассу, иномарка остановилась, открылась дверь, позвали, и собака, приученная запрыгивать в машину, уехала. На глазах у хозяина. Номер машины Семёныч не разглядел, а его самого водитель видел и не мог не понять, что собака на охоте. Украли. Укатила Лёля, не докормив трёх щенков. Докармливал их Семёныч: из соски, потом из миски молочком, супчиками до двух месяцев, оставил себе одного, а теперь вот трёхмесячного, свою охотничью надежду, вынес на рынок. Стала слепнуть жена, потребовалась операция по удалению катаракты, а доктора-коммерсанты заломили такую цену, что двух их пенсий не хватает. Будто этот искусственный хрусталик не стекляшка, а бриллиант. Вот и решил дед Володя продать по такому случаю младшего Чарлика, которого называл Чарлёнком. Думал сначала пристроить ружьё, да кому оно старое нужно — курковка-горизонталка. Ружьё Семёнычу при Советской власти вручили как звеньевому за наивысший урожай свёклы в районе. Тогда и награждали ружьями, и купить можно было в магазине любое без всяких медкомиссий и разрешений. А теперь ходи по врачам, чтоб написали, что ты не псих и не наркоман, по охотничьим обществам обивай ноги, по полициям — и везде плати деньги, тогда только получишь дозволение на покупку гладкоствольного. Нарезного таким, как он — протякам, вообще не выходить. Но в полях, где крупного зверя нет, нарезное и не нужно. Только продавать старое ружьё придётся долго, а операцию нужно делать сейчас. Потому Семёныч, погоревав, и вынес щенка на базар. Присел на принесённую из дома скамейку в ряду собачников и стал ждать покупателя.

Было холодно. Прошедшую ночь кружил мелкий снежок, вроде и не частый, а к утру притрусил всё, и начал кусать мороз. Собачники поукутывали щенков, иные в специальных ящиках зажгли свечи для обогрева. Семёныч же сунул Чарлёнку за отворот ватной куртки, и оттуда таксёнок взирал на мир, постреливая по сторонам чёрными глазками. Чарлёнку нравилось за пазухой хозяина, но временами, когда дед Володя его не поддерживал, он проваливался, начинал скрести по куртке лапами, выбирался наверх и опять занимал позицию обзора. Деду Володе это нравилось, и он подсмеивался над щенком:

— Что, хвостик не держит? В нору ссовываешься? Держись лапками, дружок, ты из геройской породы!

И поглаживал щенку ушки-лопушки. Ушки Чарлэнка были настолько тонки, что просвечивались насквозь, и это говорило об особом охотничьем чутье и таланте таксы.

Несмотря на мороз, рынок понемногу заполнялся людьми. Стали интересоваться щенками овчарок, кавказских сторожевых — этих лохматых барбосов продавали прямо из багажников машин, как поросят. Холод им был не страшен. Семёныч заметил, что покупают их, в основном, мужики и женщины рослые, мордатые, богато одетые — наверное, для того, чтоб во дворе бегала зверятина, похожая на хозяев. Потом стали спрашивать пекинесов, какая-то полуслепая выцветшая старушка искала щенка немецкого шпица, наклонилась чуть ли не нос к носу к Чарлэнку, отчего тот на неё зарычал и твякнул.

— Ой! — отпрянула бабулька. — У вас не шпицик? А то мои котики без весёлого шпицика скучают.

— У меня таксёнок, страшный любитель котиков, если купите, скучать котикам не придётся — все будут висеть на занавесках, как игрушки на ёлке, — ответил Семёныч, усмехнувшись.

— Ой, извините, я знаю, что такое такса — это для котиков монстр!

Чарлэнок недовольно косился на старуху и ёрзал за пазухой. Он бы её, эту пропахшую ненавистными запахами кошатницы облаял на весь базар, но поглаживание хозяина его успокаивало и не давало разозлиться.

После бабульки никто к деду Володе с Чарлэнком не подходил.

Спрашивали по-прежнему пекинесов, йоркширских терьеров, той-терьеров, охотники — их бы Семёныч определил сразу — на рынке не появлялись. Да и понятно почему — охотничью собаку на рынке неизвестно у кого не покупают. И Семёныч загрустил. Он гладил ушки Чарлэнку и говорил:

— Не везёт нам, дружок. Не найдём тебе хозяина — бабка обидится, подумает, что не захотел продать. А я и не хочу, да деваться некуда — и ты мне нужен, и тебя жалко, а бабку жальче. Со слепой бабкой совсем каюк придёт, — дед Володя стёр рукавом слезу. — Детей у нас, вишь, не получилось, потому тянуть нам с бабкой друг друга до конца, пойми это, дружок. Но ты не сердись, в плохие руки тебя не отдам. И не смотри на них, на всех этих пекинесов-шмекинесов — всю эту диванную породу, — дед Володя сплюнул и махнул рукой, — это разве собаки? Это коты в собачьей шкуре! Их не растревожит ветер с полей, им никогда не схватить в камышах фазана за хвост, не выгнать из норы рыжую хитруню и

не задать ей стрекача под выстрел хозяина. Эх, дружочек! А когда кончится их собачий век, их никогда не похоронят, как охотника, в полях, под салют их ружья, и стакан в память о них не нальют. Эх, Чарлёнок... — Старый охотник вконец расстроился. — Никто меня теперь не повеселит, и двор без тебя опустеет: коты обнаглеют, петух станет бродить где попало — не будет во дворе хозяина. Да и бабка без тебя заскучает...

От грустных мыслей Семёныча оторвал спешащий мимо знакомый охотник, молодой и шепутной учитель из соседнего хутора.

— О, дядь Володя Семёныч, здравствуйте! Никак Чарлёнка продать решили? Случилось что?

— Решил, Саша. Бабка слепнет, а эти жулики в белых халатах дерут три шкуры.

Учитель всё понял и не торговался. Он был весёлым парнем, шутником, его любили дети и собаки, и дед Володя обрадовался, что Чарлёнок попал в хорошие руки. На прощанье он прижал щенка к лицу, передал Саше и отвернулся — старику было не по себе.

— Не переживайте, я заведу Чарлёнку подружку, и кобелька из первого помёта подарю вам, ещё поохотимся! — подзадорил старика учитель.

— Спасибо, сынок, дай бог, чтоб к тому времени меня ноги носили. — И пошёл с рынка, забыв про скамейку.

Дома, только он хлопнул калиткой, жена вышла на крыльцо.

— Купили? — спросила и захлопала носом.

— Купили. Успокойся. Хороший хлопец купил, я его знаю. Охотник.

— А ты как же, Володенька? Может, от лечения и толку не будет, а ты без собачки...

— Будет толк, не будет... А с тобой слепой мне что, легче будет? — Семёныч поцеловал жену. — Иди в дом, Надюша, простудишься.

— Иди и ты, обедать будем.

Жена затворила дверь, а Семёныч поискал глазами скамейку, на которой любил посидеть за домом после охоты, и только теперь вспомнил, что забыл её на рынке. «Ладно, чего уж, где Тетеря, там потеря», — решил старик. Он взял старую фуфайку, бросил её на колоду за сараем и присел отдохнуть. Был уже полдень, но мороз держался, и снежок не таял. Наоборот, оттуда, с северной стороны, с полей выстраивались в атаку на станицу тучи и ожидались, похоже, последние в эту зиму холода. «Как там Чарлёнку на новом месте?» — подума-

лось старику, хотя он знал, что у учителя шенку будет не хуже, чем у него. Главное, что теперь хватает денег на операцию и жена не ослепнет. Завтра он повезёт Надюшу в город, в больницу, над которой вертится громадный глаз, и её вылечат. Да, вылечат, и всё у них будет по-прежнему. И это была для него сейчас главная, самая важная думка, но почему-то в глубине души засела другая — про шенка, и как лиса из норы, никак из души думка эта не хотела выходить.

ПОСИЖУ, СОЛОВЬЯ ПОСЛУШАЮ

Перед Пасхой я поехал на родной хутор поправить бабушкину могилку. Так получилось, что в старости родители решили доживать свой век с младшим, и мы с братом перевезли их к нему. В станице потом и похоронили. А на хуторском кладбище осталась лежать наша бабушка по линии матери, Пелагея Фёдоровна, за могилкой которой мы следим.

Хуторское кладбище на бугре среди пшеничного поля, чистое и тихое, всё в вишнях и сирени. За последние годы оно запестрело красивыми дорогими памятниками — они на могилах тех, кто уехал с хутора, чего-то добился в жизни, но пожелал покоиться здесь, возле родных могил «посэрэд стэпу широкого». Могила бабы Палажки (так мы, внуки, её звали) обычная, с земляным холмиком, крестом из труб. На кресте табличка из нержавеющей стали с выбитой зубилом рукой брата фамилией, именем. Просто, надёжно — не выгорит от солнца, не смоеся дождём. За год холмик зарос густо лилией, побегами сирени и рассунулся. Кротики постарались. Я вырезал поросль, сапёрной лопаткой формировал холмик, поругивая слепых копателей, наделавших бугорков по всему кладбищу. Справился с работой и присел отдохнуть на лавочку у могилки. Чутко за вечерело, удлинились тени, и в сиреневом гаю, метрах в десяти от меня, в тишине загнул колленце соловей. И тотчас из посадки за пшеничной полосой, вторя ему, закиркотал фазан. И пошло-поехало. Соловейко трель льёт, а петушок будто зёрнышки дробит: кирко да кирко. Красота! Сижу, слушаю, вспоминаю бабушку.

...Так вышло, что на её похоронах я не был, служил во флоте, и болтались мы тогда где-то в Атлантике на субмарине с ядерным оружием — шла холодная война. А если б и не «болтались», на базе были, всё равно б не отпустили хоронить бабушку. Это сейчас год служат и шляются по станице. Откупных командирам заплатят и гуляют. Так что бабу Палажку свою я видел последний раз перед службой. А была она

человеком небезынтeресным. Смолоду красавицей слыла, дед мой, Сергей, в Первую мировую войну близ границы с Австро-Венгрией за неё будущему тестю отвалил целых сто рублей, а потом, как говорила мать, всю жизнь выбивал их из бабки — хозяйкой красавица неважной оказалась. В голодовку тридцать третьего года бросила мужа и детей, чтобы спастись самой. Дед бился, бился с голодом, сам загинал, но старшеньких, трёх дочек и сына, спас. Дед был грамотным, вирши слагал, писала стихи и мать, и, наверное, оттуда, от того дедовского корня, пророс росток во мне.

После голодовки баба Палажка вернулась в хату к детям, «сто рублей» из неё уже некому было выколачивать, дети её приняли, но до конца дней вспоминали бабе голодовку. Я по детству обиды матери не понимал, а любил бабу за её байки и сказки. Она их знала множество и сказывала мастерски, даже можно сказать, по-актёрски. Хохотал я тогда над бабиными не очень литературными изречениями и, видимо, тогда, сам того не ведая, поймался я, как прожорливый окунёк, на крючок прекрасного кубанского слова, балачкой теперь называемого. Сладкого, лиричного, как соловьиная песня, и сытного, как пшеничный хлеб, слова. А бабушке своей за её жизнь я не судья. Господь о нас всех, мёртвых и живых, ведает и судит. Моё же дело, как внука, могилку поправить и помнить ту, кого обязан помнить, пока живой.

Тени ещё удлинились, но нескоро вечер, и соловей наяривает! Опьянел певец от сиреневого духа, от майского тепла, от соловьиных своей! Гнёт коленца серенький солист, ничего не слышит. Даже не замолчал, когда близко остановился тяжёлый мотоцикл с коляской, и прошёл к могилке с тяпачкой большой седой человек. Вырубил несколько кустиков пырея у памятника, протёр рукавом рубахи портрет женщины, посидел, опустив голову, а потом повернулся ко мне. Двое нас сейчас на погосте. Сидим, друг на друга смотрим. Чувствую, знакомы, а вспомнить ни он, ни я не можем. Жизнь не виделись. И как по команде встаём и идём навстречу.

— Не могу вспомнить, — говорю.

— И я, — отвечает он.

— Обзовись.

— Виктор.

— А я Степан, штурвальным был у тебя на комбайне после восьмого класса. — Я его вспомнил первым.

— Стёпка? Той, шо в газеты пышэ?

— Той, той, — подтверждаю я.

Мы забыли про соловья, а он услышал нас и замолчал. Виктор присаживается ко мне на лавочку, кряхтит, он намного старше, спрашивает:

— До кого ты прыйихав? Батькив твоих тут нэма.

— До бабушки, — киваю я на могильный холмик.

— А... А я до своей Полюшки. Свята була женщина. С дитьмы бросыв, годив в осим... А колы вэрнувсь, прыйняла и ныспросыла, дэ був. Пивгоды пожилы и помэрла. Надирвалась биз мужика. И оцэ уже пятнадцать годив сам. А жизнь, Стёпка, пройшла, як витэр повиялась, тилькы витэр може повырнуця в обратну сторону, а жизнь ныколы ны повыртаеця.

Он вздохнул и замолчал. Терebil пальцами белую нитку на штанине, где порыв был зашит грубым стежком, о чём-то думал. Потом поднял голову, поглядел вдаль, опять вздохнул и сказал:

— Ладно, земляк, бывай. Пойиду я, мини ще козу доить, а вона ж врэднюча...

И он, пожав мне руку, заводит свой неубиваемый «Урал».

И только воцаряется тишина, прерывает антракт соловей. Поёт, разликает трели пернатый песенник на кладбище, которое называют ещё «божьей нивой». И я у него один слушатель. А может, не один?..

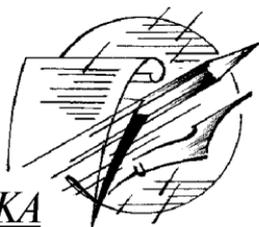
Поёт соловей, заликается. Заслушаешься! Поёт для всех. Соловей не знает, что жизнь «ныколы ны повыртаеця».

ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ Д.Е.» В ДЕЙСТВИИ

В 1923 году Илья Эренбург опубликовал роман «Трест Д.Е.», который сам автор охарактеризовал как «историю гибели Европы в результате деятельности американского треста» (Д.Е. означает: даешь Европу). Прошло 90 лет, и тема, обозначенная писателем, не только не потеряла актуальности, но приобрела едва ли не пророческое звучание.

Положение в Европе в последнее время стремительно ухудшается. Европейское статистическое агентство сообщает о рекордном уровне безработицы: 12 процентов трудоспособного населения, или почти 19 миллионов человек, причем в эту цифру не занесены частично занятые или занятые неполную рабочую неделю, число которых в странах ЕС достигает 35 миллионов человек. В Греции и Испании каждый четвертый трудоспособный житель — безработный.

Финансово-экономический кризис охватывает всё больший круг стран континента: Ирландия, Португалия, Испания, Греция, Кипр.... После Кипра, как сообщил телеканал деловых новостей Bloomberg, очередной страной, нуждающейся в стабилизационной программе Евросоюза и МВФ, может

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

стать Словения. Завязла в долгах Италия, где за год объем промышленного производства сократился на 7,6 процента.

Эксперты заговорили о том, что все отчетливее проявляются «греческие» симптомы в одной из крупнейших экономик Европы — Франции: ей грозит острый бюджетно-долговой кризис, депрессия в экономике и рост безработицы.

«Мы имеем дело с совершенно четко выраженным управляемым извне — прямо скажем, из США — долговым кризисом еврозоны. По сути дела, это — военные действия в сфере мировых финансов. Наблюдая за происходящими событиями, бывает трудно отделаться от мысли, что читаешь сводки с фронта», — пишет в портале KM.RU аналитик Кирилл Говоров.

Зачем понадобилась Америке война против своего, казалось бы, союзника? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно посмотреть: какие центры силы, способные противостоять Соединенным Штатам, существуют сегодня в мире? Россия слишком слаба, чтобы претендовать на геополитическое соперничество с США. Китай до сих пор не проявлял себя как сверхдержава. Для него на первом месте остаются внутренние проблемы. Следует помнить, что «Поднебесная» традиционно следовала статусу «Серединной империи», то есть центра Вселенной, и этот статус является для нее самодостаточным. Многовековая инерция политики, для которой сосредоточенность на своем китайском мире является самоудовлетворяющей, по всей видимости, сохранится в ближайшей, а возможно и в среднесрочной перспективе.

На сегодняшний день главным центром силы, способным в определенной мере противостоять США, является объединенная Европа. Не случайно Збигнев Бжезинский, говоря о необходимости сохранения контроля США над основными геостратегическими центрами, в первую очередь выделил страны еврозоны.

Борьба с ЕС ведется сразу по нескольким направлениям.

«Военные действия в сфере финансов», предпринимаемые Америкой, имеют своей целью ликвидацию евро как мировой валюты. В 1999 году, когда евро был введен в обращение, доллар составлял 70 процентов всех валютных резервов центральных банков. Этот показатель непрерывно снижался, достигнув в 2010 году 60 процентов, в то время как доля евро увеличилась почти до тридцати процентов. Валюта объединенной Европы является единственным серьезным конкурентом империи доллара в условиях углубляющегося кризиса американской платежной единицы и роста задолженности США, превысившей 16 триллионов долларов. Поэтому в своей финансовой политике Америка сделала ставку на максимальное ослабление позиций евро.

Задолженность США бьёт все рекорды, и всё внимание, как по заказу, обращено на мнимую слабость евро. Кризис доверия к еврозоне формируют, в частности, рейтинговые агентства. Платёжеспособность «проблемных государств еврозоны» — кредитный рейтинг — определяют всего три агентства. И все они являются американскими, имеющими тесные связи с министерством финансов США и с Уолл-стритом. Стратегия элит США по сохранению доллара в качестве мировой резервной валюты — и тем самым мощи США — основывается в значительной степени на скрытом использовании этих коррумпированных институтов, владеющих мировой монополией на присвоение кредитного рейтинга. Агентства неоднократно искусственно снижали рейтинг европейских стран и финансовых организаций. Снижение рейтинга страны затрудняет получение для нее кредитов, которые становятся слишком дорогими. Известна отрицательная роль агентства «Standard & Poor's» в греческом кризисе. Финансовую систему Кипра стало лихорадить после того, как крупнейшие рейтинговые агентства снизили его кредитный рейтинг на несколько ступеней.

По мнению кандидата экономических наук руководителя Авторской школы бескризисной экономики Сергея Семенищева, в экономической войне которую американцы развернули против евро, ведущую роль играют цены на нефть. В США достаточно «черного золота», а Европа им бедна, поэтому в цене европейских товаров высока нефтяная составляющая. Это значительно снижает прибыль европейских товаропроизводителей или вообще делает их продукцию неконкурентоспособной.

Финансово-экономический кризис в Европе, сопровождающийся ростом массовых социально-политических протестов, угрожает не только свести к нулю начатую в середине прошлого века работу по созданию Единой Европы, но и раздувает тлеющие по всему ее пространству угли сепаратизма, чреватого развалом самих европейских стран. «Если Европейский Союз не выберется из текущего кризиса, который угрожает его существованию, — пишет американский журнал «The National Interest», — региональные движения за независимость и автономию, которые набирают силу повсюду: в Бельгии, Британии, на Балканах, в Каталонии, — могут еще больше усилиться и добиться новых успехов, преобразив ту Европу, которую мы знаем на протяжении последних двадцати лет».

Главную силу в ЕС, как известно, представляет Германия, являющаяся важнейшей скрепой европейского единства. Разумеется, Штатам не нужно дальнейшее усиление немецкого государства. Не случайно Джордж Сорос недавно пред-

ложил Берлину подумать о выходе из зоны евро, то есть отказаться от роли локомотива европейской интеграции. Это предложение вписывается в американскую стратегию однополярного мира, который, по замечанию выдающегося мыслителя Александра Панарина, «может быть устойчив только тогда, когда есть супертяжёлая сверхзвезда, вокруг которой вращаются мелкие спутники. А если так, все крупные державы обязательно должны быть демонтированы».

Демонтаж европейских государств облегчает идеология и политическая практика Евросоюза. Она разрушает в жителях континента чувство патриотизма, сопричастности жизни своего государства. На смену патриотизму, по мере разочарования в идее паневропеизма, приходит местечковый национализм, во многом подогреваемый меркантильными интересами. Богатый север Италии хотел бы отделиться от остальной части Апеннинского полуострова. 18 сентября 2014 года ожидается референдум о независимости Шотландии от Великобритании. В требовании проведения референдума и создания независимого шотландского государства заметную роль играет наличие в Северном море рядом с берегами Шотландии нефтяного шельфа. Сепаратистские тенденции проявляются даже в Германии: богатая Бавария не хочет делиться доходами с остальными немецкими землями.

Растущий национализм европейцев входит в растущее противоречие с иммиграционной политикой Евросоюза, которая привела к образованию мощных исламских анклавов в странах ЕС. Во Франции, например, с ее 65-миллионным населением, по официальным данным, практически каждый десятый житель является мусульманином. Социологи считают, что действительная цифра близка к восьми миллионам.

Сокращается коренное население Германии, зато растёт число иммигрантов. На сегодняшний день в стране проживает 4,3 миллиона мусульман (более пяти процентов населения). Надежды на мирное сосуществование пассионарных последователей пророка и европейских обывателей оказываются все более иллюзорными. Предложенный глобалистами для Европы мультикультурный эксперимент, предполагающий параллельное существование культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития, провалился. Первой решилась на столь неполиткорректное признание Ангела Меркель, затем его сделал премьер Великобритании Дэвид Кэмерон. «Мультикультуризм скорее мертв, чем жив», — хладнокровно констатировал Николя Саркози. Дело в том, что мусульманская диаспора категорически не желает принимать европейские ценности, при этом в ней происходит неуклонная радикализация молодежи.

Известный американский историк и востоковед Бернард Льюис считает, что в ближайшем будущем мусульмане станут доминирующей силой в Европе. Европейцы утратили веру в свою цивилизацию и уверенность в себе, разуверились в своей собственной культуре и капитулировали перед исламом по всему фронту в духе самоуничтожения, политкорректности и мультикультурализма».

«Мания политкорректности уничтожает Европу», — считает и митрополит Иларион (Алфеев), председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, почетный доктор богословия пяти западных университетов. Живший в Оксфорде, Лондоне, Брюсселе, Вене в общей сложности около девяти лет, он имел возможность изучить современную Европу, узнать, чем живут ее жители, и пришел к выводу весьма неутешительному для Старого Света: «Либеральная безбожная идеология, которая стала доминирующей сегодня во многих странах Запада, наносит удар не только по религии — она наносит удар прежде всего по таким основам человеческого существования, как семья и семейные ценности. Ведь к чему приводит пропаганда гомосексуализма? К тому, что создается все больше и больше однополых союзов, претендующих на статус брачных. При этом, само собой разумеется, что от таких союзов не происходит потомства. Разрушение идеала традиционной семьи приводит к тому, что становится очень мало многодетных семей. Сегодня многодетная семья в западной стране так же, как и в России, — это большая редкость. И в основном многодетными являются семьи мусульман, а не семьи христиан или, тем более, безбожников. То есть тот демографический кризис, который охватил сегодня западные государства, — он уже привел к тому, что народонаселение сокращается. И оно будет и дальше сокращаться, если эти либеральные стандарты будут лежать в основе законодательства, будут формировать общественное мнение и будут пропагандироваться через СМИ».

Несмотря на очевидную несовместимость однополых брачных союзов с процессом нормального воспроизводства населения, в большинстве стран Западной Европы — Великобритании, Ирландии, Исландии, Германии, Австрии, Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Франции, Швейцарии, Испании, Андорре, Португалии, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндия, Чехии, Словении, Венгрии, Болгарии, Хорватии — в последние годы были приняты законы в пользу гомосексуальных пар. В Италии представители сексуальных меньшинств могут официально регистрировать свои отношения в Милане, Турине, Неаполе и Палермо.

Библия, как известно, рассматривает содомию как величайший грех, тем не менее Англиканская церковь не только позволяет рукополагать гомосексуалистов в епископы, но и разрешила священникам-геям вступать между собой в однополые браки. При этом в Британии усиливается христианофобия. Дело не только в известных скандалах, когда верующим не разрешили носить на работе нательный крест. Антихристианство в Англии получило идеологическое обоснование в движении так называемых «новых атеистов».

«Новые атеисты» считают религию не просто заблуждением, они обвиняют ее в антигуманизме. «Религия убивает», «Религия опасна для вашего здоровья» — названия глав книги К.Хитченса «Бог не есть любовь», обвиняющего религию в преступлениях против человечности. Вера в Бога, по мнению «новых атеистов», мешает людям жить и рассматривается ими как зло, с которым необходимо активно бороться. В частности, за то, что она «поощряет гомофобию».

Признаком торжества свободы постхристианская Европа сегодня считает не только однополые семьи. К универсальным демократическим ценностям все в большей мере приравнивается усыновление такими семьями детей, то есть фактически право на разращение малолетних. Но поскольку содомиты сами не могут зачать ребенка, его надо у кого-то отобрать. Отбор детей у родителей превращают в распространенную практику; ювенальная юстиция — мощное оружие, разрушающее традиционную семью и ведущее народ к самогеноциду. По данным Совета Европы, в развитых западных странах примерно каждый 10-й ребенок становится жертвой сексуального насилия. В 2008 г. в Норвегии криминальная полиция зарегистрировала 40 тысяч педофилов — примерно 10 процентов взрослого населения страны.

Родиной педофилии называют Голландию. Первые педообшества возникли в Нидерландах в середине прошлого века. В этой стране зарегистрирована партия «Милосердие, свобода и разнообразие», отстаивающая права и свободы педофилов.

Нравственное одичание, происходящее на фоне углубляющегося финансово-экономического кризиса и усиления исламского фактора, ставит Европу перед проблемой выживания. При этом европейские правящие элиты ее как бы не видят, они зашорены на борьбе за права человека, причем защита геев и лесбиянок объявлена передним краем этой борьбы.

Как известно, Барак Обама объявил борьбу за права сексуальных меньшинств за рубежом приоритетом американской внешней политики. Между тем в США однополые браки признаются лишь в девяти из пятидесяти штатов, а в тридцати они

вообще запрещены. Недавние слушания в Верховном суде, состоявшиеся в Вашингтоне, показали, что американская Фемида в этом вопросе не склонна разделять позицию Администрации США. То есть, по существу, Америка сосредоточена главным образом на экспорте революции социальных меньшинств, главным образом в страны Старого Света. Европейская правящая элита привыкла брать под козырек, слушая указания дядюшки Сэма, не считаясь с волей своих народов. Причем это относится не только к демократам, но и представителям левого политического спектра. Премьер-министр Нидерландов демократ Марк Рютте на встрече с Владимиром Путиным девятого апреля беспокоился по поводу положения представителей сексуальных меньшинств в России, а через девять дней президент Франции социалист Франсуа Олланд подверг резкой критике участников многотысячных демонстрации, выступающих против принятия закона, разрешающего однополые браки.

Странное упорство европейских элит, доводящих принцип прав человека до абсурда, за которым идет нравственное разложение, подводит Запад к необратимой черте. Вспомним, что Римская империя, чьей наследницей, по существу, является Западная Европа, погибла, прежде всего, из-за упадка нравов, в результате которого она стала легкой добычей варваров, пришедших с Востока.

После победы над СССР в холодной войне усилия США переключились на Европу, в результате она оказалась ввергнутой в системный кризис. Он уходит глубже экономических, политических и демографических проблем. Сегодня речь идет о кризисе жизнеспособности Старого Света.

Россия стоит на периферии мировой глобальной империи. Но почти тридцатилетний опыт подтверждает, что она в не меньшей мере подвергается давлению сил, провоцирующих нравственное разложение, геноцид народов, финансово-экономические кризисы и распад государственных структур. Как противостоять давлению этих сил?

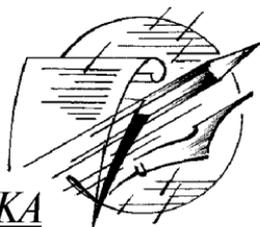
«Не входя в какие-то конфликтные отношения с Западом, не противопоставляя себя искусственно западному миру, — говорит митрополит Иларион, — мы, тем не менее, можем и должны сохранять и развивать свою культурную, национальную и духовную идентичность... Мы будем жизнеспособны ровно настолько, насколько мы будем всерьез воспринимать нравственные заповеди наших религиозных традиций». К этим словам одного из виднейших иерархов Русской Православной Церкви стоит прислушаться.

БЕСПИЛОТНЫЕ «ГОЛУБИ МИРА»

27-летнему американцу Брэндану Брайанту плохо спится. Ночью его терзают кошмары, а днём он испытывает проблемы в общении с окружающими людьми. Ему кажется, что они холодны и безразличны к его беде. Брайант — палач нового времени, оператор беспилотников. На его совести 1626 человеческих жизней. О том, что мы можем противопоставить безудержной кровожадности рассадника демократии и почему это необходимо — ниже.

Палач у монитора

Оператор американского беспилотника — современное олицетворение палача. С той лишь разницей, что он обладает полномочиями самостоятельно выбирать себе жертву и отличается от средневековых коллег чудовишной производительностью. Коротенькая заметка о посттравматическом синдроме американского оператора дронов появилась на днях в местной газете и заставила вновь задуматься о некоторых аспектах войн

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

будущего, которое на самом деле как-то незаметно стало настоящим.

О том, как выбираются цели для ударов БПЛА, рассказывает «The New York Times»: «Примерно раз в неделю более ста сотрудников аппарата национальной безопасности в правительстве совместно, путем засекреченной телеконференции, изучают биографии подозреваемых в терроризме и рекомендуют президенту, кто должен умереть следующим. Он санкционирует все удары в Йемене и Сомали, а также более сложные и рискованные удары в Пакистане».

Сколько людей убивают дроны ежедневно, до конца никому не известно. Охотятся беспилотники за главарями «Аль-Каиды», однако даже в ЦРУ признают, что личности четверти убитых им неизвестны. В отчётах их определяют как «неизвестных экстремистов», хотя никаких доказательств того, что это не мирные жители, конечно, нет.

Известный американский политолог Ноам Хомский в качестве иллюстрации приводит такой пример: «Через два дня после взрывов в Бостоне в Йемене был совершён очередной из многочисленных ударов беспилотников. Мы узнали о нём, потому что молодой человек из деревни, по которой был нанесён удар, несколько дней спустя давал показания Сенату. Согласно его словам, в этой деревне джихадисты годами пытались настроить местных жителей против американцев. Но у них не получалось — ведь об Америке местные жители знали очень мало. Одного удара с беспилотника было достаточно, чтобы вся деревня обратилась против американцев. А это — пара сотен новых людей, которых (если они решат отомстить) назовут «террористами».

У оператора дронов Брайанта была с виду не пыльная работа, внешне ничем не отличающаяся от обычной офисной — он сидел в бункере с кондиционерами, пил кофе и через монитор смотрел глазами беспилотника, решая, кто заслуживает смерти, а кто нет.

Теперь его мучает чувство вины: «Это было в Афганистане, где наше подразделение однажды уничтожило троих человек. Я помню, что парень, который бежал первым, был уже без ноги. Через экран тепловизора я видел, что он истекает кровью, так как кровь — горячая. Потом он упал, и я наблюдал, как исходящего от него тепла становилось всё меньше и меньше, пока он полностью не остыл. Всякий раз, когда я закрываю глаза, эта сцена преследует меня».

Брайант — не исключение. В последнее время о тягостях работы операторов дронов говорят всё чаще. Недавно их даже

приравняли к служащим ВВС, хотя они не рискуют жизнью во время боевых операций, в отличие от лётчиков.

Однако лётчикам в некоторой степени проще — они получают цель, уничтожают её и покидают место удара. Оператор дрона же часами изучает местность, отыскивая на ней подозрительных лиц, в случае обнаружения — уничтожает, а потом нередко продолжает наблюдать за местом.

По открытым данным, в США сейчас трудятся 1300 операторов дронов. В 2008 году их было всего чуть более 300. Президент Барак Обама, лауреат Нобелевской премии мира, стремительно наращивает арсенал беспилотников, делая на них ставку в продвижении демократии по всему миру: «Дроны — хищники. Вы никогда не увидите, как они приближаются, — заявил недавно Обама. — Вы думаете, что я шучу?» Его рвение даже вынудило ООН поднять вопрос о введении моратория на использование БПЛА.

«Американская политика убийств перехлестывает через край. Если бы это были только убийства на войне тех, кто принадлежит к вооруженным силам, тогда бы эти убийства были легальны. Но когда они охотятся и убивают финансистов, врагов или членов семьи врагов, эти люди не должны становиться мишенями. А если стали, то это уже военное преступление», — заявил эксперт ООН Габор Рон.

Защищаясь, американские генералы говорят, что БПЛА — наиболее точное оружие, и что если бы удары наносились, например, артиллерией, невинных жертв было бы куда больше. Вопрос о том, по какому праву США вообще назначают виновных, и кто это право контролирует — остаётся за скобками. Отчего-то считается, что такое право есть у США по умолчанию.

Необходимость ответа

Как ни странно, разговоры в прессе о страданиях операторов дронов играют на руку американским военным. Дело в том, что параллельно идёт дискуссия о замене людей-операторов на искусственный интеллект. Робот будет сам выбирать себе жертву, и таким образом люди снимут с себя ответственность за происходящее. Технически это уже осуществимо.

В прошлом месяцы с палубы американского авианосца впервые в мире стартовал тяжёлый беспилотник X-74B. Аппарат способен нести тонны оружия, поднимается на высоту свыше 12 000 метров, он почти достигает скорости звука и работает в радиусе 4 тыс. км с возможностью дозаправки в

воздухе. Но главная особенность — он полностью автономен. Парень за монитором не нужен для управления им — X-74В сам выполнит всю работу. Есть похожие разработки и у других стран.

Вообще похоже, что процесс уже не остановить. Корпорации вкладывают огромные средства в разработки новых, в том числе автономных беспилотников. Верный признак необратимости процесса — это начало применения военных технологий в гражданских целях. Рынок стремительно наполняется новинками. Уже сейчас за относительно небольшие деньги любой желающий может купить БПЛА, оснащённый хорошей видеокамерой и обладающий неплохими техническими характеристиками.

Таким образом, несмотря на вялые протесты ООН и осторожные предупреждения правозащитников, вероятно, технологии БПЛА будут развиваться стремительно.

Недавно президент Обама объявил, что американские дроны будут уничтожать и граждан США в случае, если они выехали за пределы страны и представляют угрозу национальной безопасности. «Когда американский гражданин едет за границу, чтобы вести войну против США и наши партнёры не могут уничтожить его, прежде чем он совершит зло — тогда его гражданство не может служить препятствием для его уничтожения», — сказал Обама.

В 2011 году Обама санкционировал уничтожение дронами исламского проповедника Анвара Авлаки в Йемене и ещё троих граждан США, якобы представлявших опасность для национальной безопасности. Любопытно то, что сообщения об убийстве Авлаки беспилотниками появлялись в прессе как минимум трижды. Кого там бомбили на самом деле — мы никогда не узнаем.

Учитывая неизбывную тягу американцев к созданию себе врагов и к долгой и упорной борьбе с ними по всему миру, вышеописанные тенденции внушают опасение. Фактически президент Обама имеет право санкционировать уничтожение любого неудобного за пределами США. Если раньше технически сделать это было непросто, то теперь такие возможности есть и они совершенствуются. Да, пока что только в бедных странах без собственных ПВО, но что будет завтра?

Сегодня применение БПЛА больше походит на отработку современных технологий, чем на реальную защиту национальной безопасности. Некоторые страны вообще стали в добровольно-принудительном порядке полигонами для таких испытаний. Например, Пакистан и Йемен регулярно подвергаются налётам БПЛА, несмотря на все протесты, ко-

торые обычно гасятся точечными финансовыми вливаниями от США.

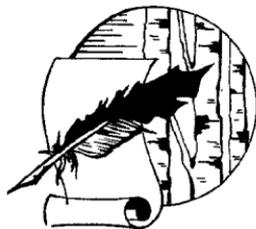
Но дроны — это всего лишь инструмент, железка. Главное — неослабевающее стремление любой власти США запугивать, преследовать, карать и насаждать свои порядки. Кажется, что новые технологии лишь разжигают эти желания. Что этому противопоставить?

Никто в мире пока не нашёл практического ответа на этот вопрос. Искать его определённо придётся нам. Возможно, этот ответ будет лежать вовсе не в военной плоскости (хотя разрабатывать собственный арсенал БПЛА необходимо). Возможно, нам предстоит сделать большее — найти и предложить миру антагоничную американской модели мироустройства, основанную на принципе справедливости. Скажем сразу — задача посложнее производства летающих роботов.

Дроны не появились бы, не будь на них неудовлетворенного спроса. Однако запрос на новую модель развития намного сильнее. В какой-то мере дроны — это всего лишь попытка приглушить требования глобальных социальных и экономических перемен, отгородиться от них залпами управляемых ракет. Эти требования терзают весь мир, выплескиваясь то на площадь Тахрир, то на площадь Таксим, то на улицы уютных европейских городов.

В общем-то другого выбора, кроме как отыскать и предложить миру новую модель, у нас нет. И если мы с этим не справимся, «беспилотные голуби мира» рано или поздно прилетят и к нам.

<http://www.odnako.org>

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Пётр ДЕГТЯРЁВ

НЕИСТОВАЯ ЯСНОСТЬ

Другие наступают сроки.
Сошла потешная листва,
Сняла осенние оброки
Зима с последнего куста.

Нет фальши, суеты, гламура,
И тленьем больше не разит,
Лишь чёрно-белая фактура,
Дорога в ризах льда лежит.

Кругом сугубая опасность,
Но если исто веришь ты,
Влюби неистовую ясность
Суровой зимней чистоты.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег похож на тайну.
Он родился в облаках,
Там, где ангелы летают.
И растает — просто так.

Робкий он, не полновесный,
Но в нём больше сути той —

Светлой, праздничной, небесной —
Скатертью по мостовой.

Площадь, мост — в сиянье белом,
Рядом плещется река,
Отражая чёрным телом
Снеговые облака.

Отражает лёгким паром —
Как, трудясь один за всех,
По-над набережной старой
Паруса поставил снег.

Московская область

Игорь ЛУКЪЯНОВ

* * *

Загубили сельскую речушку,
Сталью перерезав родники.
Уж в который раз на всю катушку
Славно потрудились дураки.
Никого не наказали строго.
Как ни думай о всемирном зле —
Дураков еще на свете много
И все меньше речек на земле.

Воронежская обл.

Алексей НИЗОВЦЕВ

* * *

Пасть шахты. Спустились. Тревожно.
Враждебность базальтовых скал.
Работать во тьме невозможно?
Да кто вам такое сказал!

Здесь нет «надоело» и «поздно»,
Подземных машин круговерть.
Но датчик сигналист, что воздух
Съедает угарная смерть.

— Хозяин, поднимем всех?
— Рано.
А планы, а прибыль? Назад!

И — огненный хохот метана.
Смятенье. Отчаянье. Ад.

РАВНОДУШИЕ

Вот замерзает человек. Не верьте
Своим глазам и жалости своей.
Он только сон, виденье жуткой смерти,
Среди спящих вдоль витрин людей.

Ускорьте шаг, спеша, пройдите мимо
По мостовой, не поднимая глаз.
Как трудно вам, как жизнь неумолима,
Как зло она испытывает вас!

В протяжной мгле земных противоречий
Вы день за днем колотитесь о лёд.
И как спасенье — долгожданный вечер.
Пусть кто-то мерзнет. Ничего — пройдет.

И он уснет, своим страданьям внемля,
Забывшим хламом. Вещь ли, человек?
И только снег, заполаяя землю,
Над стылым телом чуть замедлит бег.

г. Москва

Сергей ИВАНОВ

* * *

Лебедь — белым крылом...
Ворон — чёрным крылом...
Сердце рвут на куски
То любовь, то остуда.
А как вскинешь ружьё —
Ничего над стволом,
То слеза на глазах,
То не видно отсюда.

Но ты соизмеряешь свой настрой
С гудящей этой белою стеной.

...Друг мой, и жизнь лиха,
и смерть лиха!

Но пуше — своеволие стиха,
Который, как метель, в тебе летит,
Летит!..
И ничего не объяснит.

Новгородская обл.

Леонид ЧЕКАЛКИН

ТРЕВОГА

В чистом поле снег клубится.
Видно, ветер низовой.
Безрассудный всадник мчится
С непокрытой головой.

Преисполненный тревоги,
За спиной оставив кров,
Он, не ведая дороги,
Снеговой крошит покров.

И — нахлёстывает плётка,
Оставляя след огня
На боках упругих, потных
Запалённого коня.

Видно, чёрная кручина
Посетила отчий дом.
Вот и веская причина —
Устремиться в ночь верхом.

Скрылся всадник оголтелый,
Пролетел и... позабыт.
Только след остался белый
От стремительных копыт.

Ночь простёрлась от порога
В даль — по улочкам пустым...
Не рассеялась тревога —
Растворился снежный дым.

г. Москва

Владимир ШУГЛЯ

* * *

Жизнь, как российская равнина,
Что далью на восток ушла...
Красна сибирская рябина —
Моя славянская душа.
Переживания, усталость —
Всё позади, как прошлый год.
В них покорённой осталась
Вершина жизненных невзгод.
И потому стихи стекают,
Как капли летнего дождя...
И жизнь, как океан без края,
Рокочет, к свету выводя...

* * *

На землю спустился с небес ореол
В созвездии росном.
Играют мальчишки азартно в футбол
На поле покосном.
Дома у поселка залил небосвод,
Икрытся оконца,
И призраком облачко тает из-под
Палящего солнца.
В поту — не сдаются в игре пацаны,
Сверкают глазёнки...
Как будто и не было этой войны...
А в поле — воронки...

* * *

На моем пути часовня,
И алтарь, и в бликах крест.

Он — маяк небес безмолвный,
Что в лучах зари воскрес.
К ним душой пройду дорогу,
Сбросив мрак ушедший в ночь.
Обращусь с молитвой к Богу,
Вновь стране прошу помочь.
Успокоить ум мятежный,
Раздружить навек с тоской,
Чтоб зацвел надежд подснежник
Зимней скудною порой.
Чтоб согрело небо землю
И вернулись времена,
Где душа, подобно стеблю,
Высью вновь была б пьяна...

г. Минск

Евгений АРТЮХОВ

* * *

Крепок наст, и снег совсем не тонок.
Кошка жмётся около печи.
Но Саврасов выйдет на пригорок,
вскинет кисть, и прилетят грачи.
Небо треснет от горластых песен,
станут почки щёчки надувать...

А Малевич мне не интересен —
сказки нет за словом «малевать».

г. Москва

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ...

Латвийские власти разрешили ветеранам Великой Отечественной войны в День Победы носить советские награды.

Ажиотаж по поводу полного запрета советской и нацистской символики в Латвии по мере приближения 9 Мая 2013 года всё усиливался. С большим интересом следили за развитием сюжета и в соседней Литве: еще бы, ведь там тоже советская символика приравнена к фашистской. Однако до тотального искоренения ненавистных серпа и молота, красного флага и пятиконечной звезды там пока не дошли...

Моя мама живет в Литве с 1944 года, куда её отца — моего деда, потомственного железнодорожника Дмитрия Егоровича Шляхтёнка, — направили из города Новосокольники Великолукской тогда области вслед за фронтом на запад, восстанавливать и обслуживать крупный железнодорожный узел в городе Шяуляй. Умер он в 1984 году в Советском Союзе, не дожив до этой глобальной вакханалии с разрушением страны.

Умер в Литовской советской социалистической республике уважаемым человеком. Доживи он до наших дней,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

не то что награды надеть за свои военные — под бомбежками — труды, но и хранившуюся шинель с форменными пуговицами и эмблемами пришлось бы подальше прятать.

Еще бы, там ведь то звёздочка, то молоток с разводным ключом: чем не советская символика? Тем более нынешнее поколение младоприбалтов имеет весьма отдалённое представление о таких орудиях труда, как молоток, не говоря уж о серпе и молоте, это для них прямо-таки какой-то фашистский инструментарий в борьбе против прогрессивного латышско-эстонско-литовского народа.

Уже двадцать лет я ежегодно навещаю маму и уже почти привыкла к смене «декораций» при пересечении границы. Когда-то самые сильные впечатления вызывала у меня проверка документов и багажа новоявленными пограничниками стран, получивших «свежую» независимость. По этому поводу у меня даже стихотворение давно написано:

*Никто не гнал, никто не звал,
И как сложилось — так сложилось.
Но тот, кто дом свой оставлял,
Где и грустилось, и любилось,
Тот боль мою в своей узнал,
Ну да не всем же Божья милость...*

*Ну, так случилось, что земля,
Где было суждено родиться,
Других своими назвала,
А я — чужая птица.*

*Скупа моя Литва, мала,
Но как тверды границы,
Какие важные дела —
В моих кошёлках рыться...*

Это 1992 год. Потом впечатления менялись. Но душа всегда болела от разлуки с родными, от холода и опустения, постепенно надвигавшихся на бывшую мою малую родину. Почему бывшую? Да потому что ничего от нее не оставалось, от того наивного патриархального края, каким казалась она мне в пору моего детства.

Это сегодня я знаю и о буржуазном прошлом страны, и о лесных братьях, и о советской оккупации, под игом которой якобы стенали бедные прибалты. А тогда, в шестидесятые годы, они мирно жили в своих хуторах, работали на своей земле, говорили на своём языке, приобщались к цивилизации.

Именно тогда в хутора пришло электричество, а в Литву в целом — газ. И не помню, чтобы кто-то сопротивлялся этим бытовым благам, хотя сожалений о том, как хорошо было при президенте буржуазной Литвы Сметоне, хватало и тогда.

Вкусив же благ новой демократической Литвы, думаю, многие завздыхали сейчас о советских временах. Оттого и усиливается там борьба с символами той ненавистой (литовским и иже с ними политикам) эпохи. Да и то лишь потому, что сравнение с ней грозит концом большинству карьер нынешних правителей страны, не знающих, что бы еще такого шумного придумать, чтобы отвлечь народ от истинных причин его сегодняшнего скудного положения.

В Латвии накануне Дня Победы придали срочный статус поправкам к закону о полном запрете использования советской символики, в том числе на праздничных шествиях и гуляниях. Срочный статус был нужен для того, чтобы успеть за короткое время принять закон в трёх чтениях. Чтобы уже 9 Мая ветеранам неповадно было надеть ордена и даже награжденные планки, показаться на людях в военной форме или с красным флажком в руке.

Сторонники закона уже потирали ручки, по радио рассказывали, какие меры будут приниматься к нарушителям: предполагалось, что полиции разрешат или даже вменят в обязанность снимать награды (?) и штрафовать ветеранов, осмелившихся выйти на улицу с орденами и медалями, коих удостоены они были за боевые подвиги, за пролитую на полях сражений за освобождение той же Прибалтики кровь.

В Шяуляе в самом центре города под стенами костела захоронены погибшие в боях с фашистами советские офицеры и солдаты. Они жизни свои отдали за эту чужую им, по сути, землю, которую они спасали для сегодняшних козунников. На памятниках там звёзды. Может, и их снять, а родственников оштрафовать? Самое страшное, что сейчас ни за что нельзя ручаться: даже самые святотатственные, нереальные в силу своей дикости предположения могут стать коньком, козырем для тамошних политиков в борьбе за власть.

Ведь дошли уже до того, что лагерь смерти в латышском Саласпилсе, где погибли десятки тысяч граждан (даже фашисты не додумались называть население оккупированных ими стран негражданами) из Германии, Австрии, Чехословакии, Польши, СССР, в том числе дети, представляют сегодня как трудовой воспитательный лагерь. Чуть ли не пионерский. Впрочем, следуя логике тамошних властей, и пионерский лагерь скоро окажется страшнее концентрационного...

«За этими воротами стонет земля...» — написано над входом в этот ад, о котором с содроганием вспоминали редкие выжившие заключенные, бывшие тогда детьми. Шеф полиции и СС в Прибалтике на суде показывает, что за неполный год только евреев было расстреляно 87 тысяч. Детей же содержали в отдельном бараке, изуверы травили их, выкачивали из них донорскую кровь. Страшно читать об этом. И я со школьных лет помню, как страшно было ходить по той земле, где умерщвляли даже младенцев.

Однако ни свидетельства очевидцев и участников тех трагических событий, ни многотысячные захоронения погибших в лагере взрослых и детей не мешают официальной точке зрения о том, что лагерь имел статус воспитательного учреждения.

Кстати, охрана Саласпилса, вахтенная служба пулеметной башни в центре лагеря и команды, непосредственно проводившие казни, состояли из солдат и офицеров Латышской полиции и Латышского легиона СС, ветераны которого сегодня маршируют со свастикой на рукавах — эта символика вполне устраивает латышские власти.

Но случилось чудо: с разрывом всего в пять голосов статус срочности с закона о запрете публичного использования советской символики был снят, и посему успеть принять закон сразу во втором и третьем чтении до 9 Мая сейму не удалось. Лишь поэтому появились разрешительные установки ветеранам Великой Отечественной войны на ношение в День Победы наград и военной формы.

Конечно, тот факт, что 9 Мая не удастся оскорбить фронтовиков и набрать политических очков, для латвийских националистов стал большой неожиданностью. Но не отменил их радикального отношения к проблеме. Тем более что и умеренные партии в принципе их поддерживают, просто не хотят осложнений в мировом сообществе, где однозначно пока не принято решение уравнивать нацистскую и советскую символику.

Так что в следующий День Победы в Латвии (да и Литва с Эстонией не отстанут) почти наверняка запретят ветеранам носить советские награды. И 9 Мая станет там для оставшихся в живых фронтовиков, их жен, а также для солдатских и офицерских вдов, детей и внуков, всех советских воинов и тружеников ещё одним Днём скорби. Но попробуем не унывать: День Победы никому не отменить, пока живо человечество. А оно живо, пока есть память. А память никаким законом не отменишь...

За шифером забора — шум и гам: соседи выдают дочку замуж. С утра, как обычно у них, бранились, а потом засуетились дружно, в лад — как-никак жених уже у ворот...

Того и гляди без выкупа уведёт девку со двора и будет таков. Ворота поспешили запереть, да покрепче, а пришедшие пораньше самые доверенные гости ещё и подпирали их изнутри. После долгих препирательств, почти всегда угрожающих перейти в серьёзную потасовку между гостями жениха, рвущимися напролом, и гостями невесты, стойко держащими оборону, ворота наконец сдвинулись с мёртвой точки и пропустили жениха, уже готового чуть ли не рукой махнуть на всю эту канитель...

Но на этом испытания для жениха только начинались. Каждый шаг, приближающий его к заветному крыльцу, давался ему большими трудами. То он подбирал с дорожки заранее разбросанные карточки с заданиями и выполнял их, то отвечал на вопросы о любимых блюдах и забавах будущей жены, то по обведенным на картоне ладошкам пытался угадать руку нареченной, а экзамены всё не кончались.

— Лена, я люблю тебя! — кричал он поверх голов мучителей, старавшихся честь по чести соблюсти обряд выкупа невесты, как это принято в наших добровских местах. А когда жених совсем уже вспотел и устал — ему открыли вожделенную дверь, за которой ждала его, затаив дыхание и в глубине души опасаясь за терпение жениха, юная красавица в кружевном белом платье...

Красивая сказка, за которой начнётся печальная быль. Вернее, продолжится. Ибо уже и до свадьбы молодые жили вместе и отношения их давно перестали быть романтическими. Парень, надо отдать ему должное, по нашим временам золото. Главное его достоинство — работающий. Для семьи, в которую он попал, это очень важно. Потому что бабка невесты по старости ни на какую работу не способна, а её сынок, отец Лены, любит больше помозговать да поболтать за бутылочкой, нежели что-то рубить да строгать...

Всю воловьёу работу — в огороде, по хозяйству — тянет сноха старухи Светка: так у нас в деревне принято всех называть. Это, наверное, с крепостных времен, когда у крестьян ни полного имени, ни тем более фамилий с отчествами не было. Впрочем, и сейчас у нас в деревне все знают друг друга не столько по именам и фамилиям, сколько по дворовым прозвищам, закрепившимся за двором невесть когда...

Так вот эта Светка успевает и дом обиходить, и огород в порядке содержать, и стричь, и брить, и стирать людям за дополнительную копейку в семейный кошелек.

Баба жёсткая, грубоватая, она за словом в карман не лезет, и слова эти её слуха не ласкают. С соседями начнёт лаяться — затыкай уши. Однако в семье долгое время словно слегка пришибленная какая-то была: свекровь орёт, муж кричит, дети визжат — а она знай своё тянет лямку и молчит. То ли заступы ей не было, то ли в долгу она себя перед ними считала — взяли-то в дом с «приданным»: сыночком маленьким. Потом она, правда, дочку — Ленку ту самую, которую нынче замуж выдают, — им родила. И понемногу в силу и в раж вошла. И теперь уже свекровь может за пояс заткнуть по части ругани, да и мужа, бают, побивает иногда, особенно когда он запьёт...

Знамо дело, Леночка выросла похожей на родителей и бабушку. А брат ее, Димочка, и вовсе ни за что ни про что сосед-старушку на три буквы пошлёт — и словно так ей и надо. В ее двор — через тот самый заборный шифер — кидает окурки и пустые бутылки, а то и чего похлеще, что бабка со слезами на глазах брезгливо собирает в газетку и выносит в мусорный контейнер...

И вот уже детки выросли, родители в силу вошли, а почти 90-летняя бабка вожжей из рук всё не выпускает. И снохе с сыном и внукам ещё поддаёт жару. Как взъярится на весь двор — слышно на всю округу. Это чтобы, не дай бог, не забывали домочадцы, кто здесь хозяин и главный управитель всего этого добра...

А добра-то — старый купеческий дом, утерявший с годами свою былую осанку и славу, да несколько соток земли под огородом. Гонору больше. С гонором выросла и Ленка, то бишь невеста. Вот из-за этого гонора жизнь молодой пары может не заладиться.

Если девушка говорит своему парню «Отвали!», когда он чем-то ей не угодил, — изменится ли её лексикон, когда она станет его женой? Если ходит она развалясь в ниспадающих — по последней моде — штанах, открывающих даже самые потаенные части ее тела, станет ли она скромнее «во женах»? Если сызмала не привыкла с уважением относиться к родным и близким, будет ли бережна и мудра в отношениях с мужем?

Не знаю, почему этот скромный работающий парнишка, в руках которого всё горит и всё ладится, выбрал именно Леночку. Скорее всего, это любовь. Но хочется верить, что есть еще что-то, на чем скрепится, сдюжит их новорожденная семья.

Тем более свадьба эта заставила по-новому взглянуть на соседскую семью. В какой-то миг перед самым нашествием жениховского племени они все притихли и даже сникли, не напоминая больше бушующий с раннего утра до ночи костёр. Мама невесты, Света, осторожно смахивала то и дело набегающие слезы. Игорь, ее муж, беспрерывно курил, непривычно для него молчал и был явно не в себе. Бабка и вовсе не показывалась из дома. Чувствовалось, что переживают, отдавая свою девчонку в жениховские руки...

Да и гости оказались какими-то вдумчивыми, нешумливыми. После того, как жених оказался в доме, во дворе стало тихо и несуетно. Одни курили, другие вполголоса переговаривались. После бестолкового выкупа невесты все словно успокоились, ходили с необычной сосредоточенностью, даже грустью в лице, преисполнившись важностью момента и одновременным осознанием того, как преходяща и скоротечна эта наша жизнь...

Причем свадьба была явно молодая: даже удивительно, что пожилых людей среди гостей не наблюдалось. Потом поняла: и в селе сейчас сорока-, пятидесятилетние мамы с папами хорошо и модно одеты, подвижны, с удовольствием поют под караоке и танцуют современные танцы.

Это нам не «мотаня» с повизгиванием и битьём каблуков в пол, это рэп и попса, перед которыми все равны. До поры до времени. Поэтому, может, на современных свадьбах старики и не гуляют? Что ж, посмотрим на молодёжь.

Провожать жениха и невесту в новый, с иголки, между прочим, — загс пришли десятка два ребят и девушек, глядя на которых можно только радоваться. Красивые, стройные, серьёзные... С виду и не скажешь, что все они сплошь пьяницы, наркоманы и деграданты, как нас в этом убеждают с экранов телевизоров. А ведь именно такими и хотят видеть наших молодых людей враги России. Мол, уехали из села, спились, сели на иглу, подались в секты и разврат: то же ТВ делает всё, чтобы привить юным нашим гражданам эти пороки. И даже спешат объявить Россию пропавшей, потерявшей своё молодое поколение. Более того, применяют к его «ликвидации» всё новое и новое оружие. Мало им наркотиков и пива, залившего страну.

Однако не все ринулись во все тяжкие, распространяя венерические заболевания и СПИД. Большинство молодых всё-таки живут по обычаям и традициям предков: учатся, работают, женятся, рожают и растят детей. И ходят в церковь — венчаются, крестят ребятишек, освящают свои дома и обращаются к батюшкам за благословением...

Только и осталось, что поменять им веру и ориентацию. То-то сейчас такой ажиотаж вокруг геев, европейские страны как с ума посходили: браки однополые узаконили. Это же просто бред какой-то! Разорвать связь между поколениями, посеять в душах хаос и сумятицу, широко внедрить ювенальные технологии — надо же геям кого-то усыновлять! — сократить и без того невеликую рождаемость: вот они, новые методы борьбы с нашей молодёжью.

Не говоря уж о том, что во всю ивановскую идёт оболванивание нации с разрушением системы образования: ни умные, ни порядочные, ни целеустремлённые русские Западу не нужны. Сами тонут, и нас за собой на дно тянут.

Ан нет, есть ещё порох в наших пороховницах. Подумать только, какой натиск выдерживаем: двадцать лет они нас спаивают, втягивают в наркоманию, закрывают наши школы и больницы, разрушают и закрывают производства, разгоняют деревню, а теперь нацелились и на малые города, поганят нашу природу, вывозят ресурсы, рушат оборону, жгут и взрывают, скупают наши земли и воды, прививают свои веры и понятия, меняют нам пол и возраст — а мы держимся!

Есть ли ещё такой народ в мире, способный противостоять такой глобальной, мировой войне против своей страны? Оттого и думаю: ладно, Светка с Игорем, ругайтесь, миритесь, а уже за то вам спасибо, что пашете и сеете, дом свой и деревню храните, детей вырастили, которые не сомневаются в своей половой принадлежности, знают, кто из них баба, а кто мужик, кому род ваших предков продлевать, детей рожать и на ноги их ставить.

Ладно, Ленка и Димка, даст Бог, поумнеете ещё, разберётесь, кто вам враг, а кто друг. Поймёте, что такое хорошо и что такое плохо. Может, и государство ещё вам в этом поможет, и жизнь поучит, и не будете вы такими недалёкими злыднями, обижающими близких и не очень людей.

Так думала я, глядя на эту свадьбу, и мысленно желала невесте с женихом настоящей крепкой семьи.

Это потом кто-то напьётся, кто-то подерётся, и даже сегодня ночью или под утро за забором обязательно начнется новая-старая свара и выяснение отношений. Однако перед свадьбой они были такими, какими люди предстают разве что перед иконами, в церкви, когда исповедуются и причащаются, когда веруют и надеются...

ТАМ, ГДЕ ЖИВЁТ ЛЮБОВЬ

Еще семь лет назад у этой девушки не было будущего: ей требовалась дорогостоящая операция, оплатить которую у

семьи не хватало денег. Сегодня Галя, слава богу, счастлива и любима, что для нее, впрочем, одно и то же...

Читаю на её странице в «Одноклассниках»: «Быть любимым — это значит быть счастливым...» И на первой странице: 29 лет, живу там, где живёт любовь... А одно время их общающая с мужем страничка так и называлась — «Просто мы любимые»...

Но было время, о такой любви она только мечтала. О надёжном, добром, любящем человеке, мужчине, который будет принимать её такой, какая она есть — со всеми ее болячками, перевязками, лекарствами, со всеми её горестями и проблемами, со всей её одержимостью жить и быть счастливой...

С болезнью ей пришлось познать и предательство, и вероломство. Тем сильнее хотелось ей крепкой мужской поддержки, заботы, внимания... Даже когда вся её жизнь сосредоточилась на уколах и капельницах, она всей душой жаждала любить. Того, кого она еще и не знала, и не ведала, просто чувствовала, верила, что он есть и что он обязательно её найдёт. Может быть, это и придавало ей сил терпеть и надеяться на то, что она обязательно выздоровеет...

Всегда рядом с ней была её мама, Светлана Георгиевна. Место это, «где живёт любовь», — маленький поселок, районный центр. И то, что Галя тяжело больна и ей нужна помощь, скоро стало известно всем.

Они и не скрывали, хотя, конечно, будь возможность, лучше бы молчком преодолевали свои горести. Но возможности не было: за операцию брались только в одной столичной клинике. А она не входила в списки учреждений, с которыми была отлажена оплата со стороны управления здравоохранения. Так называемые квоты были распределены между другими клиниками и медицинскими центрами, где нужные Гале операции не делались.

Помочь взялась районная газета: они разместили портрет своей землячки, остро нуждавшейся в поддержке, и рассказали о ней своим читателям. Потом эстафету подхватила областная газета — и помощь мало-помалу начала поступать. Мы в редакции тоже собрали конвертик, который я повезла Гале в её посёлок...

Бледная, худенькая — одни глаза! — она пластом лежала в постели и... улыбалась. Такой я и запомнила её — милой, обаятельной, но не сдавшейся болезни, которая, тем не менее, измучила, измотала её, сделала беспомощной и уже, казалось бы, не оставляла шанса одолеть её. Но я не предвидела, сколько силы воли и силы духа таится в этой тающей, прозрачной девушке...

Они с мамой отчаянно бились за то, чтобы операция состоялась. В конце концов, всё стало складываться в их пользу: при содействии управления здравоохранения в столичную клинику были-таки перенаправлены финансовые потоки из бюджета, а с общественной помощью мама получила возможность сопровождать дочь на ее путях к выздоровлению, всегда быть рядом с ней.

Но не успевали они разделаться с одними недугами, как на Галю надвигались другие. И все с угрозой для жизни. За три года она перенесла 10 (!) операций, исхудала до крайности: весила 35 килограммов (!). Но когда я по прошествии этих лет навестила её, она не только уже была на ногах, но и только что провела свою первую... выставку!

В местной художественной галерее — да-да, в районном поселке благодаря народному художнику России Николаю Сысоеву, уроженцу этих мест, еще в советское время была создана и существует по сию пору картинная галерея: вот что такое настоящий патриотизм — организовали ей показ рукодельных работ, которые она создала за время своей тяжёлой болезни.

Представить только, операция за операцией, за исход которых никто не ручался, постоянные боли: время, проведенное в больницах, она вспоминает как ад, в котором конца и края не предвиделось этому кошмару..

Но едва очнувшись, девушка берется за ножницы, иглу и из тканей, нитей, атласных лент, подручных материалов изпод её рук выходят настоящие произведения искусства: панно и аппликации, мягкие игрушки и вязаные изделия, композиции и украшения.

Прошло еще несколько лет. И вот Галина сообщает: «Я выхожу замуж!» Честно говоря, за девушку стало страшно. Высокая, худенькая, по-прежнему — одни глаза, она так отчаянно ждала любви и понимания, что могла желаемое принять за действительное. Учитывая её нестабильное, выражаясь медицинским языком, состояние, так не хотелось, чтобы кто-то чужой и бездушный обидел её. Тем более познакомились они в интернете...

Но и предостерегать не посмела: она была так счастлива, так воодушевлена, так не защищена от злых языков и завистников — а такие тоже находились.

Четыре месяца сама шила себе наряды, украшения, цветы. И лучилась от своей любви...

Парень оказался из Коми, где он по-прежнему работает в вахтовом режиме: 10 дней с женой в черноземной глубинке, 18 дней в трудах на выезде. На свадьбе, как она пишет, всё было красиво и необыкновенно. Так же красиво и необыкновенно

живут они и сейчас: в разлуке тоскуют и пишут друг другу, при встречах радуются и стараются всюду быть вместе.

После очередной выставки в местной галерее (где она провела первый в жизни мастер-класс для старшеклассников) Галя пригласили поучаствовать в областном смотре-конкурсе самодеятельного творчества, к которому каждый район готовит свою программу. Люди пляшут, поют, декламируют, показывают произведения своих рук — картины, гончарные, плетеные, шитые и вязаные изделия и так далее.

Галины стенды были самыми яркими, красочными, разнообразными. Нет материала, с которым она не работает, начиная с бумаги и кончая... пластмассовыми вилками, из которых смастерила, например, изящный веер.

Перед выставкой очень волновалась. Тружусь, устаю, но с Божией помощью воплощаю свои идеи, а их много, пишет она в интернете. Вообще-то она очень общительна и открыта, хотя и очень избирательна. Как они с Анатолием нашли друг друга, уму непостижимо. Но ведь нашли!

Не зря говорят, кто что ищет, то и находит. А ещё говорят, что к хорошим людям хорошие и притягиваются. И как же у нас много хороших людей! Анатолия своего она обожает.

— Он удивительный, — восхищается Галя. — И действительно принимает меня такую, какая я есть. Мои болезни, перевязки, уколы — это не раздражает его. Наоборот, он помогает мне держаться, лечиться. Он любит меня, я это чувствую...

Галя очень благодарна ему и всем, кто в своё время поддерживал её: деньгами, молитвами, просто добрым словом. И старается воздать людям той красотой, которую она создаёт.

Непрестанно благодарит она Бога, дающего ей сил и поддержку в суровых испытаниях. И мне нравится такая её записка для своих друзей: «Друзья, вы что у меня, католики??? В православии нет святого Валентина! Не уподобляйтесь Западу!» И впрямь, зачем влюблённым чужой день влюблённых, когда у них для любви есть целая жизнь!

Милая, обаятельная девушка, она недавно проводила своего мужа на работу. А когда он вернётся домой — туда, «где живёт любовь», — они поедут к морю: Галя там ещё ни разу не была. Впрочем, какие её годы. Ведь теперь, и она очень верит в это, у неё есть будущее.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПУШКИНА

Одним Пушкинским праздником в России стало меньше. На родине его бабушки, Марии Алексеевны, в селе Коренёвщине, в первое воскресенье июня было непривычно пусто...

20 лет назад здесь провели первый областной праздник — и казалось, это теперь навсегда. Да, к тому времени там уже прижился школьный Пушкинский день, который отмечали 26 мая: это дата рождения великого нашего поэта по старому стилю. Но он проходил тихо, на территории местной школы, которую возглавляет необыкновенная женщина Нина Бородина.

Это именно она превратила ничем не примечательную сельскую школу в пушкинский заповедник. Конечно, это не Святогорье, которое поэт очень любил и где нашёл своё последнее пристанище. Но это отчая земля, это прародина поэта, подспудно формировавшая — через «баушку» — и его самого, и его язык, и его особое пристрастие к истории своих предков, «к отеческим гробам», «к родному пепелищу»...

Из этого пепелища не так давно Коренёвщину возрождали. Благоустроили улицы села, почистили пушкинский пруд, пронесший свое название сквозь триста лет, «одели» в дерево церковный колодец у старого кладбища, недалеко от которого стояла усадьба Пушкиных, где родилась Мария Алексеевна Пушкина, бабушка поэта, и где в малолетстве топала ножками его будущая мама, Надежда Ганнибал...

А к 200-летию Пушкина в селе — буквально у дороги — появилась памятная стела, у школы — пушкинский бюст работы замечательного липецкого мастера Валентина Челябинина, отливавшего, кстати, и памятную доску Марине Цветаевой в Усмани, и памятник Сергею Есенину в Липецке...

Изменила свой облик и кореневщинская школа: тогдашний генеральный директор мощнейшего и по сию пору Новолипецкого металлургического комбината (может быть, в память об инспекторской поездке Осипа Ганнибала на Липские железодельные заводы, когда он и обрел свою судьбу в лице Марии Пушкиной?) Иван Франценюк отпустил деньги на ремонт здания и увековечение памяти Пушкина в школьных стенах.

Уже давно нет на этом свете Франценюка, а нынешний олигарх, один из богатейших людей России, ставший владельцем «народного» завода, о Пушкине и не помышляет.

Ученики же и преподаватели трогательно берегут обустроенный в те годы пушкинский класс-музей и памятник Пушкину-лицеисту, установленный тогда же в холле школы. Но самое главное, Пушкиным, его словом и духом возродилась и зажила высокой жизнью школа. Там шагу не ступить без того, чтобы не возник Пушкин: в портретах, в образах героев, в рисунках, стихах, даже кажется, что слышен его голос...

И каждый год к дню рождения поэта играется новая премьера: спектакли ставят и играют дети, не без помощи взрос-

лых, конечно. Начинали со сказок — о золотой рыбке, золотом петушке, о попе и работнике его Балде...

В последние годы это уже «Метель», «Каменный гость», «Цыганы». В этом году одолели «Пиковую даму». Ну, это надо было видеть...

Костюмы, музыка, техническое оформление — всё высший класс. А сколько чувства, сколько страсти! Когда Лиза просила прощения у Бога за своё невольное содействие преступлению Германна, многие прослезились.

И это школьный праздник без всякого статуса, в чем постоянно упрекают директора школы! То ли дело — официальный, со статусом и размахом, областной праздник. Только мало-помалу это широкое торжество — с артистами филармонии, с детьми-победителями всевозможных литературных конкурсов, многочисленными гостями — тоже перекочевало к школе. Благо места там много, пейзажи живописные, и дом культуры рядом: если дождь, всегда можно укрыться и продолжить праздник.

Ещё когда праздник проводился на поляне, приезжали высокие — читай: из Москвы — гости. Помню Станислава Золотцева, Татьяну Смертину. А не так давно побывали в Коренёвщине и человек сто писателей, сделавших честь Липецку проведением в нём Дней российской литературы.

Ну а потом все праздники обходились своими писательскими силами. Как бы то ни было, люди приезжали из других районов и даже областей.

Особой любовью здесь пользовались местные Арины в старинных народных костюмах: поневах, вышитых кофтах, с «монистами» на шеях и цветастыми платками на головах, завязанных не просто, а на так называемые кички. Но дело было даже не в том, как они были одеты, а в том, как они пели.

У липецкого, теперь уже покойного, поэта Владислава Зорина есть стихотворение, которое так и называется: «Кореневские Родионовны». Там строки песен уже запечатлены навсегда, а снимать на видеокамеру тогда ещё не умели, да и не имели их. Поэтому эти бабки (любя их так здесь называют) остались только в памяти, с их тягучими напевами, самобытной интонацией, народными словами, доставшимися им в наследство от своих матерей и бабушек.

Оторопь брала от осознания того, что предки Пушкина триста лет назад тоже слышали эти песни! Сегодня их поет выпускница местной школы, нынче заведующая Домом культуры: молодая девушка в национальном одеянии. Не в поневе, не Родионовна, но всё ж...

И вот всему этому пушкинскому здесь, в Коренёвщине, приходит конец. Очень символично его приближение ознаменовала постановка ребятами именно «Пиковой дамы».

Взять хотя бы такую сцену. Старая графиня Анна Федотовна просит своего племянника: «...пришли мне какой-нибудь новый роман, только, пожалуйста, не из нынешних...» И далее: «...то есть, такой роман, где бы герой не давил ни отца, ни матери, и где бы не было утопленных тел...»

Ну, буквально сегодняшний день, с его «продвинутой» — где давят, и топят, и режут, и стреляют — литературой. Столбовая дорога ей прокладывается и в день завтрашний, иначе бы разве отменили Пушкина здесь, где он живёт самым естественным — на земле предков — образом?

С какой же лёгкостью наши чиновники и власти предержавшие сметают то, что кропотливо и ответственно возводили жившие до них поколения, люди, стремящиеся сберечь или вернуть потомкам высшие достижения нашей русской культуры.

Ну что вам дался Пушкин на этом крохотном кусочке земли, где всё им дышит и поёт! Неужели трудно раз в год организовать сюда автобус и привезти народ из Липецка: остальные добираются сами. Никакой особой программы и шумихи не нужно. Дети сами замечательно читают стихи, поют, играют. Да и желающие выступить на таком празднике всегда находятся.

Однако было принято решение в этом году праздник в Коренёвщине не проводить. Сообщили в район об этом буквально накануне выходных. Без объяснений, втихаря, приняли решение — и всё тут. А Пушкинский день прошел в городе, в областном драматическом театре: цивилизно и без лишних хлопот.

И скучно, и грустно, но и это ещё не самое худшее. Отмена праздника сама по себе не трагедия. Люди всё равно будут сюда приезжать — и Нина Ивановна, весь коллектив школы намерены их принимать, проводить экскурсии, читать стихи и играть спектакли. И 2, и 6 июня, и в любой другой день, когда здесь окажется гость к Пушкину.

Так было, к примеру, в 2004 году, случае приведшему сюда председателя Союза художников России Валентина Сидорова. Посетив Коренёвщину, он был так потрясён той большой любовью и работой во славу Пушкина, которую увидел, что его стараниями школу наградили золотой Пушкинской медалью. Это единственная сельская школа в стране, обладающая такой наградой.

Но это не уберёжёт её от... оптимизации. Да, такой дальний прицел — отмена праздника — говорит о многом. К шко-

ле уже подступались с тем, чтобы сделать её филиалом, снизить уровень образования, лишиться имени, а затем и вовсе закрыть её. С отменой областного праздника на её территории одним важным аргументом в пользу её сохранения становится меньше.

А что Пушкин?! — недоумевают чиновницы местного масштаба. Школа невыгодна. Будем возить детей в соседнее село. Музей перенесём (!?). Бюст тоже.

Так, может, и Коренёвщину перенесём. Подумаешь, бабушка здесь родилась, мама бегала. Оптимизация же.

Однако почему такие жизненно важные для нашей культуры вопросы решаются кулуарно? Или мы не хозяева на своей земле? Или мы ничего на ней не значим? Принято решение. Кем? Почему? Никто не удосуживается объяснить. А ведь такая пушкинская школа — одна не только на всю область, но и на всю Россию. Национальное достояние, можно сказать.

Можно ли без ущерба для 70 учеников, в том числе и тех, которые из дальних сел умудрялись, никому не говоря, ходить пешком на репетиции, для жителей района и области, России, наконец, закрыть эту малокомплектную по всем нормам, но такую удивительную школу? Как при этом по уму распорядиться уникальным музеем, памятниками и скульптурами, театром, коллективом, самим пушкинским словом и духом, наконец, которым здесь всё живет и полнится?

Все вроде бы сходятся в одном: кощунственно оптимизировать Пушкина. Поддержала это мнение и начальник отдела образования Добровского района Светлана Ярцева. И глава района школу отстаивает. А караван тем временем идёт: вот и праздник уже отменили...

Даже Путин им не указ. Он же сказал на совещании по итогам исполнения его прошлгодних указов: хочу предостеречь от механистических непродуманных решений. Это в первую очередь касается судьбы сельских малокомплектных школ. Куда там. Видимо, есть люди, которые свои решения продумывают очень хорошо. Оттого и никакие предостережения их не касаются.

ШКОЛЬНЫЕ ТЕТРАДКИ

Когда-то тут шумела жизнь, ребятишки бегали по улицам от двора к двору, играли в лапту и прятки, в войну и в дочки-матери...

Дорога от Чаплыгина до села Урусова, где покоится прах одной из первых поэтесс России Анны Буниной, пуста и спо-

койна: по обе стороны луга и пышные заросли сирени, акации... Летом ехать по этой дороге одно удовольствие — ни тебе прохожего, ни кошки с собакой, тишь да гладь.

Правда, не скажешь, что это Божья благодать. Скорее людское упущение, доведшее близлежащие деревеньки если не до полного уничтожения, то до крайнего одичания. Сколько столетий их население росло и росло, а ныне от многих остались только названия.

— Вон там была деревня Подосинки... а там Семеновка... Там стоял барский дом... а там был пруд, где рыба ловилась как нигде... — рассказывает старожил этих мест.

Нынче не перевёлся народ разве что в Урусове, где проживают более 200 человек и где недавно восстановили впечатляющий Никольский храм. В Притыкино осталось 46 жителей, в Рязанке — с уникальным музеем-усадьбой П.П. Семёнова-Тян-Шанского — 22. В Свиридовке — 18, в Денисовке — 10, в Каревке — один...

Оттого и пустынно на дороге. Однако любопытно, что же там сейчас, в этих зарослях обочь: неужто и следа нет от былой жизни? Сворачиваем с пути и едем по целине, потом идём пешком — и вот они, остовы старых строений...

Жалко и обидно от вида этих развалин. Одичавшие садовые деревья и кустарники осеняют бывшие усадьбы строгим молчанием. Становится грустно, как на похоронах. Однако когда еще выпадет случай побродить по вымершей деревне, заглянуть в пустые полуразвалившиеся дома, посмотреть, как жили люди несколько десятков лет назад...

И мы идем — трава по пояс, а крапива по плечо. Пробираемся через бурьян, рухнувшие кольца заборов и оград. Чего ищем? И сами не знаем. Просто смотрим, вспоминаем и запоминаем. А фотокор Ольга Белякова запечатлевает эту уходящую жизнь с азартом охотника, строча из своей камеры, как из автомата долгими прерывистыми очередями.

И вот она с победным видом выбирается из одной развалюхи, куда не каждый рискнет войти. В руках у нее несколько старых тетрадей, и по всему видно, что она довольна: вот это трофей!

— Там много, — успокаивает она меня, явно не желая делиться.

Ныряю под «своды» развалин и я. Тетрадей действительно много. Наугад беру несколько штук — и уже на пути в машине зачитываемся ими: не оторваться. И впрямь, редкая удача получить эти письма из далека, отстоящего от нас почти на полвека в глубине времён.

В моем «арсенале» оказались тетради для творческих (!) работ учеников 7 класса Топильской школы середины 70-х

годов, несколько тетрадок с контрольными работами, тоже семиклассников, 1965 года и с домашними заданиями по русскому языку пятиклассника Анатолия Костикова 1967 года.

Сразу замечу: Топиллы (или Топилы) — это деревня и станция Милославского района Рязанщины, который граничит с Чаплыгинским районом нашей области. Честно говоря, географическую принадлежность самого дома выяснить не удалось. Решили, что дом находится всё-таки в нашей области, а жила в нем учительница, которая работала когда-то в близлежащей Топильской школе. Впрочем, особого значения это для нашего знакомства с весточками из прошлого не имеет.

Тетрадки серенькие, невзрачные. И не только от времени: главным тогда было не внешнее, а внутреннее. Это сейчас супермены и монстры на обложках, а тогда на них размещали портреты великих русских писателей — не захочешь, да запомнишь Чехова, Горького, Добролюбова, Белинского.

На одной из тетрадок — лозунг: «Лес — друг человека, окружите его любовью и заботой!». И самое интересное, что и любили, и заботились. Сегодня пройдите по лесу: следы человеческой «заботы» на каждом шагу — мусор, бутылки, пакеты.

В том числе и потому, что — свобода: с детства не научили молодых ответственности за свои поступки и поведение. Слишком назидательно? Нравоучительно? А как же иначе мы хотим воспитать грамотного цивилизованного человека? Ах, и не хотим, главное — соблюсти права и свободы ребенка? Ну, тогда будем пожинать плоды...

Обращает на себя внимание и каллиграфия: дети пятых, седьмых классов писали чисто, достаточно грамотно и понятно. Даже не верится, что это деревенские ребятишки 10—12 лет. И учитель строг: за несколько неправильно поставленных запятых в иных тетрадках под вполне сносными работами стоят тройки, двойки и даже колы!

Теперь о том, что писали дети шестидесятых и даже семидесятых годов. Конечно, сочинения. А также изложения и диктанты. Темы? Вышеупомянутый пятиклассник Толик еще перьевой ручкой при изучении склонений старательно выводит: «*Москва — всем народам мать*», «*За родной край ты и жизнь отдай*», «*Наше слово гордое «товарищ» нам дороже всех красивых слов*»...

И пусть под иными работами школьника стоят суровые оценки, он наверняка не только учился писать грамотно, но и впитывал в себя эти вечные истины, которые выводил в

этой случайно сохранившейся тетрадке. Потомки назовут его совком и будут цинично смеяться и над Родиной и над «товарищами», возомнив себя господами. Жизнь покажет, кто есть кто...

А я уверена: из этих топильских и многих других детей нашего поколения получились хорошие люди, потому что в школе старались привить им нравственность и порядочность, а не стукачество на родителей и умение наживаться за чужой счет несмотря ни на что.

Отменив экзамен по сочинению, мы отменили потребность думать и чувствовать. А семиклассники 60-х даже диктанты и изложения писали вдумчиво и трогательно.

Вот диктант про Марийку-партизанку. Вот изложение про югославку, похоронившую советского солдата, испытывающую настоящие материнские чувства к незнакомому убитому фашистами русскому пареньку. Можно было потом этих детей обмануть, внушить им дезинформацию о Великой Отечественной войне? Войне, вскоре после которой они появились на свет, о которой их родители еще очень хорошо помнили и знали, а то и прошли через её горнило...

Самое же ценное в этих тетрадях, что всё в них дети писали сами, а не «скачивали» с интернет-сайтов, не «слизывали» из всевозможных «собраний» на разнообразные темы. Вот сочинение по картине Перова «Чаепитие в Мытищах»: *«Лицо его солидное. Глаза заплыли жиром. Пухлыми руками он держит чашку с чаем...»* Отношение к герою картины — заевшему монаху: и такое бывало — выражено чистосердечно и колоритно, а не политкорректно.

Ещё одно сочинение — «Экскурсия в природу». И чего только не знали об этой самой природе сельские дети! *«Снег в поле уже почти сошел. Лишь кое-где оставались клочки осевшего почерневшего снега... Колхозники вывезли в поле навоз (!), чтобы лучше был урожай. В одном месте мы увидели, как озимые всходы робко пробиваются на свет...»*

И даже в сочинении на идеологически обусловленную тему — «Что я знаю о Ленине» — дети умудрялись выразить себя, свое понимание истории: *«В 1917 году народ сверг царя. Заводы, шахты, фабрики, рудники перешли в руки рабочих и крестьян. Из-за границы приехал Ленин. Горячо и сердечно встречал народ вождя...» (!)*

А вот сочинение фантазёра Жени Гришина: *«24 октября Ленин с утра стал волноваться. Он думал: «Решительно ли действуют товарищи?» И без парика гулял по коридору... У него было два пропуска в Смольный, где засели меньшевики. Ленин быстро замаскировался под рабочего, и они пошли в Смоль-*

ный... Но меньшевики сменили цвет пропусков с белого на красный — и их не пропустили... Однако Ленин смеивался в усы: «Наша везде возьмёт!»

Один из ребят пишет: «7 ноября 1965 годы мы будем праздновать 48-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Если бы Ленин встал, то он бы увидел, как далеко шагнула наша страна...» Да, шагнули так шагнули...

В середине 70-х дети всё ещё пишут сами — в силу тогдашних своих знаний и представлений о мире и стране. Изложения «Яблонька Гайдара», «Спасение детей» (вновь о Великой Отечественной войне, нашем героическом танкисте, который во время наступления вынес из огня немецких ребятшек). Сочинение на свободную тему «Я хочу вам рассказать о себе»...

«Жизнь моя еще короткая, но я помню день, когда впервые пришел в школу, — пишет семиклассник Володя Митрохин. — Мы вошли в класс, я ничего не знал... Но постепенно мы стали учиться писать буквы, читать по букварю. Сначала я читал плохо. Потом стал читать лучше...»

И не только читать: из мальчишки, который так художественно описывал свои «личные наблюдения» в осеннем лесу, вполне мог вырасти если не писатель, то журналист: «...Было тихо. Деревья стояли голые. Только на дубах висели сухие листья. Много сухих листьев падало и на землю. Под ними пряталась травка. Птиц в лесу не было: они улетели в тёплые края. Только кое-где пролетала ворона или сорока. Деревья мрачно качались от ветра...»

Но о судьбах этих ребят, их учительницы, которая зачем-то хранила дома тетради, пережившие саму владелицу этих богатств, остается только догадываться. Интересно было бы дожидаться откликов кого-нибудь из авторов. Хотя вряд ли. Они ушли в прошлое безвозвратно. Воистину:

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена...*

ХИТРОМУДРЫЕ...

В последнее время из исламской среды все чаще исходят весьма странные предложения, адресованные России и русскому народу. В прошлом году, например, один авторитетный московский муфтий предложил внести в наш российский герб наряду с православным крестом еще и мусульманский полумесяц. Тогда его очень резко одернул другой авторитетный муфтий из Казани, который совершенно справедливо предположил, что идея московского муфтия может спровоцировать и обострить конфликт между православными, русскими и мусульманами.

Насколько искренен был казанский муфтий, не знаю, возможно, он одернул ретивого московского муфтия лишь потому, что считал его предложение преждевременным, поскольку русский плод ещё не созрел. Но, судя по всему, есть основания полагать, что недоброкачественный процесс созревания русского плода продолжается весьма интенсивно. Достаточно вспомнить, что со времен краха СССР количество носителей русского языка во всем мире сократилось на 50 миллионов человек. Я уже не гово-

РУССКИЙ ВОПРОС

рю о чудовищном падении рождаемости русского народа. И что будет с Россией и русским народом, если падение рождаемости русских и соответственно сокращение природных носителей русского языка опустится ниже критической отметки? И вот опять поступают «дружеские» предложения от авторитетных исламских лидеров. Буквально несколько дней назад глава Совета улемов Российской ассоциации исламского согласия (РАИС) муфтий Фарид-хазрат Салман предложил создать так называемую «Русскую республику». Приведу с некоторыми сокращениями его высказывания:

«Непонятно, почему у русского народа в системе Российской Федерации до сих пор нет своего национального административного очага. Если вспомнить историю Московской, Киевской Руси, то географически эти области существуют по сей день — та же Владимирская, Московская область. В границах этой исторической Руси можно создать национальный очаг русского народа. На сегодня русская культура, литература, русское искусство подвергаются глобализации, и в результате мы получаем русский язык, который всем понятен, но в нем через каждое слово — иностранщина. Это звучит и выглядит вроде как русское, а на самом деле какая-то абракадабра... Необходимо для русского народа в системе федерации воссоздать такую историческую географическую государственность как основной субъект (...) Вот я — татарин, у нас есть Татарстан, есть другие национальные республики, остался обделенным только русский народ...»

По существу, перед нами проект окончательного уничтожения остатков российской державности и пресечения всех попыток русских восстановить свою империю. Но все это изложено под видом сочувствия к России и русскому народу. Давненько я не читал такого издевательского текста и не сталкивался с таким вежливым хамством. Изображая из себя наивного человека, господин Фарид-хазрат Салман вопрошает: «Непонятно, почему у русского народа в системе Российской Федерации до сих пор нет своего национального административного очага». А что тут непонятного, уважаемый Фарид-хазрат? Для вас Россия — система Российской Федерации, а для нас Россия — это мать, вся целиком, и мы ее на части делить не собираемся. Вся Россия — это наша русская родная земля. Поэтому у нас, русских, господин муфтий, не может быть в России кого-то определенного, отдельного места. Вы хотите загнать нас в гетто, но мы этого не хотим. Понятно?! И не позволим этому свершиться.

Обращает на себя внимание в тексте муфтия нарочитое игнорирование имперской истории России. Он вспоминает

лишь Московскую и Киевскую Русь и предлагает именно в границах Владимирской и Московской областей создать национальный очаг русского народа. Как же муфтий боится восстановления русской державности! Но особенно «трогательна» забота господина Фарида-хазрата Салмана о русском языке. Он считает, что русская культура и особенно русский язык страдают от глобализации, поэтому надо поместить русских в особую «русскую республику», то есть в гетто, и тогда русский язык засияет во всей своей первозданной красоте. По существу, хитромудрый муфтий хочет, чтобы великий русский язык превратился в местечковое наречие, а вселенский русский мир скукожился бы до размеров его любимого Татарстана. И вот тогда как раз к нам и придут натовские ребята, в составе которых обретается немало сородичей и единоверцев хитромудрого муфтия, и зачистят окончательно русскую республику, расположенную во Владимирской и Московской областях. Отрубят Гулливеру руки и ноги, оставив только голову, чтобы он мог глупо и беспомощно улыбаться, но вскоре пронзят ритуальным мечом и её. И исполнится потаенная мечта разнообразных врагов нашего отечества: Россия без русских.

И, конечно, в этой связи необходимо подчеркнуть, что текст господина Фарида-хазрата Салмана является, по существу, антиправославным и направлен против Русской Православной Церкви, как бы муфтий ни пытался это скрывать. Для нашей Матери-Церкви Россия едина и неделима, а Святая Русь, как подчеркивает наш Святейший Патриарх Кирилл, вообще не имеет границ. Православный русский народ — вселенский. Русский язык — вселенский. Именно вселенский характер православной веры и русского народа определяет вселенские задачи, которые ставит перед собой Русская Православная Церковь. Россия жива до тех пор, пока она сохраняет свою вселенскую миссию. А нам некоторые юго-восточные лидеры предлагают переселяться в Московскую область и готовить себе гробы и белые тапочки.

Для нас, русских патриотов, Россия всегда империя, в которой не ущемляются ничьи этнические интересы, но в которой главным хозяином и установителем правил жизни является русский народ, доказавший всей своей многовековой историей, что он самый справедливый народ в мире.

P.S. А уважаемому Фариду-хазрату Салману, в свою очередь, тоже хочу дать совет: вместо того, чтобы учить русских, как им жить в собственном доме, поучили бы лучше свою исламскую молодежь, как им следует вести себя в русском доме.

Русская народная линия

О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ РУССКОГО НАРОДА

Нам все время внушают: самое страшное — это гражданская война. А самое последнее и страшное — тихая покорная смерть народа.

И.Р. Шафаревич

Русский народ вымирает. Русских рождений на сотни тысяч в год меньше, чем смертей. Процесс умирания идет тихо и покорно. Причина такого русского вымирания — чрезмерная демографическая эксплуатация русского народа в течение нескольких веков. Ряд читателей, возможно, усомнится в правоте этого утверждения. Так что для ясности понимания конкретизирую понятия.

Демографическая эксплуатация — это использование правителями страны демографического потенциала народа во вред демографическому благополучию самого народа. Понятно, что правление любой страны — это эксплуатация народа. Но в нашей стране гордыня амбициозности правителей Кремля и утопичности их «прожектов» довела государствообразующий русский народ до состояния умирания. Причем демографическая эксплуатация государствообразующего народа проводится так же, как в Африке начала XX века истреблялись не хищные звери, а мирные и покорные слоны. Динамика такова: если демографическую эксплуатацию не остановить, то к 2050 году численность русских сократится до 75 млн. Причем больше половины из них будут люди старше 60 лет. Эту ужасающую **правду** демографической эксплуатации русского народа в речах политиков и трактатах ученых России не найти.

Реальную правду следует искать в переписях. В них есть численные свидетельства о людях страны, которые осозна-

вали себя русскими. Первая перепись, по которой можно оценить численность русских, была проведена в 1646 году. Ее цель — определить число земледельцев, которых можно было бы обложить налогами, «податями». Малороссы и белорусы тогда еще были под властью Польши. Остальные народы подати в казну не платили, а присылали «ясак» Русскому Царю. Их и переписывали при переписях как «ясашные люди». Так что 1646 год — это начальная координата динамики численности русских людей — около 6 млн. чел. Из них 7% были «неподатные».

Затем в Царской России было более дюжины переписей. Ликвидация в 1917 году Царства Романовых и Великая Отечественная война 1941—1945 гг. изменяли границы СССР. Но это на динамику численности русских повлияло мало. Ведь более 95% всех русских жило в границах СССР. И по всем переписям СССР точно известно число людей, осознававших свою принадлежность к русскому народу. В 1991 году СССР «развалили» на 15 государств. Демографические процессы русских, оказавшихся «за границей», те же, что и русских в РФ. Поэтому к численности русских в РФ по переписям 2002 и 2010 годов можно добавить поправку на тех, кто «за границей». В итоге по ключевым переписям четырех веков получаем ряд численности русских (великороссов).

В этом ряду численности следует выделить четыре периода. Первый период: с 1640-х по 1850-е годы — период крепостного права. Второй период: с 1860-х по 1910-е годы — период Царской России после отмены крепостного права. Третий период: с 1920-х по 1980-е годы — период власти Коммунистической партии. Четвертый период, с 1990-х до настоящего времени — период нынешней власти либералов Кремля.

В 1649 году было узаконено крепостное право. Абсолютное большинство русских людей оказалось в крепостной зависимости. Но не все. Духовенство, дворянство и служилые люди были «неподатные». В следующих переписях рассмотрим только «податных» русских людей (великороссов), которых разделим на две группы. Одна группа — «крепостные холопы». Жизнедеятельность их семей зависела от «барина», который руководствовался крепостным правом. Вторая группа — «вольные люди». Они платили «подати», но были вне крепостного права. Жизнедеятельность их семей зависела от способности жить самостоятельным хозяйством.

Осознать влияние крепостной зависимости на демографическую эксплуатацию можно по цифрам переписи. По переписи 1678 года из 7,6 млн. русских «податных» людей «крепостных» было 6,3 млн., т.е 83%, а «вольных» — 1,3 млн.,

т.е. 17%. По переписи 1857 г., то есть к концу «крепостного права», из 31,3 млн. русских «податных» людей «крепостных» было 14 млн. — 45%, а «вольных» 17,3 млн. — 55%. То есть за период крепостного права численность «крепостных» увеличилась лишь в два раза, а «вольных» — в **тринадцать** раз. Так что использование крепостного права для управления Россией — было демографической эксплуатацией той части русского народа, который был «в крепости». А вот демографической эксплуатации «податных» русских «вольных людей» — фактически не было.

После 1861 года господство «крепостного права» прекратилось. Вчерашние «крепостные холопы» стали «вольными людьми». На этом втором периоде темп прироста численности русских (великороссов) резко увеличился. Но это не значит, что на втором периоде демографическая эксплуатация русского народа прекратилась. Ведь в Царской России существовала и другая сторона демографической эксплуатации русского народа. Осознать ее суть можно по цифрам переписей служилой «надстройки».

По переписи 1678 года в России было 120 тыс. дворян. В среднем на одного «барина» работало около 50 русских «крепостных холопов». По переписи 1857 года, численность дворян в России увеличилась до 900 тыс. — в **восемь** раз. Так что на одного «барина» приходилось — всего лишь около 15 душ русских «крепостных холопов». Ясно, что полтора десятка русских «крепостных холопов», при самой беспощадной эксплуатации, не могли обеспечить постоянно растущие запросы «барина». Крепостная Россия была обречена.

Но отмена крепостного права не отменила вторую сторону демографической эксплуатации русского народа. Ведь численность служилых людей росла в геометрической прогрессии не только за счет численности родовитых русских дворян, но и за счет привлечения на службу знати народов присоединенных земель. К началу XX века служилая «надстройка» Царской России наполовину состояла из немецких баронов, польских шляхтичей, тюркских мурз и кавказских князьков. Нравится — не нравится, но это была демографическая эксплуатация русского народа во вред русскому будущему.

В смуте 1917 года власть перешла к Коммунистической партии. Этот третий период характерен тем, что темп прироста численности русских резко сократился. К 1970-м русских стало в **полтора** раза меньше, чем следовало ожидать по тренду периода 1860—1910-х. Так что можно утверждать: в годы власти Коммунистической партии демографическая эксплуатация русского народа усилилась. Тут многие читатели

могут возразить: как так усилилась?! Ведь численность русских увеличивалась вплоть до развала СССР!..

Но демографическое благополучие зависит не от общей численности народа, а от численности детей, вырастающих до активного возраста. В каждом последующем поколении уменьшения не должно быть. Тут читатели могут заявить: в демографии такого показателя нет. Но то, что в официальной демографии такого показателя нет — это не значит, что его нет вообще.

По совокупности всех регионов, где русских более 90%, можно оценить реальную динамику численности всех русских растущих детей, рожденных в нашей стране на интервале 20 лет до данной переписи. Прodelав это по всем переписям XX века, добавив данные ежегодной статистики рождений последних десятилетий, получим динамику численности русских детей.

Динамика численности растущих детей — это демографический потенциал, то есть тот численный параметр, который из поколения в поколение характеризует будущее развитие. «Сдвинув» эту динамику на 20 лет вперед, увидим численность русских женщин, которые через 20 лет вступят в детородный возраст, и мужчин, подросших для самостоятельной жизнедеятельности. Так что динамика численности растущих детей — это самый главный, ключевой параметр. Именно он характеризует демографическое благополучие народа. Если динамика падает — это свидетельство чрезмерной демографической эксплуатации народа. Если из поколения в поколение динамика будет падать — это неминуемо ведет к вымиранию народа.

Динамика численности русских растущих детей показывает, как с 1920-х годов из поколения в поколение ухудшалось демографическое благополучие русского народа. «Строительство коммунизма» отразилось на динамике численности русских растущих детей так: рожденных в 1926 году — 2,9 млн. Рожденных в 1954 году — 2,4 млн. Рожденных в 1989 году — 1,6 млн. Это уменьшение численности русских растущих детей почти в два раза — свидетельство чрезмерной демографической эксплуатации русского народа во время правления Коммунистической партии.

Провалы в гистограммах первой половины XX века — это следствие катаклизмов, при которых не родились или погибли русские дети. Провал 1910-х — следствие двух катаклизмов: германской войны, начавшейся в 1914 году, и смуты 1917 года. Провал 1930-х — следствие раскулачивания крестьян, ликвидации хозяйственной самостоятельности и самодетельности русских, еще недавно «вольных людей». В городе

их «привязали» к станку общественного производства, на селе — к колхозу. Провал 1940-х — влияние Великой Отечественной войны. Провалы 1910-х, 1930-х и 1940-х ликвидировались очень быстро. Воля к жизни в русском народе в те годы была еще очень сильна. И могла сопротивляться демографической эксплуатации русского народа. После каждого провала русский демографический потенциал восстанавливался или почти восстанавливался.

А вот во второй половине правления Коммунистической партии, после 1950-х, русский народ уже не смог сопротивляться чрезмерной демографической эксплуатации. И демографический потенциал не восстановился даже за три десятилетия. Почувствуйте разницу. В 1920-х, 1930-х и 1940-х восстановление происходило за три-четыре года. У обвала 1960-х совсем иные причины — социальные удары.

Первый удар — отмена запрета аборт и разрушение морали института русской семьи, которая не допускала разводов и аборт. Коммунистический Кремль в обязательном порядке вовлекал женщин в общественное производство. Но любовь и Законы Природы не отменить. Так что и «производственники» беременели. При этом даже короткие декретные отпуска по беременности приводили к потере до 15% «трудресурсов» русских женщин. Так что в отмене запрета аборт был определенный «экономический» смысл. Конечно, открыто Кремль об этом не говорил.

К чему привело такое разрушение морали?.. 1964 год: русских рождений — 1,5 млн., а вот аборт русскими женщинами сделано — 5 млн. То есть на одного рожденного русского ребенка троих-четверых вырезали в утробе их матерей. За 1965—1985 гг. русскими женщинами сделано около 90 млн. аборт!.. Но если зародившийся ребенок не родился, то он и не вырастет.

Второй удар — ликвидация «неперспективных деревень». По заверениям «экономистов», это давало огромную экономию средств. В результате к 1970 году в областях, где русские составляли более 90% жителей, были ликвидированы 235 тыс. деревень. И доля сельских рождений в этих областях упала в 3—5 раз. Эти два удара нанесли роковую рану русской воле к жизни. Это ясно видно по существенному отличию динамики численности русских растущих детей 1970—1980-х от динамики 1910—1940-х. Обвал 1960-х русский народ ликвидировать не смог. Воля к жизни в русском народе была разрушена.

В демографической эксплуатации русского народа правительствами Коммунистической партии следует упомянуть еще два фактора. Первый фактор — это «дружба народов». Полити-

ка Коммунистической партии состояла в том, что русский «старший брат» обязан развивать «младших братьев» Кавказа, Средней Азии, Севера и Востока. Напомню, за 1960—1980 годы численность русских растущих детей уменьшилась в **полтора** раза. При этом численность растущих детей Кавказа, Средней Азии и народов Востока — **увеличилась**. Например, за те же 1960—1980 годы произошло увеличение у узбеков — в **два** раза, у таджиков — в **три** раза, у дагестанцев — почти в **два** раза. И не видеть в этом демографической эксплуатации русского народа — может лишь тот, кто в упор ничего не желает видеть.

Второй фактор — «интернациональная помощь». Гордыня амбициозных правителей Коммунистической партии требовала расширения социалистических идей по всей Земле. Достаточно было любому правителю в любом месте Земли, хоть африканскому императору-людоеду Бокассе, заявить о «социалистическом пути», и Кремль осыпал их деньгами, снабжал материальными ресурсами и русскими специалистами.

Эти два фактора: «дружба народов» и «расширение социалистических идей» усиливали и без того чрезмерную демографическую эксплуатацию русского народа так, что восстановления демографического потенциала после обвала 1960 года — быть не могло. Нравится — не нравится, русское демографическое неблагополучие началось еще во времена правления Коммунистической партии. И вполне понятно, что русские даже пальцем не пошевелили, когда либералы захватывали власть в Кремле.

Переход власти от Коммунистической партии к либералам еще больше ослабил демографический потенциал русского народа. То есть демографическая эксплуатация русского народа усилилась. Так что главная причина обвала 1990-х — либеральные «реформы». Так как воля к жизни русского народа очень ослаблена, то не было и восстановления потенциала русских растущих детей.

Сейчас, в начале 2010-х, от либералов Кремля слышим, что меры, принятые в 2000-х, скоро ликвидируют вымирание России. Подразумевается, что это относится и к русскому народу. Но это не так. Сейчас детская смертность мизерная, так что численность растущих детей по их году рождения можно заменить числом русских рождений. Прирост русских рождений в 2000-х — в среднем 2% в год. Из них 1,8% приходится на прирост численности женщин, рожденных в 1970-х годах. (В 2000-х они были в самом детородном возрасте). Так что на меры Кремля остается лишь 0,2% при-

роста 2000-х И такие меры не остановят вымирание русского народа.

Тем более что во второй половине 2010-х скажется демографическое «эхо» от обвала 1990-х. При нынешней либеральной политике Кремля число ожидаемых русских рождений сократится в **полтора** раза и будет не более 0,6 млн. Следовательно, растущих детей — тоже.

К 2040-м годам проявится «эхо» спада русских рождений от демографической «ямы» второй половины 2010-х. Если Кремль не изменит решительно демографическую политику в части русских рождений, то к 2050 году русская численность сократится до 75 млн. При этом более половины этой численности будут люди старше 60 лет. По улицам и дорогам будут бродить толпы русских старух, молящих Бога о помощи. Пора осознать, что никто, кроме русских решительных людей, которые всегда были, которые и сейчас есть, нынешний тренд не исправит.

Иван ГЛАДИЛИН

ОЧЕРЕДНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Поразительным предательством наших зарубежных соотечественников, а вместе с ними и всей исторической России, вновь отметился премьер РФ Дмитрий Медведев. 14 июля он распорядился заключить с Эстонией Соглашение о сотрудничестве в области высшего образования. Рекомендовало ему это сделать Минобрнауки Дмитрия Ливанова. МИД РФ возражать не стал.

Что ж тут, скажете вы, предательского? Ведь даже с Эстонией, с 1990-х годов установившей в отношении русских

фактически режим апартеида, в теории можно подписать договор, хоть как-то улучшающий положение соотечественников. Но ничего этого в директиве Медведева не просматривается. Более того (и это главное), своим распоряжением российский премьер дал зеленый свет аннулированию всеобъемлющего российско-эстонского соглашения от 1994 года, которое охватывало сферы и начального, и среднего, и высшего уровней образования. Этот документ, конечно, тоже не мог служить образцом для подражания; к тому же Таллин, мягко говоря, не очень-то его придерживался. Но он хоть как-то обязывал эстонские власти не уничтожать у себя образование на русском языке, будь то в детсадах, школах или вузах. А своим нынешним распоряжением Дмитрий Медведев фактически дал добро на эстонизацию всего образовательного процесса в этой прибалтийской республике, включая детские сады, основную школу (1—9 классы), профтехучилища и гимназии (10—12 классы), а также вузы.

Стоит при этом напомнить, что добрую треть населения Эстонии составляют как раз русские и русскоговорящие жители. И именно эти 300 с лишним тысяч человек, из которых не менее трети — официальные граждане РФ, Дмитрий Медведев росчерком пера фактически лишил права на получение образования на родном языке. Вот это «забота» о соотечественниках и сохранении ареала Русской цивилизации! Вот это «забота» о гарантированном российской Конституцией праве граждан РФ (а таковых в Эстонии — не менее 100 000 человек) на образование на русском языке!

В 10-й статье проекта санкционированного Медведевым нового соглашения с Эстонией говорится: «С даты вступления в силу настоящего соглашения прекращает действие соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в области образования, подписанное в Москве 21 октября 1994 года». Да, пусть оно сплошь и рядом игнорировалось Таллином, но в нем, тем не менее, было зафиксировано, что Россия, и Эстония, «признавая право каждого независимо от гражданства и этнической принадлежности на образование», будут «оказывать организационную, педагогическую, учебно-методическую и финансовую поддержку своим государственным образовательным учреждениям, преподавание в которых ведется на языке другого государства, аналогичную поддержку своих государственных образовательных учреждений, преподавание в которых ведется на ее государственном

языке» (ст. 3). А в 5-й статье документа говорится, что каждая из сторон «признает на территории своего государства право лиц, принадлежащих к языковым и этническим группам и различным общественным объединениям, создавать в соответствии с законодательством этого государства учреждения всех уровней образования и оказывать им поддержку».

Это положение давало местным русским право на создание русских образовательных учреждений в рамках эстонского закона о культурных автономиях национальных меньшинств. Таким образом данное соглашение позволяло России требовать от Эстонии выполнения международных договоренностей о сохранении в Эстонии образования на русском языке. С подписанием же нового соглашения у Таллина будут окончательно развязаны руки, и, надо полагать, он всерьез возьмется за эстонизацию уже не только основной школы, но и детских садов.

«С сожалением приходится констатировать, — пишет на портале Delfi живущий в Эстонии гражданин РФ Владимир Лебедев, — что Отечество в очередной раз нас предало и продало, как это было с вопросами гражданства в 1991-м, как это было с социальными гарантиями военных пенсионеров в 1994-м, да и в последующие годы мы были разменной картой в политических играх российских политиков». «Хочется спросить у российских властей, — добавляет он напоследок, — а что они собираются делать с гарантированным Конституцией РФ правом российских граждан школьного возраста, коих в Эстонии несколько тысяч, на получение образования на родном языке?»

Показательно, что такого распоряжения, которое отдал Дмитрий Медведев, не ожидали даже в самой Эстонии, причем даже самые ярые националисты-русофобы. Об этом пишет на портале ИА REX известный общественный деятель русскоязычной Эстонии Дмитрий Кленский.

«Впечатление такое, — отмечает он, — будто Дмитрий Медведев предписывает подписать Соглашение, составленное только эстонским министерством, давно и упорно занимающимся эстонизацией русскоязычного населения с целью ассимилировать русское и русскоязычное население (треть населения страны). И это несмотря на то, что русская общественность и оппозиционные партии в последние три года оказывают этому если не радикальное, то все же достойное сопротивление. Так что, теперь эти усилия пойдут прахом?»

Лицемерие или полную несогласованность российских властей, продолжает Дмитрий Кленский, демонстрирует и распространенная в СМИ позиция МИД РФ, в которой выражена «серьезная обеспокоенность» в связи с тем, что эстонское правительство отклонило ходатайства четырех таллинских учебных заведений гимназической ступени о сохранении обучения в них на русском языке. В связи с этим уполномоченный МИД РФ по вопросам прав человека, демократии и верховенства права Константин Долгов разразился гневной филиппикой: «Расцениваем данное решение как еще один пример, иллюстрирующий нежелание эстонских властей считаться с правами русскоязычного населения, являющегося крупнейшим национальным меньшинством в Эстонии. Оно логично укладывается в долгосрочную линию официального Таллина на вытеснение русского языка из сферы образования, продолжающуюся дискриминационную политику по принудительной ассимиляции нетитульного населения и построению в стране моноэтнического общества».

Дмитрий Кленский продолжает: «Но если Дмитрий Медведев и Министерство образования РФ занимают прямо противоположную позицию, но которую, оказывается, согласовали с МИД РФ (?!), обозначившем свою позицию словами своего уполномоченного Константина Долгова, тогда возникает законный вопрос об адекватности власти в России».

К сожалению, тут Дмитрию Кленскому стоит возразить: своим распоряжением г-н Медведев продемонстрировал как раз полную адекватность российской власти — во всяком случае, той «башни» российской власти, лидером которой считается премьер РФ. Это обстоятельство четко отметила на страницах того же издания председатель Межрегионального движения «Евразийский народный союз» Татьяна Полоскова.

«На самом деле ничего неожиданного в случившемся нет, — пишет она. — Просто российским властям в лице Дмитрия Медведева и иже с ним надоело валять дурочку, изображая из себя печальников и заботников о судьбе русского народа и русского языка за рубежом. Это первая ласточка перехода от лицемерия и демагогии наших чинуш к искреннему и чисто-сердечному предательству.

Да, собственно, никогда особо наши чиновники не удручались по поводу происходящего с русским языком и русским человеком на территории большой исторической России, — продолжает эксперт. — Как очевидец тех событий, могу сказать, что тема соотечественников стала в свое время предлогом, поводом для создания дополнительных бюджет-

ных ручейков, рабочих мест, способом легких и незатратных карьерных взлетов. С тех стартовых годов прошло уже добрых двадцать лет, и надо признать, что в российской политике в отношении соотечественников цель и средства уже давно поменялись местами. Обильные финансовые потоки, щедро направляемые административной рукой в бюджеты профильных министерств и ведомств, наспех состряпанных ими фондов, стали целью. А политические заявления и заклинания о поддержке и защите языка зачастую ничего не значат. Они превратились в декларативную ширму, за которой идут распили и профанация. Они стали средством, способом обоснования и получения денег из бюджета, что позволяет кормить целую армию людей в российских структурах и проводить бравурные мероприятия за рубежом.

А результат таков: никакой реально действующей сети, никакой организованной российской диаспоры как не было за рубежом, так и нет, ибо создать ее искусственно нельзя. Как нельзя искусственно, под угрозой лишения (о, ужас!) доступа к телу посольских товарищей заставить соотечественников подчиняться так называемым координационным советам, большинство из которых, убери посольское плечо, ничего из себя не представляют и влиять ни на что реально не могут. Последний пример с распоряжением Медведева тому подтверждение. Где гнев наших координационных советов соотечественников? Нет его. Сплошное молчание ягнят.

Молчат и профильные ведомства, и созданные ими фонды. Почему молчат — тоже понятно. Иногда, наблюдая за кадровыми передвижениями на соотечественной ниве на просторах российских структур, просто диву даешься! Человек, работая на госслужбе, в посольстве России за рубежом, иначе как «побирухами» соотечественников не называл, брезгливо отворачивался от них на приемах, и вот он уже «рулит» соотечественной политикой в профильном фонде, решает, кому выделить финансирование, кому — нет. А его коллега заявляет (письменно!) известному ученому-правозащитнику, что защита прав соотечественников в функции фондов, призванных ее осуществлять, не входит!

И не гложет такого деятеля стыд по ночам. И впрямь, не на пенсию же идти в 70 с лишним лет! Господа пенсионеры экс-дипломаты! Снимите шляпу перед обездоленным российским ветераном из Эстонии, перед потерявшим имущество, работу и цель в жизни русским мужиком из Киргизии, перед безработной учительницей русского языка из Грузии! Вы живете за их счет, а в их жизни ничего существенно за двадцать лет не изменилось. Еще хуже стало...

Прибаутки в мидовских коридорах о надоевших «соотечественниках», неугомонных общественниках — не только усталость от реалий. Это лицемерие, ставшее нормой. Последний законодательный пассаж Дмитрия Медведева — давно ожидаемая «благая весть» для этой публики. Руководство профильного Второго европейского департамента МИД РФ, как и Департамента по работе с соотечественниками МИД РФ никак не выразили своего отношения к происходящему — даже шепотом, не говоря о громком хлопанье дверьми. А ведь и такое бывало на Смоленке! «Лишь бы не выгнали, лишь бы уехать за рубеж». А в последнее время все чаще: «Ой, только бы не возвращаться в Россию». И не возвращаются. До соотечественников ли тут?

Не менее важно и другое, — продолжает Полоскова, — предательская инициатива Медведева — это камень в огород В.Путина. Именно идея Евразийского союза, озвученная в предвыборной кампании Путина (а ее реализация невозможна без поддержки русского языка в странах постсоветского пространства), обеспечила ему львиную долю успеха на выборах.

И хотелось бы понять, правду говорил нам тогда Владимир Владимирович или правдой было то, что озвучил сейчас Медведев. От этого зависит многое — и в России, и за ее пределами», — резюмирует эксперт.

Ко всему прочему стоит добавить, что Дмитрий Медведев оказал (в силу своей фамилии, что ли?) настоящую медвежью услугу и эстонским «союзникам» возглавляемой им же «Единой России». «Медвежья услуга, — отмечает Дмитрий Кленский, — оказана и считающей себя прорусской Центристской партии во главе с ее лидером, мэром Таллина Эдгаром Сависааром. Эта партия и «Единая Россия» заключили несколько лет назад Рамочный договор о сотрудничестве. И эта эстонская партия — единственная, которая открыто и последовательно выступает за нормализацию отношений между Эстонией и Россией, расширение сотрудничества по самым разным направлениям, много сделала и для поддержки Эстонской православной церкви Московского патриархата. И что теперь? Именно центристы, безраздельно властвующие в местных самоуправлениях Таллина и Нарвы, мощно поддержавшие «Русскую школу Эстонии», которые раздули паруса организованной защиты русскоязычных гимназий с использованием административного ресурса и активности русских членов партии, оказались преданными главой правительства России.

О ТЕРРОРИЗМЕ «НА БЫТОВОЙ ПОЧВЕ»

В России очередное обострение «дружбы народов». От «пугачевского бунта», избиения байкера, заступившегося за девушек в Москве, азербайджанца, сломавшего соседке по дому нос (и отделавшегося, несмотря на широкую огласку, исправительными работами), до уже совершенно дикого случая изнасилования местного жителя выходцем из Дагестана в Ставропольском крае. Подробности освещены в СМИ достаточно, так что повторять нет нужды.

Я бы предложил уважаемым читателям отвлечься от деталей, сколь бы вопиющи они ни были, и представить себе следующую (вымышленную) ситуацию. Северный Кавказ, здание территориального управления ФСБ (или какого-нибудь другого органа федеральной власти). В него проникает местный житель. Он вламывается в кабинет одного из сотрудников и убивает его. Коллеги убитого пытаются ликвидировать террориста, применив оружие, однако в этот момент на сцене неожиданно появляется третья сила — «сторонники межнационального мира и согласия». Против разгневанного убийством фээсбэшников они немедленно отправляют какой-нибудь особо свирепый спецназ на бронетранспортерах. Террориста отбивают, спасая ему жизнь, а с озлобленной от бессилия и несправедливости пострадавшей стороной начинают успокоительные беседы примерно следующего содержания.

Это преступление на бытовой почве. Вы говорите, что это уже не первый случай? Десятый? Не важно. Предыдущие девять были также на бытовой. Убийца выкрикивал «Аллах акбар», поднимал вверх указательный палец и что-то орал про «этих свиней резать»? Это он от безысходности. Высокая безработица тут у них и сложная социально-экономическая ситуация, понимаете? Регион дотационный, молодежь не может себе применения найти, вот и кидаются на кого попало. Да и вообще, слышалось вам. А то, что вы здесь собрались и возмущаетесь, это зря. Вы на чью мельницу воду лье-

те? Говорите, что сообщников его надо искать и ликвидировать? Так дело не пойдет! У этого убийцы родственников знаете сколько? Если они все на нас обидятся, плохо будет. Так и до развала России недалеко. Вы этого хотите? Вас, наверное, кто-то заранее подговорил здесь стоять. Так что расходитесь-ка подобру-поздорову.

Ситуация эта, на самом деле, не так абсурдна, как кажется. В начале девяностых на Северном Кавказе все примерно так и было. В попытке сохранить мифический «мир» (которого к тому времени уже и след простыл) армия не применяла оружие при захвате складов. Милиция и КГБ при появлении вооруженных людей разбежались. Попытка сохранить целостность страны, идя на бесконечные уступки, кончилась тем, что российская власть на большей части Северного Кавказа просто испарилась. Она до сих пор, кстати, так и не восстановлена в полном объеме.

Немало времени прошло, прежде чем, неоднократно наступая на те же грабли, российское государство слегка поумнело. Оно с грехом пополам выучило, что если на Кавказе убивают военнослужащего, сотрудника ФСБ или милиционера, то это не сто первое преступление «на бытовой почве», а настоящий террористический акт. Что его исполнителей надо не укрывать и защищать от гнева пострадавших, а наоборот, искать и ликвидировать, в том числе с помощью того же спецназа. А если не искать и не ликвидировать, а делать как прежде вид, что ничего не происходит, то можно сматывать удочки и немедленно убираться с Кавказа и прилегающих территорий восвояси.

Беда только одна. Все это российское государство выучило в отношении себя самого и своих представителей. То есть на русское гражданское население, что на Кавказе, что в остальной России, это сокровенное знание не распространяется. Тут все осталось по-прежнему. Семь бед, один ответ. «Бытовой конфликт». Официальные российские пропагандисты, раз за разом заученно цедящие сквозь зубы эту формулировку, уже не вызывают ничего, кроме жалости. Настолько беспомощной выглядит их аргументация. Кажется, они уже и сами испытывают стыд от своего вынужденного вранья.

Интересно то, что русское население — не единственная жертва этого терроризма «на бытовой почве». Есть еще одна, узкая, но очень важная группа российских граждан, которая с ним сталкивается. Это, как ни странно, традиционное мусульманское духовенство, представители которого нередко получают угрозы в свой адрес. За угрозами, как правило, следуют и конкретные действия, в том числе убийства. В этом

смысле слова с делом у ваххабитов не расходятся. Российское государство занимает в данном случае такую же бессмысленно-пассивную позицию. Ни угрозы, ни даже убийства не рассматриваются российскими властями как объявление войны (за которое инициаторам нужно в массовом порядке отрывать то, что нормальное государство в случае объявления ему войны отрывает). Тут, к сожалению, позиция прежняя: «Когда вас убьют, придёте и напишете заявление в полицию».

Тех исламских священнослужителей, кто под воздействием угроз отступает и прекращает противостояние ваххабизму, вряд ли можно упрекнуть в трусости. Вступить в войну в одиночку и так же в одиночку вести ее, будучи обреченным на поражение, может далеко не каждый. Тех военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, которые бежали из Чечни в 91-м, также не в чем упрекнуть. Преданные своим государством, они не могли сами, по своей инициативе начать с сепаратистами войну. Тем более нельзя упрекать в трусости гражданское население, покидавшее Кавказ, как тогда, так и теперь. Обычных людей, становящихся свидетелями конфликтов на «бытовой почве» по всей России, но не вступающих за жертв, а снимающих происходящее на мобильные телефоны, также можно понять. Конфликт, в котором нападающий изначально готов убивать, — это не драка. Для обозначения такого в русском языке есть другое слово.

Приходится признать, что уже довольно давно русский народ с российским государством живут в параллельных мирах. Это можно замечательно проиллюстрировать на примере военных действий на Кавказе. Для русского народа Первая чеченская война началась в 1991 году. Тогда, вслед за развалом Союза в Чечено-Ингушетии сразу же началась резня. Четверть миллиона человек были изгнаны из своих домов. Практически все они были ограблены и лишалисьжитого — продать свою недвижимость удалось единицам. Многие тысячи русских людей подверглись насилию, очень многие были убиты. Сколько именно, мы до сих пор не знаем, подсчетов никто и никогда не вел. Это же не представители госвласти и даже не военнослужащие, чего их считать?

Для российского государства Первая чеченская началась тремя годами позже. Причиной ее стал не произошедший геноцид и гибель тысяч соотечественников. Дело было в другом. Чеченский президент Дудаев не договорился с Ельциным о разграничении полномочий и отказался формально признать российский суверенитет над Чечней. Пойди тогда Дудаев на уступки, российское государство в войну так, вероятно, и не вступило бы. Вся ее тяжесть досталась бы в та-

ком случае простым невооруженным людям. Тем, кого брали тогда в заложники, требуя затем выкуп, угоняли в рабство и пр. Страшные события того времени до сих пор служат провоцирующим фактором этнической преступности. За нас никто не вступится, и это ни для кого не является тайной.

Для российского государства война на Кавказе, как известно, в той или иной степени завершилась. Можно ли то же самое сказать о русском народе?..

Причиной тяжелой аномалии, когда российские власти на месте населенной на 80% русскими страны с идиотическим упрямством пытаются строить нерусское государство, является, как это ни странно, советское наследие. Советский Союз — это не только «плюсы», — Великая Победа, социальная справедливость, бесплатные медицина и здравоохранение и многое другое, но и «минусы», — безбожие, бессмысленная, оторванная от реальной действительности идеология и, конечно, троцкистская национальная политика. В бывшем СССР массовая нелояльность меньшинств не просто игнорировалась. Это было бы еще полбеды. Она, на самом деле, систематически **поощрялась**. Нелояльная Прибалтика жила значительно лучше России. Даже в одной и той же республике, Украине, нелояльный советскому государству запад находился в привилегированном положении по отношению к лояльному востоку. Рецепты, которые плохо работали уже тогда, сейчас перестали работать совсем. Можно сколько угодно воспроизводить все ту же ложь в духе пролетарского интернационализма, но идти тем же путем дальше уже некуда.

Впереди тупик. Это ясно всем. Если Россия хочет сохраниться и продолжить существовать, возвращение к нормальной политике неизбежно. Переходу от **поощрения** нелояльности к наказанию за нее нет никакой альтернативы. Этот переход будет, конечно, очень болезненным. Те, кто привык получать за ненависть к России и русским пирожки, сильно расстроятся, получив тумаки. Но если идти по кривой дорожке дальше, то тумаков все равно не избежать, только достанутся они как раз тем, кто лоялен государству и на ком оно, по сути, держится. Наш народ и сейчас постоянно подвергается этим ударам, причем с двух сторон одновременно, этнической преступности, с одной, и покрывающих ее властей, с другой. Но тут не должно быть иллюзий, терпеть это положение до бесконечности русский народ не готов. У нашего народа есть и честь и достоинство и он, на самом деле, не так уж и труслив, как некоторым кажется. Он неоднократно доказывал это на деле.

КОНФЛИКТ КАК СЛЕДСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Лето 2013 года в России включило целую серию конфликтов, в которых имела национальная составляющая. Самыми «громкими» и раскрученными стали события в Удомле и Пугачёве. А в Воронеже развивается ситуация, которая при определённых условиях может получить не меньший резонанс. Началом конфликта стала драка, случившаяся в октябре 2011 года. В её ходе парень и девушка получили серьёзные травмы от ударов арматурой. 8 июля 2013 года Ленинский районный суд Воронежа вынес приговор по громкому уголовному делу, возбуждённому в отношении подозреваемого в нанесении телесных повреждений — Магомеда Тутаева. Широкою огласку данный случай получил именно из-за личности подсудимого и мотивов, которые его толкнули на преступление.

Суд Тутаева признал виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 2 ст. 213 УК РФ (хулиганство с применением предметов, используемых в качестве оружия, по мотивам национальной и религиозной ненависти и вражды, связанное с сопротивлением лицу, пресекающему нарушение общественного порядка), пунктом «е» части 2 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, вызвавшегося в неизгладимом обезображивании лица, по мотивам национальной и религиозной ненависти и вражды), пунктом «б» части 2 ст. 116 УК РФ (нанесение побоев по мотивам национальной и религиозной ненависти и вражды). По итогам процесса подсудимому могло грозить до 10 лет лишения свободы, однако приговорён он был к четырём годам лишения свободы условно с испытательным сроком два года.

Кроме того факта, что преступление было совершено из-за очевидной русофобии и осталось наказанным лишь символически, возмущение многих было вызвано ещё рядом обстоятельств. Во-первых, преступник сам оказался связанным с правоохранительными структурами — он проходил обучение в Воронежском институте МВД (хоть и на договорной основе, поэтому курсантом не являлся). Во-вторых, при установленном факте обоюдной драки бывшие с ним в одной компании «знакомые — выходцы из Северо-Кавказского региона» никакому уголовному преследованию не подвергались и были лишь свидетелями. В-третьих, вопросы вызвало поведение ингушской диаспоры. Соплеменники преступника не обозначили никакой позиции по случившемуся, предпочитая отмалчиваться.

Стоит отметить, что сразу после первого допроса Тутаева было возбуждено уголовное дело по факту превышения должностных полномочий сотрудниками полиции (ст. 286 УК РФ) — они были обвинены в применении пыток. Это ли обстоятельство, коррупционная ли составляющая, формализм и некомпетентность, или какие-либо иные обстоятельства послужили причиной такого приговора, неизвестно. Прокуратура Ленинского района Воронежа обжаловала вердикт суда в связи с мягкостью назначенного наказания.

Таким образом, всё то, что уже не один раз становилось причиной множества конфликтов со времён Кондопоги — проблемные межнациональные отношения, очевидные «перекося» работы судебной системы и правоохранительных органов — проявило себя и в Воронеже.

Ситуация схожа с той, что произошла в городе в начале года, когда уголовное дело в отношении гражданина Азербайджана Русифа Иманова, подозревающегося в изнасиловании несовершеннолетней в Воронеже, было возбуждено лишь после выступлений националистов и широкой общественной огласки. Разумеется, у всех в памяти и события на Манежной площади в 2010 году, когда участников убийства Егора Свиридова задержали лишь после многочисленного митинга в центре Москвы. Принуждение к совершению правосудия с помощью общественных выступлений в таких становящихся резонансными делах никого не удивляет и становится привычным по всей стране, и Воронеж не стал исключением.

Тем не менее, обвинять лишь суды или полицию в таких ситуациях абсолютно неправильно. Процессы замещения убывающего русского населения населением северокавказских республик с положительной демографической динами-

кой и трудовыми мигрантами (в основном из среднеазиатских стран), которые неизбежно рожают конфликты из-за разницы в культурных установках, всё продолжают. И пока сам русский народ не будет достаточно сильным и уверенным в своём будущем, эти процессы не прекратятся. Для этого нужны не только усилия самих русских людей, но и проведение соответствующей политики властей. И если от президента России Владимира Путина мы слышим правильные слова о том, что «Русский народ является государствообразующим», то другие документы, определяющие национальную политику (такие, как «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года»), пишут представители экспертного сообщества (самой значительной фигурой в котором считается академик Тишков), занимающие прямо противоположную точку зрения. Такая ситуация с совершенно разным пониманием целей и задач в области межэтнических отношений не может не вызывать противоречий на всех уровнях власти и правоохранительной системы — структур, напрямую имеющих дело с последствиями национальных конфликтов, а также имеющих ресурсы для их предотвращения и профилактики.

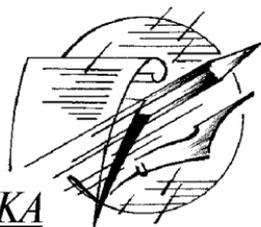
Сама идея построения такой химеры, как «российская нация», подразумевает размывание русской идентичности и провоцирует ответную реакцию появления радикальных проявлений шовинизма, сепаратизма и религиозного экстремизма. Поэтому количество и острота ситуаций, подобных воронежской (не говоря уже об Удомле и Пугачёве), могут быть минимизированы не только и не столько судебными или полицейским реформами, а выстраиванием новой справедливой национальной политики страны, учитывающей не только исторический опыт добрососедских отношений и этническое разнообразие России, но и реальную государствообразующую роль русского народа.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ НЕЛЮДЕЙ

Технократическая перестройка глобальных элит

События в мире всё яснее говорят о том, что важнейшей задачей глобальных элит становится тотальная перестройка человеческого сознания и даже изменение сущности человека. Собственно, это и выступает целью и средством строительства «нового мирового порядка». Особенно показательным в этом отношении стало заседание Бильдербергской группы, прошедшее с 6 по 9 июня 2013 г. в британском отеле «Гроув», в пригороде Лондона...

Информация о том, где будет проходить заседание, какова будет его повестка дня и кто в нём будет участвовать, стала известна задолго до встречи, причём давали её как альтернативные, так и официальные СМИ. Например, об этом написала газета *The Telegraph*, статья которой называлась «Бильдербергская группа? Никакого заговора, просто самая влиятельная группа в мире». А в следующем номере в статье «Бильдербергская группа 2013: список участников и повестка дня» *The Telegraph* представила вопросы, которые должны обсуждаться на встрече. Среди них — проблема безработицы в США и Евро-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

пе, национализм и популизм, политика Европейского Союза, положение на Ближнем Востоке, проблемы Африки, кибервойны и распространение асимметричных угроз, основные тенденции в области медицинских исследований, перспективы и последствия развития интернет-образования.

Инсайдерский же источник альтернативного сайта Infowars.com дал более подробную информацию о повестке дня, сообщив, что на встрече будут обсуждаться две группы вопросов. Первая касается проблем экономики: усиление власти центробанков под видом «банковских реформ», спасение банков для поддержания евро и сохранения еврозоны, создание более эффективной системы сбора налогов, недопущение выхода Британии из Европейского Союза, подавление протестов, возникающих в ответ на ужесточение экономической политики, минимальный экономический рост в 2013 г., концентрация богатств населения в руках корпораций и сверхбогатых элит.

Вторая группа вопросов — более объёмная и касается проблем военного, политического и психологического контроля: нанесение ударов по ядерным объектам Ирана, если он в течение трёх лет не свернёт свои программы, продолжение войны в Сирии с помощью вооружения оппозиции, угроза общемировой пандемии (с учётом того, что лаборатории Бильдербергов работают на распространение вирусов), контроль за производством 3D, государственный контроль над Интернетом для достижения «киберустойчивости», контроль над распространением информации с помощью «министерства правды» (давняя идея Билла Клинтона), создание «продвинутых городов», которые могли бы вести наблюдение за всеми сторонами жизни и поведением населения, то есть создание системы тотальной слежки.

Для выполнения задач такого рода необходима ускоренная перестройка технократической сферы, которая и осуществляется на наших глазах. Как отметили авторы Infowars.com Джозеф Ватсон и Алекс Джон, Бильдербергская группа, как и другие теневые структуры, вошла в период серьёзной трансформации, заключив унию с компанией Google под контролем председателя её совета директоров Эрика Эмерсона Шмидта, регулярно участвующего в заседаниях группы.

Место заседания группы в отеле «Гроув» было выбрано не случайно. Именно здесь, начиная с 2007 года, проходят ежегодные конференции Google, известные как Google Zeitgeist («Дух времени Google»), на которых осуществляется анализ миллиардов запросов пользователей этой системы и подво-

дятся итоги её деятельности. В этом году конференция Google прошла буквально за несколько дней до заседания Бильдербергов.

Так что британский отель «Гроув» представляет собой сегодня «центральную базу» для выработки повестки дня Google в области мировой технологической политики. И именно эта компания, которую *London Independant* определила как «более приятную» версию Бильдербергов, и осуществляет настоящую технократическую перестройку. На её конференциях ежегодно собираются около 400 делегатов для обсуждения ключевых тем мировой политики и культуры и для разработки планов соответствующих действий, направленных на то, чтобы «не допустить обратной реакции против глобализации». Среди них — ключевые фигуры СМИ, политические деятели, начинающие звёзды. В этом году на встрече присутствовали эксперт «Голдман Сакс» Джим О'Нейл, Билл Клинтон, известная певица Энни Леннокс. Тут, в частности, было отмечено, что за год доходы компании возросли на 60% или на 2,89 млрд. долл.

Google Zeitgeist представляет более эффективную форму управления. Если Бильдерберги имеют репутацию заговорщиков, то Google может осуществлять свой контроль открыто, поскольку это предполагает сама деятельность по предоставлению информационных услуг. То есть **под вывеской демократичной и даже филантропической компании действует тоталитарная структура**, которой независимые журналисты уже присвоили название «Гуглберг» («Бильдерберг превращается в Гуглберг»).

Google оказалась крайне удобной формой для прикрытия работы спецслужб. Как стало известно всё тем же независимым исследователям, главные организаторы «арабской весны», проходившей в виде народных волнений, были наняты этой компанией и участвовали в конференциях Zeitgeist в отеле «Гроув». Хорошо известно, например, что ключевую роль в организации в 2012 г. переворота в Египте, обеспечившего приход к власти «Братьев-мусульман», сыграл сотрудник Google египтянин Ваиль Гоним, руководивший в компании отделом маркетинга на Ближнем Востоке и Северной Африке. Эрик Шмидт говорит, что он гордится тем, что сделал Гоним, и подчеркивает, что использование Facebook, Twitter и интернет-инструментов для разжигания протестов в Египте является собой «хороший пример прозрачности».

Google оказывает растущее влияние на американское и британское правительства. Это облегчается тем, что Эрик Шмидт является членом совета по науке и технологиям при прези-

денте США, возглавляет некоммерческий фонд New America Foundation и участвовал в качестве советника и спонсора в президентских кампаниях Барака Обамы. Ему даже предлагали возглавить Министерство финансов США. В Великобритании представители Google с начала выборов 2010 г. не менее 23 раз встречались с официальными лицами партии консерваторов. Дэвид Кэмерон выступал на конференции Zeitgeist ещё в 2006 г., то есть за 4 года до того, как он стал премьер-министром. На встречах Google присутствовали также британский министр финансов Джордж Осборн, принц Чарльз и многие другие влиятельные лица. Дотянулись руки Google и до России: Эрик Шмидт входит в совет директоров «Сколково», хотя некоторые эксперты почему-то считают это «нейтральным фактором».

Связи между Google и Бильдербергской группой становятся всё более тесными. СМИ сравнивают власть компании и её конференции с Давосским форумом. На встречах Google Zeitgeist собираются деятели, которые, как считается, способны «формировать глобальное будущее». Сама же компания позиционирует себя в качестве силы, более мощной, нежели правительства, поскольку она контролирует и управляет поведением широких масс, как это было продемонстрировано в Тунисе и Египте. А вмешательство Google во внутренние дела стран Европы стало уже настолько активным, что даже Еврокомиссия недавно обратилась к компании с запросом в связи со злоупотреблениями её доминирующим положением на рынке информационных услуг.

Сам глава Google никогда не скрывал своего стремления к тотальному контролю над обществом, о чём он неоднократно говорил в своих выступлениях, подчёркивая, что **частная жизнь является реликтом прошлого** и что он планирует превратить Google в настоящего «Большого Брата», по сравнению с которым «1984» Джорджа Оруэлла будет восприниматься как детская сказка.

В одном из своих выступлений Эрик Шмидт заявил: *«Мы не нуждаемся в том, чтобы вы нажимали на все клавиши в вашем компьютере. Мы знаем, где вы находитесь и где вы были. Мы можем узнать в общих чертах, о чём вы думаете. Мне кажется, что большинство людей не хочет, чтобы Google отвечал на их вопросы, а им хочется, чтобы он указал им, что они должны делать... Мы знаем всё, что вы делаете, и правительство может за вами наблюдать. Мы узнаем, где вы находитесь, в районе 50 см, и мы сократим это расстояние до нескольких сантиметров... Ваша машина будет везти вас сама,*

и это неправильно, что машины были изобретены до компьютеров... Вы никогда не бываете одни, и вам не скучно...»

Информационные технологии, по утверждению Шмидта, радикальным образом меняют и образование, и механизм работы бизнеса, и характер СМИ, и статус интеллектуальной собственности. Они меняют самого человека, который фактически срашивается с компьютером, превращаясь в бионического человека. Как указывает Шмидт, «мы уйдём от командного интерфейса, когда вы отдаёте компьютеру команды, как собаке, и придём к ситуации, когда компьютер становится скорее другом. Компьютер говорит: «Ну, мы примерно знаем, что вас интересует». И вы дали ему на это согласие. И он говорит: «Ну, может быть, вам стоит сделать вот это или вот это». Компьютер делает то, что у него получается хорошо: сложные аналитические задачи, поиск иголки в стоге сена, и у него идеальная память. И мы, люди, делаем то, что у нас получается хорошо: выносим суждения, развлекаемся и обдумываем разные вещи. Это симбиоз».

То, что исповедует Эрик Шмидт, называется трансгуманизмом, представляющим собой мировоззрение, которое исходит из возможности и желательности фундаментальных изменений вида «человек разумный» с помощью передовых технологий с целью формирования «постчеловека». Впервые это понятие употребил в работе «Религия без откровения» биолог-эволюционист Джулиан Хаксли, которого называют «Мальтусом XX века». Трансгуманизм для него стал новой идеологией и даже новой «верой для человечества». Таким он является и для современных «пророков», предлагающих методы перестройки человека, превращающие его в управляемого послушного биоробота. Масса таких биороботов и должна заменить современное человечество.

Мы видим, что методы управления элит претерпевают такие изменения, которые позволяют им переходить со скрытого на открытый уровень управления. В этих условиях меняется и значение саммитов, конференций, тайных переговоров. Именно это продемонстрировало последнее заседание Бильдербергской группы, которое можно определить как антиконспирологическое.

Ложный выбор: Большой брат или Всевидящее око?

Последние события всё больше свидетельствуют о том, что глобальная элита переходит к открытому контролю над человечеством на основе новейших информационно-компьютерных технологий.

Скандал с Эдвардом Сноуденом разразился в дни заседания Бильдербергской группы, которая, в свою очередь, собралась сразу после ежегодной конференции Google Zeitgeist, на которой подводились итоги анализа миллиардов запросов пользователей системы Google. И в те же дни, 15—16 июня, в Нью-Йорке состоялся Второй международный конгресс форума «Глобальное будущее 2045», собравший специалистов в области нейронаук и нанотехнологий для обсуждения кибернетических методов достижения бессмертия человека... Цель участников конгресса — создание мегапроекта «Аватар», который включает разработку антропоморфных роботов, интерфейса «мозг-компьютер», систем телеприсутствия, нейропротезирования и моделирования мозга, изучение сознания и способов переноса «Я» человека на небιологический субстрат — искусственное тело. Основными темами на конгрессе стали духовное развитие, кибернетические технологии продления жизни, «кибернетическое бессмертие», «метаразум», «неочеловечество».

Если первый конгресс форума «Глобальное будущее 2045» прошёл в 2012 году в России практически незамеченным, то в Нью-Йорк на это мероприятие аккредитовалось 200 журналистов из ведущих СМИ. Здесь выступали такие известные футурологи и учёные, как директор по техническим разработкам корпорации Google изобретатель Рэй Курцвейл; писатель и предприниматель, крупнейший индивидуальный благотворитель Оксфордского университета Джеймс Мартин; сооснователь Лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском технологическом институте Марвин Минский; разработчик технологии протезирования мозга профессор Университета Южной Калифорнии Теодор Бергер; основатель первой российской лаборатории интерфейсов «мозг-компьютер» Александр Каплан; разработчик искусственного интеллекта предприниматель Бен Герцель; создатель теории субстрат-независимого разума Рэндал Куне; разработчик теории о возможной квантовой телепортации сознания в альтернативное тело Стюарт Хамерофф; руководитель компании United Therapeutics Мартин Ротблат (компания планирует с 2016 г. начать массовую пересадку распечатанных на 3D принтерах искусственных органов человека) и многие другие.

Организатором и президентом форума является российский миллиардер генеральный директор интернет-компании Newmedia Stars и основатель движения «Россия-2045» Дмитрий Ицков, излагающий своё кредо следующим образом: «Человек должен быть свободным от ограничений биологической природы, смерти, гравитации». Для этого, проповедует Ицков, человеческие тела должны быть заменены небι-

ологическими носителями, в головы которых вживят мозг землян, и таким образом эволюция человечества будет направлена к достижению бессмертия.

Участники форума представили результаты своей деятельности. Японский робототехник Хироси Исигуро продемонстрировал возможности изобретённого им человекоподобного робота Геминоида HI-1, представляющего точную копию его самого. Этот экземпляр был представлен как пионерское начинание в плане обретения человеком бессмертия к 2045 г. Здесь также впервые выступил первый человек-киборг англичанин Найджел Экланд, обладатель бионического протеза руки, показавший возможности интеграции кибернетических технологий с человеческим телом. Наконец, тут была продемонстрирована андроидная (то есть человекоподобная) голова — двойник Ицкова, сконструированная американским изобретателем Дэвидом Хэнсоном в рамках первой стадии проекта «Аватар А». Человекоподобной головой Ицкова управляют 36 моторчиков.

«Глобальное будущее 2045» является частью международного движения трансгуманизма, провозгласившего своей целью добиться с помощью новейших технологий таких изменений в природе Homo Sapiens, при которых человек превратится в «постчеловека» или «сверхчеловека».

То есть речь идёт о попытке практического воплощения глобального мировоззрения, ориентированного на **стратегию изменения вида «человек разумный»**. Главной для форума «Глобальное будущее 2045» является идея создания «нового мирового сознания» и «новой мировой цивилизации». Перед конгрессом участники форума обратились с письмом к Генеральному секретарю ООН, призвав его обеспечить им поддержку Генеральной ассамблеи ООН. В письме указывалось, что мир находится на пороге глобальных перемен, сутью которых должна быть реализация новой модели развития, способствующей эволюции сознания индивида и переходу к «нечеловечеству». Достигнуть этого планируется с помощью прорывных технологий, призванных обеспечить продление жизни вплоть до бессмертия на базе искусственного тела-аватара, что позволит создать новую цивилизацию. Данная стратегия, подчеркивают авторы письма, должна стать **«альтернативой национально ориентированным идеологиям и объединить нации, сделать смыслом жизни каждого служение человечеству»**.

Присутствие Рэя Курцвейла на конгрессе имело особое значение: его считают гуру современного трансгуманизма, хотя на самом деле идея имеет давние корни. Понятие это утвердилось в конце 50-х годов XX века, а в современном

значении оно стало использоваться американскими учёными в 80-е годы. В рамках трансгуманизма существуют разные направления: одни жаждут бессмертия, другие мечтают о сверхинтеллекте, третьи считают, что люди смогут перегружать свой интеллект в машины с искусственным интеллектом, при этом компьютерные сети будут осознавать себя как сверхчеловеческие разумные сущности (!). **Наиболее значительные финансовые средства вкладываются в исследования, цель которых — полное изменение человеческой природы**, что планируется осуществить с помощью так называемой конвергенции НБИК — нанотехнологий, биологии, информатики и когнитивных наук.

Характерной чертой данных исследований является то, что их авторы крайне произвольно толкуют права человека, рассматривая гражданина как абсолютно автономное существо, которое принадлежит лишь себе самому и вправе само решать, какие изменения оно хочет произвести со своим телом и со своим мозгом. Человек в этих условиях превращается в экспериментальный объект для применения НБИК-технологий, использование которых не ограничено никакими этическими соображениями, вплоть до того, что человека могут превратить просто в некий веб-сайт. Как заявил на Первом конгрессе форума «Глобальное будущее 2045» профессор Оксфордского университета Ник Бостром, существует два пути бессмертия — биологический и цифровой. Цифровой — это полное воспроизведение человеческого мозга на компьютере, позволяющее создавать запасные копии человека. Биологический метод — промежуточный, а цифровой — главный.

Сегодня наиболее активно лобби трансгуманистов действует в Калифорнии, Китае и Южной Корее, то есть там, где сосредоточены центры по производству НБИК-технологий. Одним из самых активных архитекторов трансгуманистической революции становится Google. В 2008 г. при финансовой поддержке этой компании её сооснователь Ларри Пейдж предоставил 250 тыс. долл., а другие сотрудники — по 100 тыс. долл. для подготовки кадров — «потенциальных лидеров, стремящихся содействовать развитию технологий для решения глобальных проблем человечества». Создан Университет Сингулярности, который расположился в Исследовательском центре Эймса, принадлежащем NASA, в двух шагах от Гуглплекса в Силиконовой долине. А возглавил его Рэй Курцвейл, внёсший основной вклад в разработку идеи сингулярности.

Утверждается, что «сингулярность» (гипотетический момент, по достижении которого технический прогресс станет якобы настолько быстрым и сложным, что окажется недоступным

пониманию) должна наступить после того, как технологии превьсят вычислительные возможности человеческого мозга и появится искусственный интеллект. Произойдёт это, по Курцвейлу, к 2045 г. И тогда, как пишет он в книге «Сингулярность уже близка», люди «преобразуют биологию и будут существовать во Вселенной в качестве бессмертных киборгов».

В июле 2012 г. Курцвейл встретился с генеральным директором Google Ларри Пейджем, чтобы показать ему черновик своей новой книги «Как создать мышление», и признался, что мечтает открыть фирму, которая смогла бы построить настоящему умный компьютер, но для этого ему нужны данные о каждом из 2 млрд. интернет-пользователей, а ещё лучше — о каждом из 7 млрд. жителей Земли, включая тех, которые не знают о существовании сетей и мобильных телефонов. Пейдж согласился сотрудничать, и в январе 2013 г. гуру трансгуманизма стал техническим директором Google, превратив искусственный интеллект в ключевое исследовательское направление компании и получив возможное использовать информацию о 2 млрд. интернет-пользователей.

Сейчас команда Курцвейла работает над созданием компьютера, который сможет воспроизводить нервную систему человека. Для этого компьютер «обучают» не просто отвечать на запросы к поиску, но понимать естественный язык и анализировать семантически полноценный текст. «Система будет знать **на семантически глубоком уровне всё то, чем вы интересуетесь**, — поясняет разработчик. — Я предполагаю, что через несколько лет система сможет дать пользователю ответы на большинство вопросов раньше, чем эти вопросы будут заданы». Пользователь сможет получать индивидуальные ответы на запросы, учитывающие и его опыт в Интернете, и круг его интересов, и его характер, и темперамент.

Это то, что Курцвейл называет «эмоциональным интеллектом», способным, по его мнению, влиять на интересы сильнее, чем жажда информации и аналитические способности. Собрав всю информацию о том, как работает пользователь, и составив его полный портрет, система Курцвейла сможет работать как «эмоциональный робот», который будет угадывать, что именно нужно пользователю в соответствии с его настроением. Это мыслится как **сращивание человека с компьютером**, о котором говорил исполнительный директор Google Эрик Шмидт и при котором инициатива незаметно перейдёт от человека к машине, управляющей — под видом «угадывания» — интересами человека.

Google обеспечивает апологетам трансгуманизма финансовую и информационную базу, а те предоставляют в распо-

ряжение Google более эффективные средства контроля за сознанием интернет-пользователей. В свете разоблачений, сделанных Эдвардом Сноуденом, это ещё больше расширяет возможности американских спецслужб, тесно сотрудничающих с интернет-компаниями.

В какой степени, однако, эти разоблачения могут что-то изменить в создаваемой системе тотального контроля над мировым сообществом, если этот контроль представляет собой само содержание и суть информационного и постинформационного общества? Трансгуманисты продолжают усердно плести свою транснациональную паутину, работая над перестройкой человеческого сознания. И не скрывают свои цели, о которых профессор Ник Бостром откровенно говорит: «Что касается отношения к трансгуманизму — сейчас это политический ярлык, который по мере его развития будет становиться популярным движением. Далее — **необходим единый язык, который должен стать мировым порядком, где на высшем уровне организации находится только один орган принятия решений. Это может быть мировое демократическое правительство, или диктатор, или универсальный моральный кодекс с полномочиями принуждения к выполнению закона**» (выделено мной. — О.Ч.).

И вот последняя новость о проектах Дмитрия Ицкова по пересадке человеческого разума в искусственное тело: «Перенесение личности в голограмму даёт ряд известных уже сегодня преимуществ. Пациенты смогут свободно проходить сквозь стены, государственные границы и перемещаться со скоростью света (как безналичные деньги). Учитывая большой военный потенциал будущих изобретений, Ицков намерен сотрудничать с DARPA — военным подразделением минобороны США по передовым исследованиям». DARPA занимается, помимо прочего, изобретением камер видеонаблюдения для идентификации личности на основе программ имитации функций человеческого мозга.

Тогда что же в свете всей этой «трансгуманистической» активности следует понимать под суверенитетом личности и суверенитетом государства? И если человек передаёт информацию Всевидящему оку Интернета, надо ли удивляться, что «око» чем-то делится этой информацией с американским Большим братом?

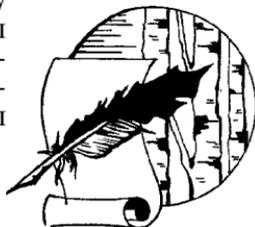
Как видим, борьба переносится на новый уровень — на уровень информационного и духовного противоборства, ставящего человека перед выбором между антицивилизацией нелюдей и цивилизацией людей, созданных по образу и подобию Божию.

Год назад не стало Василия Ивановича Белова, писателя, с чьей повести «Привычное дело» и началась деревенская проза. Произведения писателя знают и любят в России, а вот его мемуары, дневниковые записи широкому кругу читателей малоизвестны.

Предлагаем отрывок из воспоминаний Василия Ивановича о В.М. Шукшине.

ТЯЖЕСТЬ КРЕСТА

Впервые я услышал о Шукшине году в 56-м от вологодского поэта Игоря Тихонова, активного и весьма способного участника местного литобъединения. Мы собирались, обсуждали свои опусы, спорили, но время так называемой «оттепели» даже не почувствовали. Насколько помнится, всю жизнь стояла идеологическая «холодьюга». Тихонов был знаком со всеми актёрскими работами Шукшина, с восторгом встретил он и его первую книжку «Сельские жители». Сам Игорь был незаурядной, несколько бесшабашной личностью из числа тех русских парней, которые из-за войны не имели аттестатов зрелости. Отсутствие десятилетнего образования держало за хвост миллионы российских юношей. По этой причине все дороги к литературе и научной жизни были для них плотно закрыты. (Я, впрочем, как и Шукшин, долго принадлежал именно к таким.) Игорь Тихонов, благодаря молодоговардейцу Владимиру Котову, уже опубликовал тогда первую книгу стихов «Северянка», но на этом вроде бы и закончил литературную свою стезю. Из-за нужды

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

и женитьбы он не смог обзавестись аттестатом зрелости, а культурную жизнь страны знал не хуже столичных литературных столпов. Он искренне радовался тому, что наконец-то я заимел «бумагу» для продвижения, что я уехал учиться в Москву. Как раз в это время он рассказывал о Шукшине, о его работе в «Двух Фёдорах», о первой шукшинской книге. Я где-то купил «Сельских жителей» и, поразившись удивительному сходству моего детства с шукшинским, написал ему письмо. До Москвы, во время чуть ли не четырёхгодичной солдатской службы, такое же сильное впечатление оставила повесть Фёдора Абрамова «Безотцовщина», что и привело позднее тоже к личному и довольно близкому знакомству с автором.

Переехал я в столицу, начал потихоньку публиковаться. С Александром Яшиным я уже общался и в Вологде. До этого, в армии, заметил меня Александр Решетов. Он опубликовал одно моё стихотворение в ленинградском «толстом» журнале, а в 57-м году заметили меня и на ярославской встрече молодых. Руководили поэтическим семинаром Николай Старшинов и Ярослав Смеляков. (Тогда Ярослав Васильевич Смеляков и рекомендовал меня в Литинститут.) Кстати, Игорь Тихонов с успехом участвовал в этом же ярославском семинаре, но так и завял под семейным гнѐтом. Семейные неурядицы были у нас с Игорем, конечно, разные, но во многом почти одинаковые: мы оба, как могли, противились благоглупостям своих жѐн, заряжѐнных женской эмансипацией. Это сопротивление частенько завершалось довольно опасными для наших семейных союзов финалами. Не избежал этого и Шукшин. Макарыч не скрывал от меня и от Заболоцкого своего весьма тревожного семейного состояния, усугубляемого напряжѐнной идеологической обстановкой в Москве. Моѐ настроение было не лучше шукшинского...

Осенью, кажется, 64-го года после очередного нервного срыва он безуспешно гасил своё отчаяние сухим вином. Мне хотелось хотя бы на время оторвать его от недружелюбной киношной среды, и я предложил ему поехать ко мне в деревню. Он согласился охотно.

Далеко не в лучшем духовном и физическом образе мы приехали в Вологду. Я познакомил его с женой Ольгой Сергеевной, показал закуток, где уединялся для работы — тѐмную непроветриваемую кладовку площадью 2,5 кв. метра. Там умещался лишь стол и стул. (У самого Шукшина в то время и того не было. Когда он получил наконец прописку и квартирѐнку в Свиблово, кабинетом ему служила обычная кухня.)

Матери, Анфисы Ивановны, дома не оказалось, она пестовала в ту пору моих племянниц. Знакомство с матерью состоялось позже, когда родилась моя дочь Анюта.

Мы переночевали и утром уехали пригородным поездом Вологда—Вожега. На разъезде Кадниковский (откуда я в морозную пору 49-го года шестнадцатилетним отроком безрезультатно ездил добывать документы на паспорт) зашли в диспетчерскую узкоколейки. Оказии в сторону 42-го километра не предвиделось, надо было ждать мотовоз, который вёз на разъезд очередные хлысты. Пожилая женщина-диспетчер указала место, откуда пойдёт в лес очередной мотовоз. Везде было множество древесных отходов, брошенного железа, опилок и щепок, обильно политых соляром и маслом. Не жалели лесозаготовители ни леса, ни железа, ни нефтепродуктов, ни самой земли. Нет, не жалели! Государство с 20-х годов щедро снабжало их всем, что они требуют. Ещё при Ленине звучали колониальные ноты в грандиозном государственном оркестре, который за счёт многострадального русского мужика был создан Сталиным. О, сколько ёлок-сосенок ушло за рубеж, это трудно представить!

Мы дождались мотовоза и влезли в его грохочущее нутро. Моторист не узнал в Шукшине киногероя, чему Макарыч, кажется, остался весьма рад и несколько повеселел, болтая с ним о том, о сём. Машина сильно гремела, качалась на каждом стыке, угрожая сойти с рельсов, что придавало нашему продвижению некоторую, связанную с риском, романтику. И впрямь, гружёные чугунные сцепы на УЖД в то время часто сходили с рельсов. Заготовители бросали их в болоте. Мотовозы падали то в мох, то в жижу, но их кранами вытаскивали из беды, а чугунные сцепы так и оставались в болоте. На эту тему мы беседовали сквозь гром дизеля и стук железных колёс. Мотовоз кренился то сюда, то туда, словно корабль во время шторма. Иногда машинист останавливался, бегал звонить диспетчеру и, если приближался встречный состав, переводил стрелку и вставал на второй путь. Мы пропускали встречный и продолжали путешествие. На 41-м километре мы покинули мотовоз и отыскиали в лесу тропку, ведущую в родную мою сторону. До Тимонихи осталось километров двенадцать. То по вырубленному лесу среди ягодников, то по не вырубленному. Мы отошли от УЖД. Мотовоза давно не слышно. Лесная предосенняя благодать окутала нас нежно и властно: Макарыч крикнул от удовольствия. Мы настороженно оглянулись, но я засмеялся: теперь можно говорить о чём угодно, без угрозы быть услышанным кем-либо. Но даже здесь, в лесу, где чирикали поздние осенние птицы, Макарыч, нет-нет, да осторожно стихал. Моя дрессировка в андроповской школе была хуже шукшинской. Мало-помалу мы стряхнули с себя всю кагэбэшную паутину и загово-

рили про всё и вся... Я рассказал, как чуть не четыре года служил под началом Лаврентия Павловича, как поклялся приехать с гражданки и плюнуть в лицо одному капитану. Теперь пришла очередь смеяться Макарычу:

— Ну что, выполнил клятву?

— Нет, прособирался... Так и не съездил.

Оказалось, Шукшин тоже имел отношение к морзянке. Мы прислушались к свисту рябка, затаившегося в ельнике. Я рассказал, как с помощью азбуки Морзе высвистывают рябчиков на охоте. «А меня списали с корабля из-за язвы желудка, — сказал Макарыч. — Приехал домой с язвой, лечился мёдом. Мать говорила: сходил бы к еврею... — Он опять засмеялся. — К какому еврею, мама? Они там чуть не все евреи. В кино, говорю, их ещё больше».

Было приятно, что Макарычу стало веселее в моём лесу.

Разговоры о евреях, заплонивших кинематограф, и раньше приходилось вести вполголоса, заканчивались они всегда кагэбэшной темой. Здесь, в моей родной тайге, никто нас не мог слышать, и мы раскрепостились, но какой-то привычный ограничитель всё ещё действовал на обоих. Мы шли, не торопясь, все двенадцать километров, часа четыре. Осенний лес был не то, что летний или весенний, кишаший птицами. Сейчас всё было спокойно, лишь иногда стукали дятлы и тонко свистели рябчики. Природа готовилась к зимнему сну. Шукшин совсем повеселел, он вышагивал рядом, если позволяла дорога, отставал, когда она становилась тропой. Он рассказывал о своих детских эпизодах с алтайскими змеями, а я похвастался, что в моём лесу не водятся даже безобидные ужи, не говоря о гадюках.

— Почему? — спросил он.

— Холодно, они тут вымерзают.

Я поведал ему, как пас однажды коров и заблудился. (История описана в этюде «Иду домой» и в повести «Привычное дело».)

Лесное безмолвие изредка прерывалось звучными очередями. Эту пулемётную дробь запускали дятлы, смело долбившие своими носами сухую древесину. Я вспоминал Александра Яшина с его незабвенным Бобришным угором. Для чего дятлы долбят?

Мы поговорили о головной боли, которая почему-то никогда не преследует эту нарядную птицу, но тайга навевала Шукшину другие, более трагические темы. Он говорил о народных страданиях, связанных с лагерной темой. Мы снова упёрлись в Андропова...

Макарыч поведал мне об одном своём замысле: «Вот бы что снять!» Он имел в виду массовое восстание заключён-

ных. Они разоружили лагерную охрану. Кажется, эта история произошла где-то близко к Чукотке, потому что лагерь двинулся к Берингову проливу, чтобы перейти на Аляску. Макарыч оживился, перестал оглядываться: кто мог, кроме дятла, нас услышать? Конечно, никто. Сколько народу шло на Аляску, и сколько вёрст им удалось пройти по летней тайге? Войск для преследования у начальства не было, дорог в тайге тоже. Но Берия (или Менжинский) послали в таёжное небо вертолёты... Геликоптеры, как их тогда называли, с малой высоты расстреляли почти всех беглецов. Макарыч задыхался не от усталости, а от гнева. Расстрелянные мужики представились и мне. Поверженные зеки, так чётко обрисованные в прозе Шаламова, были ещё мне неизвестны. Читал я всего лишь одного Дьякова. Шукшин рассказал мне свою мечту снять фильм о восставшем лагере. Он, сибиряк, в подробностях видел смертный таёжный путь, он видел в этом пути родного отца Макара, крестьянина из деревни Сростки...

Но лес моей родины кончился, мы незаметно подошли к заросшим ольхой полям, где я провёл детство и раннюю юность. Макарычу была интересна любая деталь... Как он печалился, что наша поездка в Сростки к его матери закончилась Внуковым!

Мы вышли в поле. Макарыч сравнивал наши неброские поля с родными алтайскими. Рассказал о раскулачивании в Сростках. О расстреле отца он знал по рассказам матери. Таинственное, полученное однажды письмо, конечно, не оправдало его предположений о том, что оно прислано родным отцом. Этот случай он рассказывал мне несколько раз.

Разговор о них, о «французах», как тогда говорилось, продолжался уже в моём обширном доме, где всё было, как и прежде. Мы скинули рюкзаки и затопили русскую печь. Четвертинку водки, спрятанную в моём рюкзаке, я поставил в шкаф. Далее сюжет развивался так: едва мы успели переночевать, радио объявило о Дне колхозника. Бабы позвали меня на общий праздник играть на гармонии. Шукшин идти отказался. Я не настаивал и дал ему несколько книг. Показал, где стоит чекушка и что поесть. Ушёл я «пировать» со старухами в крайний дом. Имевшиеся в наличии старухи и бабы, несколько мужичков из Тимонихи и Любанихи — вот и вся наша когда-то многочисленная бригада. Сдвинули два стола, разложили какие-то пироги. Бригадиром тогда был Вася Смирнов. По прозвищу Опалённый. Всё лицо у него в красных рубцах, горел в танке. Смирновым принесена была водка и чья-то гармонь. (Своей гармошки у меня в ту пору, кажется, ещё не имелось, или она оказалась неисправной.) Я так обрадовался встрече с земляками, что забыл и про гостя, которого одного оставил в своём доме. Вскоре

женщины затаили неизменного «Хас-Булата», перешли на частушки, а затем им захотелось и поплясать. Мне пришлось взять гармонь. Думаю, сыграю разок и домой...

Раньше плясали у нас во дворе, но когда гостей много, то переходили на пляску «кружком», то есть все вместе. Выкладывал я своё умение, старались и мои земляки, вернее, землячки. Мужчин было всего двое-трое, и они не плясали. (Сейчас, в 1999 году, я с ужасом обнаружил, что и землячек уже осталось в живых всего две. Моя родина вымерла.) Вдруг в бабьем кругу появилась высокая мужская фигура. Я обомлел — Шукшин! Он плясал с моими землячками так старательно и так вдохновенно, что я на время сбился с ритма. Но сразу выправился и заиграл от радости чаще. Не зная бабьих частушек, Макарыч ухал и подсказывал в пляске до потолка. Плясал же он правильно, так же, как наши бабы, я видел его пляску уже во второй раз, о первом расскажу ниже. (Позднее, когда смотрел фильм «Печки-лавочки», я окончательно убедился, что на Алтае пляшут точь-в-точь как и у нас на севере, с индивидуальными вариантами. Одинакова оказалась не одна пляска, но и многие песни и пословицы, и форма слогов, и названия упряжи или другой утвари. Родство с Алтаем было полным, причём не только с Алтаем, но и с Хабаровским краем. Немудрено: Ерофей Павлович, мой земляк, дал название железнодорожной станции. Валентин Распутин, побывавший на Вологодчине, тоже во всём улавливал это родство).

Шукшин плясал вместе с женщинами, пока в сенях не завязалась какая-то драка. Два мужика, пришедшие из Любанихи, сводили счёты, оставшиеся ещё с войны и связанные с женой одного из них. Драчунов успешно вытолкали из коридора на улицу. В горячке я тоже хотел быть частью «миротворцем», то есть ввязаться в конфликт, топорщился и азартный Макарыч. Тем временем бабы передали гармонь другому игроку, и я увёл Шукшина из толкучки домой.

Мы продолжили День колхозника уже вдвоём. Сидели за столом у окошка и пели. Спелись в прямом смысле: где забывал слова я, там вспоминал их Макарыч, где забывал он, там подсоблял я. И сейчас помню глуховатый его голос. Спели «По диким степям», «Александровский централ», «Шумел, горел пожар московский» и ещё что-то. Так оставленная в шкафу чекушка разбередила Шукшину душу; он не выдержал одиночества и прибежал в дом, где плясали женщины. Завершился День колхозника походом за речку, в гости к моему приятелю Фаусту Степановичу.

Личность моего приятеля была примечательна не только странным именем Фауст. Он был потрясающий рыбак. По-

клонник Сталина, он в самые азартные годы гонений на исторического вождя не снимал со стены газетную вырезку с его портретом. Сам он оставался колхозником, редко и нехотя работавшим в «коллективе». Всё время устраивался то пожарником, то дорожником. Моя мать не любила его как раз по этой причине, однако мои отношения с Фаустом Степановичем были почти всегда отличными, пока он не начал требовать от меня того, что от меня никак не зависело. Например, чтоб я снял с должности председателюшу. Мы рассорились с Фаустом как раз на этой почве, но в пору приезда Макарыча жили весьма дружно. Я даже устраивал Александра Яшина на ночлег к Фаусту, когда Яшин приехал ко мне в гости простуженным.

Помню, мы с Макарычем долго сидели у Фауста за самоваром, слушали рыбацкие и лесные истории. Мужик всегда изъяснялся образами, например: «Чего задумался? Пусть думает мерин, голова у него больше». Или: «В нашей конторе стуликов не хватает, дак сидят и на подоконниках». О равных сетях он говорил: «Наша рыба дыр не боится». Макарыч быстро нашёл с Фаустом общий язык, а Заболоцкий позднее дружил с рыбаком до самой его неожиданной кончины (Фауст пошёл утром поить лошадь и не вернулся, он умер в конюшне).

Мы с Шукшиным ушли от Фауста глубокой ночью. Фауст благословил нас свежей рыбы на завтрашнюю уху, я взял, сколько вместилось в кепку, и мы двинулись в ночь. Небо светилось от звёзд, а внизу стоял плотный туман. Полное безмолвие окутало мою родину. В ночи с севера на юг бесшумно летело какое-то яркое небесное тело. Мы приняли его за метеорит, но оно летело какими-то странными зигзагами, оно как бы кувыркалось в ночной мгле... Моя деревня мерцала в тумане всего одним огоньком. Лавы через речку оказались узки, я поскользнулся, поддерживая Макарыча, и мы оба полетели с них долой. Воды в речке было всего по пояс. Макарыч тотчас выскочил, а я долго ловил в темноте уплывающих рыбок. Они уплывали от нас по течению, но часть из них я изловил, и утром сварил из них уху. Печь к этому времени стала ещё теплей, и Шукшин полюбил это место, вспоминая своё детство. У меня было точно такое детство, только нас осталось безотцовщиной пятеро. Мы говорили о Яшине и Фёдоре Абрамове, о его повести «Безотцовщина».

На следующий день я истопил для Макарыча баню и повесил ему на печь керосиновую лампу. Вновь зашла речь «о них». Кто был Андропов, который дамукловым мечом висел над нашими темечками? Бог знает. Шукшин в тот вечер про-

читал кое-что из моих писаний и посоветовал закопать их где-нибудь в доме, где нет пола. (Позднее я так и сделал.) Сидя внизу, я услышал, как Макарыч рванул на груди рубаху...

Через три дня он начал торопить меня с отъездом. Мы ушли за семь километров в Азлу, выехали в Харовск на автобусе. В райцентре нас встретили районные слишком гостеприимные журналисты, и мы начали гуртом ходить «по избам», как выражалась Ольга Сергеевна. Ходили до архангельского поезда. Вечером мы покинули мой райцентр, но в Москве выгрузились без рюкзаков. Оба оставили поклажу в поезде. Я несколько раз писал в Архангельск и железнодорожному начальству в Москве. Ни из Москвы, ни из Архангельска ответов не последовало. Рюкзаки так и канули. Кто-то сильно обзарился на наши рукописи и пироги с рыбой Фауста Степановича. Шукшин лишился рукописи очередного киносценария, а я повести «Плотницкие рассказы». Ладно, что и у Макарыча, и у меня оказались дома вторые экземпляры.

И всё-таки наш вояж в Тимонику получился. Шукшин писал после поездки:

«Вася!

(До чего у нас ласковое имя! Прямо родное что-то. Хоть однажды скажи маме спасибо, что ты не Владимир, не Вячеслав, а — Вася. — **В.Б.**)

Здравствуй, друг милый!

Письмо твоё немного восстановило в душе моей «желанное равновесие». Ты — добрый. Как мне нравилось твое ВОЛОГОДСКОЕ превосходство в деревне! И как же хорошо, что эта деревня случилась у меня! У меня под черепной коробкой поднялось атмосферное давление. А ведь ты сознательно терял время, я знаю. И всё-таки: помнишь ту ночь с туманом? Вася, всё-таки это был не спутник, слишком он уж кувыркался. А внизу светилось только одно окно — в тумане, мгле. Меня тогда подмывало сказать: «Вот там родился русский писатель». Очень совпадает с моим представлением, — где рождаются писатели. Ну, друже, а за мной — Сибирь. Могу сказать, что это будет тоже хорошо.

У меня так: серьёзно, опасно заболела мать. Ездил домой, устраивал в больницу. И теперь всё болит и болит душа. Мы — не сироты, Вася, пока у нас есть МАТЕРИ. На меня вдруг дохнуло ужасом и холодным смрадом: если я потеряю мать, я останусь КРУГЛЫМ сиротой. Тогда у меня что-то сдвигается со смыслом жизни. Быт? Родной ты мой, ну, а что делать? Что делать?!?! Одному жить невозможно.

Не пишу. Ездил домой, потом ездил в Югославию. Кажется, это последний раз. Что меня посылают за границу. Я перепутал Белград с Тимонихой. Ну и чёрт с ними! И в России места хватит.

Тебе известно, что Ершов отказался от твоей повести? Я тебе говорил, что это... Не горюй, Вася. Глупо звучит, но не горюй.

Маня растёт. Обнимаю тебя. Шукшин».

В конце была приписка рукой Макарыча:

«И от меня тебе привет и здоровья, и радостей. Лида».

Даты на письмах он никогда не ставил, но это письмо было уже «зимнее». В своём письме ему я, вероятно, жаловался на свой быт. Можно бы прокомментировать каждую шукшинскую строчку. Стоит ли?

Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ

БАНЯ БЕЛОВА

Поэма

1

В не лучшем совсем состоянье своем
Я ехал к Белову в родительский дом.

Он сам торопился, Василий Белов,
Под свой деревенский, единственный кров.

И гнал свой «уазик» с ухваткой крестьянской
Сначала — по гладкой, а дальше — по тряской.

Везли мы с собой не гостинцы, а хлеб...
И ехали с нами Володя и Глеб.

Володя, в свой край нараспашку влюбленный,
И Глеб присмиривший, с душой затаенной...

В начале пути им попалась столовка,
Где жалко себя и за друга неловко.

Каких-то печальных откушали шей
И двинулись дальше дорогой своей...

И вот предо мною зеленый простор
Величье свое бесконечно простер.

Стояли леса, как недвижимые рати,
В закатном застывшие северном злате.

Сияли поля далеко и прозрачно...
Но было душе неуютно и мрачно.

Бескрайние эти, великие дали
Мне душу безмолвьем своим угнетали.

Я видел, как дол расстился за долом,
Какой-то сплошной тишиной заколдован.

И реки пустынные — Кубена... Сить...
Здесь некому вроде и рыбу ловить.

Среди их привольно катящихся волн
Хоть чья бы лодчонка, хоть чей-нибудь челн!..

Густела в полях вечереющих мгла.
И странные нам попадались дома.

Они величаво из мглы возникали,
Как будто их ставили здесь великаны.

Наверное, ставили их на века —
Такая во всем ощущалась рука.

Такое надежное крепище бревен...
Но облик их был и печален, и темен.

Ни света из окон, ни дыма из труб,
Безмолвен был каждый покинутый сруб.

И мрачно они средь полей возвышались.
Куда же хозяева их подевались?!

Но каждый об этом угрюмо молчит...
И молча мы едем в глубокой ночи...

Но вот наконец нас хозяин привез
В деревню свою под сиянием звезд.

По-черному топится баня Белова,
Но пахнет березово, дышит сосново.

На вид она, может, и неказиста,
Зато в ней светло, и уютно, и чисто.

Когда в ее недрах всколышется жар,
Она обретает целительный дар.

Она забирает и тело, и душу,
Все недуги их извлекает наружу.

Любую усталость, любой твой кошмар
Вбирает в себя обжигающий пар.

И, весь разомлев, ты паришь невесомо,
Забыв, что творится и в мире, и дома...

И с пышущей полки встаешь, обнажен,
Как будто бы заново в мире рожден.

Как будто бы весь начинаешься снова...
По-черному топится баня Белова.

И светлая взору предстала деревня,
Живая деревня в краю этом древнем.

Из сказки забытой, казалось, возник
Ее отуманенный временем лик.

Темнели на избах высоких узоры,
И окна синели, как жителей взоры.

Распахнутый миру — входи на порог! —
Под небом пустынным жилой островок.

Казалось, один он остался на свете
Затем лишь, чтоб путника в мире приветить.

Хоть много чего сохранить не смогла,
Но душу деревня еще сберегла.

Наверно, вовеки она не иссякнет,
Раз вынесла столько погибели всякой.

Наверно, вовеки она не исчезнет,
Раз столько еще и добра в ней, и чести.

Раз детская чья-то головка одна
С таким любопытством глядит из окна.

Раз может еще так глазами сиять
Анфиса Ивановна, Васина мать...

И сразу просторы исполнились смысла,
И небо иначе над ними нависло.

И дали, что с новой встречаются далью,
Уже не дышали такую печалью.

Все сделалось радостней, стало прочней —
Земля при деревне и небо при ней!

И мир не казался уже сиротою
Со всей необъятной своей широтою.

К деревне ведет и тропа, и дорога.
Еще так богата земля, и так много

И сил, и красы у земли этой древней...
Доколе лежать ей, как спящей царевне,

Доколе копить ей в полях свою грусть,
Пора собирать деревенскую Русь!

Пора возродить ее силу на свете —
Так пели и травы, и листья, и ветер.

Так думали поле, и речка, и лес,
И даль, что смыкается с далью небес.

Так думал, наверно, Василий Белов,
Что вел нас по отчему краю без слов.

Пора! — это Времени слышно веленье —
Увидеть деревне свое возрожденье.

А все, что в душе и в судьбе наболело, —
Привычное дело, привычное дело...

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2013 год
(Январь — июнь)

«Либерал» (и втройне — «либералка») — это самое отвратительное явление земной жизни. За деньги он готов на любое предательство, на любую подлость и любую мерзость. То, что не дает ему прибыли, он яро ненавидит. Впрочем, и то, что ему прибыль приносит, он ненавидит ничуть не меньше.

* * *

Слово «либерализм» является синонимом слова «воровство». Абсолютно все так называемые либералы по природе своей — мошенники и воры. Они отличаются друг от друга только тем, что одних схватили за руку, а других пока еще не схватили.

Либеральных «оппозиционеров» Б. Немцова, Н. Белых, Л. Гозмана, М. Гайдар, А. Навального уже таскают в прокуратуру по обвинению в мошенничестве и воровстве. Все они нынешние или бывшие члены СПС. Вот это и есть подлинная партия воров и мошенников.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Лица *неизвестной национальности*, прибывшие в Москву из *неизвестных мест*, 5 января ограбили почтовое отделение на улице Королева. Похищено 2 млн. рублей. Преступники скрылись до появления полиции.

В г. Невинномысске Ставропольского края 6 января чеченцы зарезали русского парня. Убийцы после задержания полицией были отпущены и скрылись. Молодежь Невинномысска попыталась устроить народный сход, однако местная власть получила другой приказ — не допустить. Город был наводнён иногородними полицейскими и ОМОНОм. Людей, пришедших в центр города, хватили по национальному признаку — по славянской внешности. Было арестовано более 150 человек, среди которых оказались несовершеннолетние и случайные люди. Этот террор никак не освещался в центральных СМИ, но Интернет — гудел, демонстрируя съемки полицейского беспредела на мобильные телефоны. Власть российская в очередной раз показала свою истинную злобно-русифобскую физиономию. Вновь с нее была сорвана «толерантная» маска.

Совершенно ясно, что главная задача полиции и местных властей — гасить возмущение русских.

21 января мы похоронили выдающегося русского писателя, ветерана войны Ивана Михайловича Шевцова, прожившего 92 года. Его романы «Тля», «Любовь и ненависть», «Во имя отца и сына», «Набат» и другие дали толчок к пробуждению в нашей стране русской национальной мысли и русского национального чувства. Он в своих книгах прямо, честно и смело показал разрушителей России и предсказал всё то, с чем мы столкнулись за последние 20 лет. Не случайно самый первый его роман «Тля», изданный в 1964 году, сразу же московской интеллигенцией был назван антисемитским, хотя о евреях в нём не говорилось ни слова. Русофобы прочитали книгу между строк. Ни в каких новостях по радио и ТВ не было сообщено о смерти И.М. Шевцова. Все новости в стране в эти дни начинались с сообщений о криминальной гибели и похоронах уголовного авторитета Деда Хасана.

На Троекуровском кладбище (кстати, там же захоронили и Деда Хасана) в честь И.М. Шевцова был выставлен почетный военный караул, был автоматный салют, был военный оркестр, игравший гимн России. Но не было ни одного сек-

ретаря Союза писателей. Было много венков от разных организаций. Но от Союза писателей не было ничего.

* * *

В Набережных Челнах 2 февраля 30-летний гражданин Узбекистана похитил, изнасиловал и убил восьмилетнюю Василису Галицыну. 5 февраля он был задержан и после предъявления улик сознался в содеянном. Но и это зверское, в тысячный раз совершённое преступление не заставит кремлёвскую власть даже подумать о введении визового режима со среднеазиатскими странами.

* * *

8 февраля Мосгорсудом Владимир Квачков осужден на 13 лет. Осужден не за какие-то деяния (это полный бред то, что ему вменили следователи, прокурор и судья), а за прямую, открытую позицию по отношению к этой власти. Он открыто и бесстрашно говорил, что Россию спасет только русская национальная революция. Власть испугалась этого бесстрашия и возненавидела его. Два года, пока он находился в следственном изоляторе, белыми нитками сшивали «дело» о подготовке им, отставным полковником, пенсионером, «вооруженного мятежа»... Смехотворность обвинений была ясна абсолютно всем, как Божий день. Но ненависть и страх заставляли *эту власть* судорожно шить «дело» и выбивать «факты» из запуганных «свидетелей обвинения».

Расул Мирзаев, убивший русского студента Ивана Агафонова, выпущен судом на свободу. Бывший министр «Табуреткин», разваливший армию и ограбивший военное министерство, как ни в чём не бывало разъезжает по Москве на дорогой иномарке, заглядывая в гости к своей подельнице Е.Васильевой... А боевой полковник В.В. Квачков, не совершивший никакого преступления против страны и народа, отсидев в СИЗО два года, приговорен к 13 годам колонии строгого режима — подальше от глаз этой временной власти.

Но есть и Высший суд, наперсники морального разврата...

* * *

9 февраля я присутствовал в Колонном зале Дома союзов, где проходил Первый съезд родителей России. Для многих присутствующих оказалось удивительным то, что на этот съезд неожиданно прибыл Путин и то, что он столь же неожиданно выступил там против ювенальной юстиции и новой школьной программы по литературе. Однако это его выступление вряд ли уже помешает внедрению в нашу жизнь

ювенальных законов, находящихся в Думе, как и новых образовательных программ. Не мытьем, так катаньем, не в дверь, так в окно, медведевский кабмин протащит разработанные для нас западными «партнёрами» законы и программы. (В декабре прошлого года Путин подписал новый закон об образовании.)

Организатор родительского съезда С.Кургинян в своем докладе использовал новые термины, которые, надо полагать, отныне станут крылатыми при определении *своих* и *чужих* — «**тутошние**» и «**тамошние**» (во всех следующих выступлениях эти термины были подхвачены). Что ж, очень удобно и, как многие выступающие посчитали, «очень образно»... Вот только слова «русские» и «русский народ» в его докладе не прозвучали ни разу.

Кургинян сиял от счастья по причине прибытия президента на организованное им шоу, показанное в новостях по ТВ. И всё было бы неплохо, когда бы не параллельно кургиняновскому съезду существующий казус: «тутошный» Квачков сидел в тюрьме, а «тамошние» члены кабинета (Медведев, Голодец, Ливанов...) сидели в Доме правительства...

* * *

Власть упорно делает свое подлое дело.

Медведевское правительство вновь упростило нахождение в России азиатских мигрантов. Оно идет двумя дополняющими друг друга курсами: раз за разом ужесточает наказание за «русский экстремизм» и планомерно, год за годом упрощает процедуру регистрации здесь азиатской орды.

* * *

Римский папа Бенедикт XVI отрёкся от ватиканского престола. Для многих простых людей это решение было очень неожиданным. Но знающие люди понимали, что его заставили это сделать. Римский понтифик оказался носителем слишком консервативных взглядов для нынешней масонско-либеральной европейской элиты. Он как глава Католической Церкви публично выступил против однополых браков, в то время как Англия и Франция приняли закон об официальной регистрации гомосексуальных семей, разрешающий им детское усыновление. Естественно, позиция папы встала поперек горла насквозь извращенному (морально и физически) европейскому истеблишменту. Помимо этого Бенедикт XVI осудил прошлогоднюю омерзительную акцию «бешеных» экстремисток в храме Христа Спасителя, а также назвал исламизм фанатичной религией. Понятно, что такие

поступки не могли остаться без последствий — «толерантно»-извращенная Европа их простить просто не имела права. Давление на понтифика было столь бесцеремонным и агрессивным, что он не выдержал и во второй раз за всю историю папского престола вынужден был отречься от роли «наместника Бога на земле».

В первую же ночь после отречения папы молния ударила в купол Собора Святого Петра в Риме...

* * *

23 февраля очень толерантные молодые дагестанские отморозки загасили Вечный огонь на Мемориале погибшим советским воинам в Астрахани, устроив там пляски с криками и свистом. Не менее толерантный российский суд некоторых из них за это вопиющее по кощунству преступление «наказал» 13-ю сутками общественных работ, а других — отдал на поруки их родителям...

Бывший чемпион РФ по боям без правил дагестанец Расул Мирзаев, убивший русского парня Ивана Агафонова и отпущенный толерантным российским судом на свободу после года отсидки в следственном изоляторе, получил разрешение на участие в соревнованиях и уже провел у себя в Дагестане несколько боев.

Своей безумной «толерантностью» российская власть демонстративно плюет в лицо каждому русскому человеку. Насильно навязанная нам сверху тоталитарная «толерантность» — это еще одна форма физического уничтожения русских, это инструмент морального подавления этно-«либеральным» меньшинством восьмидесяти процентов национального большинства России.

Да, такова их «толерантность», «справедливость» и судебная практика: 13 лет — защитнику Отечества Владимиру Квачкову (неизвестно за что) и 13 суток — мерзким ублюдкам, харкающим на святыни нашего народа.

* * *

В Америке приемной матерью убит еще один русский ребенок — трехлетний Максим Кузьмин. Американцы, согласно официальной статистике, убили 20 приёмных русских детей (это только то количество, которое им не удалось скрыть). Но давайте представим себе, что было бы, если бы русские в наше время убили 20 американских детей. Какой по всему миру стоял бы стон и вой! Какими словами была бы названа Россия и с чем и с кем Европа и Америка сравнивали бы весь русский народ!.. Я думаю, нашей фантазии не

хватит для того, чтобы найти эти **самые отвратительные и самые унижительные** слова, которые изрыгала бы из себя вся евро-американская политическая и журналистская орава (а с ними — вся российская этно-«либеральная» пятая колонна). Но вот из-за 20 убитых (на деле — лишь мизерной части забитых, ритуально замученных и отданных на органы) русских детей **ни у кого** ни в Европе, ни в Америке не шелохнулся ни один волос.

* * *

Наивные, доверчивые, как овцы, и до предела безграмотные русские обыватели опять охают и ахают: мол, что это такое, отчего снова в феврале месяце столько по всей стране похищенных, замученных и убитых детей? Тысячу раз им была названа причина, и сто миллионов раз она ими была начисто забыта.

Вот что пишет газета «Новый Петербург» (2013, №6): «Одна из самых страшных трагедий в России — без вести пропавшие дети. Согласно официальной статистике, за последние пять лет в розыске ежегодно находится порядка 55 тысяч детей... Исходя из статистики Следственного комитета при Прокуратуре РФ о том, что в среднем пропадает 15 тыс. детей в год, выходит, что порядка полутора тысяч пропадают бесследно. Каждый 30 минут пропадает один ребенок или 48 детей в день».

Как правило, детей похищают уголовники и рецидивисты. Но заказчики в большинстве случаев одни и те же...

* * *

Против членов правительства возбуждаются уголовные дела за мошенничество и коррупцию, а премьер-министр, как ни в чём не бывало, сидит в своем кресле и в ус не дует.

* * *

В России стало меньше еще на одну многодетную семью. В ночь на 3 марта в г. Каргалы Челябинской области в частном доме во время пожара сгорели отец, мать и трое детей. По сообщению СКР, *«причиной возгорания послужило неосторожное обращение с огнем»*. Ну кто бы мог в этом сомневаться?! На что-то иное фантазии следователей, естественно, не хватает. Видимо, о своем «неосторожном обращении с огнем» им по мобильнику среди ночи сообщили погибшие отец и мать... И очень удобную (для всех) версию Следственного комитета тут же растиражировали толерантно-либерально-демократические СМИ.

Сальвадор Альенде, Саддам Хусейн, Слободан Милошевич, Ясир Арафат, Муаммар Каддафи, Уго Чавес...

В Венесуэле погиб вождь Боливарианской революции. Именно погиб, а не умер «от рака». Он стал еще одной жертвой американской верхушки, уничтожающей истинных вождей своего народа. Он презирал Америку как фашистское, как самое безнравственное в мире государство. «Вчера здесь побывал дьявол, здесь еще пахнет серой», — сказал он с трибуны ООН после выступления там Буша-младшего.

Соратники Чавеса прямо говорили на весь мир, что его отравили американско-израильские спецслужбы. И действительно, мы помним его жизнерадостным, полным сил, энергичным, абсолютно здоровым человеком с сияющей белозубой улыбкой. И вдруг он сгорает в больнице за несколько месяцев... Его пытались спасти кубинские врачи и не смогли. Такое само по себе не происходит. И только российские этно-«либеральные» СМИ сразу же загалдели об обратном. Но мы-то знаем, что верить им нельзя **ни в одном слове**.

Он страшно мешал и был ненавистен Америке, как в свое время Фидель Кастро. Фиделя ведь тоже многожды раз пытались уничтожить те же нелюди. И тоже заражали раком. Но он сумел выжить. Команданте Чавес был открыт для своего народа, и к нему было легко подобраться врагам вождя всей Латинской Америки. Что они и сделали.

Телевидение показало похороны Чавеса. Казалось, все жители Каракаса вышли на улицу. Люди не скрывали слёз. Несколько суток народ шел на площадь у Музея Революции, чтобы проститься с телом любимого вождя. Так было в 1953-м в Москве, когда наш народ простался с телом Сталина. Простой народ знает своих вождей, и для него их смерть — это всегда огромная утрата, большая трагедия, искренняя душевная боль и щемящая тоска. Наш народ тоже плакал на улицах, когда погиб вождь, потому что он, народ, сразу почувствовал своё сиротство, потеряв отца и заступника.

А в Америке и у российских этно-«либералов» — праздник. Как же, «диктатор», «популист» и «антисемит» больше не бросит им в лицо жгучие и честные слова об их всемирной лжи, беспредельной алчности и бесчеловечной жестокости. «Либералы» по всему миру могут вписать еще одно имя в свой список ликвидированных «лучших гоев».

Следующий на очереди — Башар Асад. Список не окончен.

Как я и говорил в прошлогодних «Протуберанцах» о лицах *неизвестной* национальности, 10 марта в новостях появилось

сообщение: «Неизвестный ранил ножом шестерых человек на юго-западе Москвы и скрылся». Теперь все они, режущие людей на улицах русских городов, будут называться *неизвестными лицами*.

Только при власти «демократов» в России стали писателей судить за их книги. Как правило, писателей судят только за те книги, статьи или стихи, в которых они касаются «еврейского вопроса». Вот и думайте, что такое власть «демократов».

На мировом чемпионате по коррупции Россия все последние 20 лет неизменно занимает первое место и получает в подарок золотого тельца.

Дорвавшись здесь до власти, *они* осуществили свою заветную мечту: использовать большую страну для личного обогащения. Деньги, золото и власть — цель **каждого** их поступка, **каждого** телодвижения и **каждого** слова. А «свобода», «демократия», «плюрализм», «толерантность» и тому подобные прикрытия — это обветшалые, истрёпанные, забрызганные грязью и кровью декорации *их* главной цели. И при этом у *них* есть территория, где *они*, в случае чего, скрываются и откуда *их* никогда не выдают.

Я никогда не заблуждался насчёт российских президентов. Ни один из них не пробуждал моего доверия. Но после того, как Владимир Квачков неизвестно за что (с юридической точки зрения) получил 13 лет строгого режима, все разговоры о «патриотизме» Путина вызывают во мне резкое отторжение. (Хотя, конечно, все мы прекрасно понимаем, «за что» Квачков получил свой беспрецедентный срок.)

Стремительное падение двух думских говнюков — отца и сына Гудковых лишний раз подтвердило когда-то перефразированную мной пословицу: яблоня от яблока недалеко падает...

Как и следовало ожидать, судебные власти США в очередной раз не нашли вины приёмных американских родителей в смерти русского мальчика Максима Кузьмина. Трёхлетний ребенок, по решению суда, «сам нанес себе травмы, несовместимые с жизнью»...

К судебным властям Америки уже давно никаких вопросов нет и быть не может. Преступное государство, США, покрывает и оправдывает любую жестокость, любое живодерство по отношению к русским детям. Но есть множество вопросов к судебным властям России, равнодушно вззирающим на тех, кто продавал наших детей в Америку.

* * *

Нынешняя манера общения в теляшке состоит в том, чтобы перекричать другого. Не услышать, а перекричать. Любая дискуссия мгновенно переходит в еврейский гвалт — все кричат одновременно. Суть разговора не имеет значения, главное — успеть как можно громче и как можно больше слов выкрикнуть самому, чтобы привлечь к себе внимание телекамеры. Побеждает не тот, кто прав, а тот, кто наглее, и тот, у кого сильнее голос. Это тоже один из главных признаков специфической этно-«либеральной» демократии, внедрившейся в электронные СМИ.

* * *

В том перевернутом мире, который нам устроили «великие демократы» последнего двадцатилетия, действительно всё перевернуто с ног на голову: за реальное нападение на уральский поселок Сагра кавказские бандиты получили условные наказания, а за придуманный кем-то условный «военный мятеж» Квачков и Хабаров посажены на реальные многолетние сроки. Дагестанец Мирзаев, убивший русского студента, отпущен судом на свободу, а русская студентка Александра Лоткова, защищавшаяся от нападения в метро дагестанских отморозков и никого не убившая, осуждена на три года тюрьмы.

* * *

В Лондоне загнулся Березовский. «Доигрался, подлец», — сказал о Гитлере Сталин. То же самое, наверное, он молча сказал о Троцком. Теперь точно так же можем сказать и мы. Это плохой симптом для российских либералов и сбежавших в Лондон мошенников с двойным англо-израильским гражданством. Ни Литвиненко, ни БАБ скрыться от возмездия не сумели...

Как стало известно, за два месяца до смерти Березовский написал письмо Путину, в котором покаялся перед ним за свои «ошибки» в надежде вернуться в Россию. И по всей вероятности, шли переговоры о его возвращении. Более всего

это могло навредить Лондону, т.к. вскрылись бы очень многие факты деятельности английских спецслужб против России. И чтобы этого не случилось, БАБа скорее всего вывели из игры...

Его покаяния перед русским народом никто не услышал. Да оно было и не нужно нам. Всю жизнь играя, он в конце концов дешево проиграл. Зло, сотворённое им, его погубило.

Тот, кто финансировал мерзкую акцию бешеных маток (Березовский), поплатился за это своей мерзкой жизнью.

В марте этого года вновь всем стал виден и понятен еще один бесноватый русофоб — главред грязной просионистской газетёнки «Московский комсомолец» П.Гусев. Этот мерзкий тип уже несколько десятилетий издевается над русскими в своем непотребном «сексомольце», и только теперь Госдума обратила на него внимание — лишь когда в этой, с позволения сказать, газете вышла ехидная заметка под названием «Политическая проституция меняет пол». Никто бы из властных органов, как и прежде, на это обычное хамство «сексомольца» не обратил бы внимания, если бы в заметке не шла речь о трех женщинах-депутатках от «Единой России». В прежние годы власти не обращали внимания на не менее хамские «сексомольские» статьи, но тут Госдума возмутилась. Лидер «единороссов» Исаев назвал редакцию газеты мерзавцами и вызвал Гусева на телевизионный поединок в одноименной передаче В.Соловьева. Но тот, естественно, струсил и не пришел. Думцы потребовали отставки Гусева со всех должностей — в газете, в Союзе журналистов Москвы и в Общественной палате за оскорбление депутатов, за размещение в каждом номере газеты объявлений об услугах сексуального характера (что весьма характерно для «комсомольских сексомольцев») и за публикацию проплаченных материалов (что было подтверждено телевизионными роликами). Вопрос даже встал об изгнании газеты из занимаемого здания. Мерзкий Гусев вертелся, как уж на сковородке, крича в телекамеру, что авторство выражения «политические проститутки» принадлежит не кому-нибудь, а «великому Ленину»...

Но, как и ожидалось, пошумев и погрозив, думцы угомонились. И сексомольскому русофобу опять всё сошло с рук.

* * *

Среди российского населения отношение к сидящим за решеткой двум бесовкам из «Пусси Райт» разделилось на две примерно равные части: одна часть за их досрочное освобождение, другая против. Этот факт как раз и говорит о моральной деградации нашего общества или, мягче говоря, о его нравственной незрелости. Оказывается, половина населения страны безразлично относится к оскорблению наших национальных святынь, к надругательству над ними. Или, по меньшей мере, в своем невежестве не понимает этого. Но вот что удивительно и даже показательно для нас: там, в заключении, отношение к этим глумливым «танцовщицам» совсем иное.

Вот что пишет на Русской народной линии священник, протоиерей Димитрий Арзуманов, не раз бывавший в той колонии, где отбывают свой срок Толоконникова и Алёхина: «Женщины из «Пусси» увидели лишь в заключении реальное отношение к себе простых людей. Там их встретили в такие штывы и так остро, отчего четко проявилось негативное отношение русского народа к их поступку. Они этого не ожидали. Там сочувствия к ним не было ни малейшего. А в местах заключения пребывает полный спектр современного общества: и простецы, и хитрецы. Но так или иначе, сочувствия «Пусси» у них не встретили. Это реальные отклики, а не монтаж либеральных СМИ».

* * *

В селе Новомихайловское Ставропольского края в своем доме ночью сожжена еще одна многодетная семья: двое родителей и трое детей. Четвертый ребенок — годовалая девочка — исчезла. Практически ежедневное ритуальное убийство русской семьи. Через день ни в каких СМИ об этом уже не упоминалось. Сообщили — и забыли.

* * *

В стране тысячи чиновников ежедневно воруют миллионы и миллиардами, а Путин с Медведевым то и дело улыбаются с экрана. Да за одного Сердюкова премьер и президент должны были каждый Божий день каяться перед народом, если уж не в силах уйти в отставку. Но сколько других «сердюковчиков», что помельче, посажены в чиновные кресла и тащат, тащат, тащат в свои безразмерные карманы!.. И позволяет им это делать та самая преступная система жизни, которую, как зеницу ока, охраняют премьер и президент...

Нам готовят в России новую гражданскую войну. Умышленно это делают или нет — для нас теперь не имеет значения. Факт заключается в том, что «они» это делает. «Они» придумали новый способ оккупации России и ликвидации русских.

Ставрополье и Краснодарский край уже созрели, чтобы взорваться от межнационального противостояния, поощряемого и одновременно усиленно скрываемого кремлёвской властью и центральными СМИ от остального населения страны. Распоясавшиеся «лица кавказской национальности» нагло и жестоко выдавливают русских из этих регионов при равнодушном бездействии местных властей и при их жестком подавлении любого русского возмущения и сопротивления.

Москва и область превратились в огромные анклавные пристанища кавказских и среднеазиатских банд, ежедневно и ежечасно грабящих и убивающих людей при свете дня. Ночью же столица стала полностью их национально-криминальным городом, в котором на улицах лучше не появляться. Опять же — при лениво-безразличном пофигизме полиции.

Каждый день в Москву беспрепятственно едут тысячи и тысячи азиатско-закавказских мигрантов, занимая подвалы и чердаки жилых домов и норы на рынках, скупая комнаты в общежитиях или бытовки на стройках. Их гонит сюда безразличие московской власти и возможность быстрой наживы. Все разговоры о введении визового режима с азиатско-закавказскими «независимыми странами» Кремль не слышит, игнорирует или демагогически отвергает. Может, там, в Кремле, сидят глупые люди, не понимающие, к чему это ведет? Вряд ли. Дураков и полных идиотов там, наверное, всё-таки нет. Тогда что же? Перечитайте первую строчку этого «протуберанца».

Треть города Сочи — уже мигранты.

Всё, что говорят и делают т.н. «либералы», они говорят и делают с ехидной улыбочкой. То есть они прекрасно понимают, что говорят и делают подлость.

«Вечерний Ургант», «Аншлаг», «Дом-2», «Большие танцы», «Две звезды»...

Радио «Маяк» заливается хохотом через каждое слово.

В середине апреля в городе Жуковском в собственной квартире был найден мертвым 60-летний ученый из Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) Константин К. Его тело с ножевыми ранениями обнаружили родственники.

По сообщениям СМИ, за последние полгода произошла серия убийств сотрудников ЦАГИ и связанных с ним научных учреждений и заводов. Три месяца назад в том же Жуковском также ножом был убит другой сотрудник ЦАГИ, известный исследователь аэродинамики, 70-летний Геннадий Павловец. Он был и одним из создателей современных гражданских самолетов, в частности, среднемагистрального самолета Ту-204, тяжелых транспортных самолетов Ан-124 и Ан-225. Эксперты обнаружили на теле погибшего множественные колото-резаные раны.

За несколько дней до убийства Павловца в подмосковном городе Щелково было найдено тело ученого из наукограда Королева — 32-летнего заместителя генерального директора по экономике и финансам ОАО «НПО измерительной техники» Алексея Фролова, жестоко изрезанного ножом. Его фирма, производящая телеметрическую и датчиковую аппаратуру и микроэлектронику для ракетно-космической техники, выполнявшая многочисленные заказы Минобороны, была также тесно связана с ЦАГИ.

За два дня до убийства Фролова в Республике Марий Эл был зверски зарезан вместе со всей семьей начальник 1-го отдела ОАО «Волжский электромеханический завод», который входит в состав крупнейшего российского объединения военно-промышленного комплекса ОАО «Концерн ПВО Алмаз-Антей». И концерн, и завод были связаны с ЦАГИ.

Война уже идёт. Но обыватель о ней не знает и ее не видит.

* * *

Война с народом не утихает ни на день. Вновь нам объявили о массовом сожжении людей. На этот раз в подмосковном поселке под Дмитровом. Как обычно это происходит, ночью сгорела психиатрическая больница вместе с пациентами и двумя медсестрами. 38 жертв. Одноэтажное деревянное здание мгновенно было охвачено пламенем. Пожарные приехали лишь через час, когда больница уже догорала. Спаслись только три человека.

То, что это — поджог и диверсия, ясно лишь местным жителям. Официальная версия, по утверждению диффамационных СМИ (как им и положено), — «непотушенный оку-

рок». Этот «Непотушенный окурок» стал самым раскрученным в этно-«либеральных» СМИ диверсантом по устройству самых страшных пожаров за все «демократические» годы в России с десятками и сотнями заживо сгоревших. Типа Джеймса Бонда.

Родственникам заплатят по 500 тысяч, и через неделю наше сознание переключат на новые трагедии и новые жертвы.

После бостонского теракта в США, когда погибли три человека, москвичи несли цветы к американскому посольству. Но что-то мы не слышали ни из ящика, ни из «Уха Москвы», чтобы американцы положили хоть один цветок к нашему посольству после сгоревших в огне 38 человек.

* * *

На XX съезде КПСС абсолютно все делегаты-коммунисты, т.е. стопроцентно, проголосовали за вынос из Мавзолея тела Сталина. С одной стороны, казалось бы, удивительно, что не нашлось **ни одного** коммуниста, проголосовавшего против. Но с другой стороны, если вдуматься, ничего удивительного в этом факте нет. После смерти Сталина шкурные и карьерные интересы овладели умами практически всех партийных чиновников и поощряемых властью отдельных рядовых коммунистов. С этого момента и началось перерождение партии, пришедшее к закономерному итогу — горбачёвщине и гибели СССР.

* * *

В два часа ночи 9 мая в Ростовской области возле города Белая Калитва пущен под откос железнодорожный состав с нефтепродуктами. Сошла с рельсов 51 цистерна, несколько цистерн взорвались, двенадцать — сгорели. Были повреждены ближайшие жилые дома. Пострадали более 50 местных жителей. Но ни в каких СМИ даже не заикнулись о диверсии. Всё было списано на «ошибку машинистов».

* * *

Охота на многолетние семьи идет по всей стране. В ночь на 12 мая в поселке Еловое Красноярского края в частном жилом доме сгорели шесть детей, ночевавшие без родителей. Тут же всезнающие информагентства всех заверили: «Пожар мог произойти от замыкания электропроводки». Сказка о «непотушенном окурке», о котором знают все агентства и все СМИ, на этот раз пройти никак не могла...

В нашей стране, наверное, только малым детям да победительницам конкурса красоты неизвестно, что военная организация под названием СМЕРШ (Смерть шпионам) во время Великой Отечественной войны, кроме шпионов и диверсантов, отлавливала в армии мародёров и предателей Родины. И нет ничего удивительного в том, что чубайсовский выкормыш Л. Гозман ненавидит СМЕРШ, сравнивая его с преступной нацистской организацией СС. И было бы странно, если бы было иначе. Гозман и есть тот самый мародёр и тот самый предатель Родины, с которыми во время войны боролся СМЕРШ. Причём в самом что ни на есть прямом смысле.

Во-первых, мародёрствует Гозман в чубайсовском «Роснано», разворовывая бюджетные деньги. Во-вторых, — мародёрствует, касаясь нашей истории, обворовывая благодарную народную память и всех, кто ковал великую Победу. А то, что он и защищающая его этно-«либеральная» шушера — предатели России, ясно каждому, кто хоть раз слышал его ехидно-подлые высказывания о нашей стране. Так что ему действительно есть отчего ненавидеть СМЕРШ.

Живи он 70 лет назад, ему вряд ли пришли бы в голову эти «смелые» сравнения. В отличие от эсэсовцев (не имевших никакого отношения к германской контрразведке) контрразведчики-смершевцы не стали бы из Гозмана делать абажуры, но передали бы его в НКВД, а там по приговору военного трибунала, как и положено, пустили бы ему пулю в затылок — за мародерство и предательство. А попади он в руки СС, даже не мародёрствуя и никого не предавая, как говорится, собственной кожей почувствовал бы разницу между одними и другими... И висел бы он сейчас в виде абажура в кабинете какого-нибудь бывшего оберштурмбаннфюрера СС...

Вслед за легализацией однополых браков и разрешения этим «супругам» усыновлять детей Европа уже обсуждает легализацию инцеста (половые отношения родителей с детьми и между всеми родственниками). Следующим шагом Европы станет легализация педофилии.

Не могу вновь не повторить: Запад спасти нельзя.

11 июня Госдумой был принят в третьем чтении закон о запрете пропаганды гомосексуализма среди подростков. Де-

путаты поддержали закон почти единодушно. 436 из них проголосовали «за», и только один думско-сколковский аферист (Л. Пономарев) — воздержался, а другой юный словоблуд (Д. Гудков) — отказался от голосования.

Но что тут началось в «либеральных» СМИ! Вой стоял такой, как будто всем им прищемили причинное место. Похоже, прав был Григорий Климов, писавший в своих книгах о том, что **все** этно-«либералы» — латентные гомики!

* * *

13 июня во время посещения Еврейского музея в московском «центре толерантности» (и это показали во всех теленовостях), Путин сказал, что при большевистском режиме власть на 85% состояла из евреев и что они терроризировали всё российское население. Эти слова евреи, в чёрных шляпах окружавшие Путина, молча, с подобострастной улыбочкой проглотили. Знают, где и что глотать...

Когда то же самое говорили и писали мы, они тут же обвиняли нас в антисемитизме. Теперь же мы имеем полное право ссылаться на президента РФ...

* * *

Когда я вижу дурака (а чаще всего дуру), неотрывно держащего мобильник возле уха или что-то бесконечно в эту коробку говорящего, мне абсолютно ясно, что это не просто условный дурак, а реальный недоумок.

Умный человек говорит по мобильнику не более двух-трех минут, причем исключительно по делу. Но на каждом шагу мы слышим пустое сотрясение воздуха (нередко вперемешку с матерщиной) — в автобусах, в метро, на улице... И это стало повальной, умопомрачительной, мобильно-заразной эпидемией.

* * *

В Ростове и Ростовской области более ста детей подверглись заражению вирусом менингита. Несколько человек умерли, а несколько находятся в реанимации. И никаких сообщений о расследовании причин этой привнесённой болезни. В радионовостях изо дня в день только сухая констатация фактов: выявили 30, выявили 45, выявили 70, выявили 120 зараженных вирусом менингита... Слово перед кем-то отчитываются...

* * *

Вслед за Ростовом вспышки энтеровирусного менингита у детей произошли во многих городах России вплоть до Москвы. Только в одной Липецкой области с этой инфекцией

были госпитализированы более 200 человек (90% — дети). Этот вирус не может вот так прыгать из одного города в другой через сотни, а то и тысячи километров, он распространяется медленно, через соприкосновение людей. А тут — сразу во многих городах и областях. Это, как считают специалисты, явно искусственное распространение штаммов серозного менингита. Причем охвачены этим вирусом исключительно русские области России.

* * *

Эксперт по Сирии журналист Марат Мусин через Интернет сообщил, что, по оценке международной ассоциации «Антитеррор», в Москве и Санкт-Петербурге находятся десятки тысяч боевиков-ваххабитов. Мы можем сами себе задать вопрос: какова их цель, для чего они здесь сосредоточены? И вряд ли мы ошибёмся, если предположим следующее: все они имеют задание по дестабилизации жизни основных российских городов, подготовке и совершению терактов и диверсий на дорогах, в транспорте, на предприятиях, военных объектах, в медучреждениях, жилых помещениях и т.д. Кто еще не ослеп и не одурел от пива, телебоевиков и попсы в наушниках, тот увидит, что вся торговая сеть здесь взята под их контроль. А кто имеет способность хоть к какому-то анализу, тот понимает, что финансирование они получают как из-за рубежа (в том числе через НКО), так и из бюджета страны.

* * *

На всех каналах «либерального» радио стоит повседневно-нескончаемая ржачка. Их ведущие ржут и гогочут через каждые два-три слова в любое время суток. Так, после принятия Думой закона о запрете пропаганды гомосексуализма среди подростков С.Доренко на своей «Русской службе новостей» несколько дней подряд обсасывал тему орального и анального секса — и ржал, как молодой мерин. На «Маяке», о чём бы ни шла речь, кроме общего гогота ведущих, уже невозможно разобрать ни одного слова. А на «Эхе Москвы», похоже, основная задача всех говорящих — высмеять любую обсуждаемую тему, любую затронутую проблему, любое событие и любой возникший вопрос, то есть — представить Россию идиотской страной, а ее людей показать полными и законченными кретинами.

* * *

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... Как только стало ясно, что на саммите Большой восьмёрки в Северной Ирландии натовским ястребам не удалось сломить Путина по вопросу

отказа от поставок оружия законной сирийской власти, в этот же день (18 июня) у нас произошла очередная диверсия на складе боеприпасов — под Самарой...

Один погибший на этом полигоне оказался охранником, гражданином Узбекистана. И вот что удивительно: на стратегическом объекте, где хранились миллионы единиц боеприпасов, сотрудником охраны был гражданин другого государства... Как такое возможно?

* * *

В июне я побывал в Болгарии с делегацией московских журналистов. Мы проехали половину страны, повидали многие города и памятники истории. Меня удивило то, что все поля Болгарии — засеяны, на пастбищах пасутся стада, у грандиозного памятника Алёше в Пловдиве лежат свежие цветы, что в отелях, где мы останавливались, то и дело встречаешь русских и что отношение к нам, русским, искренне приветливое и отзывчивое. Болгария сохранила свою валюту — левы и свой национальный напиток — ракию. В городах чисто и уютно и нигде нет никаких гастарбайтеров. Болгары всё делают сами. Капитализм страну не исковеркал и не испохабил. То есть нормально жить можно при любом строе, если власть заботится о своем народе и своих национальных интересах. И там все знают: Болгария — для болгар, хотя жить и отдыхать в ней могут любые желающие...

* * *

Болгария очень заинтересована в русских туристах. Отели на побережье — от трех до пяти звезд, их менеджеры знают русский язык, пляжи замечательные, при каждом отеле — свой бассейн, лечебные процедуры, питание прекрасное, отношение к нам такое же. В Болгарии всё намного дешевле, чем в России. Климат мягкий, близок к нашему. Спрашивается: какого чёрта российский обыватель миллионным потоком прёт жариться и травиться в Турцию и Египет?..

* * *

23 июня было сообщено о найденных в Свердловской области телах двух девочек 11 и 12 лет с признаками жестокого убийства. Тела были обнаружены в реке Ляле с колото-режаными ранами на груди, шее и спине — то есть с явными признаками ритуального умерщвления.

25 июня в Иркутской области пропали две девочки трёх и четырёх лет.

СМИ сообщили и больше об этом не вспоминали.

* * *

В конце июня в оздоровительном лагере «Таватуй» Свердловской области отравились более 90 детей. Детей госпитализировали, а лагерь был закрыт. Оказывается, в нём не было никакого санитарного контроля за приготовлением пищи и качеством продуктов питания. А работники столовой вообще не подвергались какому-либо медицинскому обследованию. Гайдаро-чубайсовский капитализм, демократия и либерализм во всём своем блеске.

* * *

Мои «Протуберанцы» начались в 2005 году с воспоминаний о Татьяне Глушковой. Продолжу их и теперь.

Татьяна Михайловна родилась в 1939 году в Киеве. Ее родители были физиками-рентгенологами, и сразу после начала войны их институт был спешно эвакуирован, а маленькая Таня и ее бабушка остались под немцами и пережили оккупацию в украинском селе. Только в мае 1945 года семья вернулась в Киев, но родители Тани прожили недолго, так как работа рентгенолога в то время неизбежно была связана с лучевой болезнью. В 13 лет она осиротела.

Таня на всю жизнь запомнит послевоенный полуразрушенный Киев, и, став поэтом, она неизменно будет возвращаться в стихах к тем картинам, запечатленным в детском сознании. А в конце жизни напишет замечательную книгу воспоминаний о том времени и впечатлениях своего детства.

В 20 лет она поступила в Литературный институт и навсегда перебралась в Москву. По окончании института работала экскурсоводом в Михайловском. И с тех пор любовь к Пушкину, огромная тяга к его духовному наследию будут вести по жизни Татьяну Глушкову до конца дней. Ее творческое кредо найдет концентрированное выражение в прозренческой мысли о том, что в русском искусстве и шире — во всей русской культуре XIX и последующих веков есть только одна наивысшая, объединяющая всех традиция — пушкинская.

* * *

Татьяна Глушкова поначалу дружила с Юрием Кузнецовым и Вадимом Кожинным, который в 80-е годы всячески раскручивал Ю.Кузнецова как поэта, превознося над другими. Но быстро поняв, куда русскую поэзию заводит «кузнецовщина», она порвала с ними отношения. В 1987 году Татьяна Глушкова опубликовала разгромную статью о стихах Кузнецова в своей книге критики «Традиция — совесть поэзии».

Она любила принимать гостей, любила готовить, устраивать многолюдные чаепития и отмечать праздники. Чуть ли не вся русская творческая элита перебивала у нее в гостях. Приходил к нам с Татьяной и Анатолий Передреев. У них были очень добрые отношения. Он вел себя с нами на удивление тихо, мирно, даже интеллигентно, что, глядя на него, казалось просто поразительным. Обычно в буфете ЦДЛ уже после первых двух рюмок он почти всех окружающих называл болванами и идиотами.

Лучшей подругой Татьяны была поэтесса Светлана Кузнецова, а верным ее товарищем был поэт Владимир Цыбин. Из всех, названных мною, в живых уже нет никого.

Мы с Татьяной бывали в гостях у Петра Палиевского, Анатолия Сафронова, Ст. Куняева, Всеволода Сахарова (литературоведа). Однажды в ресторане ЦДЛ (в знаменитом Дубовом зале) к нам за стол подсел Евтушенко (к Глушковой он относился с пиететом) и проболтал с нами весь вечер. Пил он исключительно белое сухое вино, читал новые стихи, произносил какие-то многословные тосты, после которых, отглотнув вина, лез целоваться.

Но вот А. Вознесенского она на дух не переносила, считая его насквозь искусственным, выморочным графоманом, целенаправленно раздутым русофобствующей критикой.

Как-то летом в Доме творчества «Малеевка» наш номер в главном корпусе оказался рядом с номером Беллы Ахмадулиной. Белла, вся нарочито манерная, вызывающе изысканная, при встрече с Татьяной как-то сразу обмякала, сбрасывала манерность и начинала заискивать перед ней. Татьяна и впрямь знала цену всей этой ахмадулинской изысканности. Она рассказывала мне, как в молодости ее не раз приглашали на домашние «элитные» поэтические тусовки с участием Ахмадулиной, на которых та упивалась до такого безобразного состояния, что наутро от стыда боялась поднять глаза на присутствующих. Сталкиваясь с нами в холле главного корпуса, Белла тут же начинала лепетать что-то вроде этого: «Ой, Танечка, вы знаете, я иду кормить собачек, там есть такие маленькие, такие голодные, такие беззащитные...» и показывала целлофановый пакет с остатками еды из столовой. Действительно, все бездомные собаки сбегались к ней, когда она выходила из корпуса.

* * *

Несколько раз мы с Татьяной жили и работали в Доме творчества писателей «Дубулты», что был в Юрмале, на берегу Рижского залива. В тихую погоду мы с ней любили гулять по

ровному песчаному берегу под крики бакланов и чаек. Но гораздо чаще Балтийское море было беспокойным, штормило и бушевало, особенно по ночам. Первое время шум и рокот волн не давали мне заснуть, я вставал, выходил на балкон, вглядывался в темноту волнующегося моря, затем садился за стол и пытался писать стихи.

Татьяна открыла мне красивейший город — Ригу с ее непривычной для нашего зрения западной готической архитектурой, которая меня завораживала и увлекала, манила в глубь незнакомых улиц и переулков. Я был тогда влюблён в этот город, хотя то и дело пересекался с неприветливыми, колкими взглядами латышей...

Звучащий орган в Домском соборе, «три брата» — три острых шпиля с изогнутыми спинами котов наверху, красноствольные сосны Райниса на берегу залива, песчаные дюны, усыпанные цветущим вереском, холодно серебрящаяся Даугава — всё это, подаренное мне Татьяной, навсегда осталось в моей памяти. И тогда же всё это запечатлелось в моем лирическом цикле «Латвийский берег».

В издательстве «Алгоритм» вышла отдельным изданием книга Валерия Хатюшина «Протуберанцы. Размышления и воспоминания». Во вопросу приобретения книги звонить: 8 (495) 605-08-58; 8 (495) 543-87-93.

ФАТЕЙ

Памяти Фатей Яковлевича Шипунова (1933 — 1994)

Русское воспоминание о ком-то — это как свеча в Церкви. Вот и я зажигаю свечу памяти и освещаю ею Фатей Яковлевича Шипунова. О, это был великий человек. Великий. Он никого не боялся. Выходил на трибуну Академии наук и общал академиком, что они-то, судя по их возрасту, не доживут до гибели планеты, но пусть хоть внуков пожалеют.

Мы познакомились в конце 70-х. Он позвал меня в поездку по Северу, по такому маршруту: Вологда, Феропонтов, Белозерск, Нилова пустынь, Кострома, Ярославль, Иваново, Владимир. Потом мы ездили в Калугу, Оптину пустынь, Елец, Куликово поле, Рязань, Тулу... много куда ездили. Вид его был незабываем: волевое лицо русского, выросшего на Алтае, брезентовая куртка, сапоги. Везла нас машина академии. Чтобы нас не задерживали, Фатей прикреплял по диагонали ветрового стекла голубую фосфоресцирующую ленту с надписью: «Осторожно — радиация! Академия наук». Эта лента действовала всегда. На Севере тогда был коллективный побег уголовников из лагеря, все машины останавливали патрули, обыскивали, но

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

мы ехали насквозь. Другой его прием был такой: когда мы выбирали место для ночлега и это кому-то не нравилось, Фатей доставал карту (обычно самую примитивную, туристскую), глядел на нее, на местность и сообщал: «Будем бурить». Тут нас были готовы чем угодно накормить-напоить, на перины уложить, чтоб мы только не бурили.

Знания Фатей были не только энциклопедическими, но и вообще всеохватными, они были где-то в нем, и он брал любые, в любое время «из себя». Помню, у впадения Непрядвы в Дон мы увидели стреноженных коней. Фатей тут же прочел лекцию, он всегда говорил, как диктовал, четко раздельно: тезис — антитезис — вывод, лекцию о конской упряжи, стременах, удилах, металле для удил и об аппарате для срезания травы зубами лошади и зубами коровы. Что вы думаете, кто более вреден природе — лошадь или корова? Увы, лошадь, она выгрызает траву до корня, нельзя пасти дошадей в поймах рек, реки мелеют, берега размываются. А толщина коровьих губ сохраняет жизнь травинки. Татарская конница начала губить Волгу еще за семь-восемь веков до строительства гидроэлектростанций. Тогдашние татары-лодыри сено не косили, пасли коней у реки, чтоб и на водопой не гонять, а к зиме нападали, знали, что русские кормов для скота наготовили вдоволь.

У Фатей была командная привычка (или командирская), когда он, привезя нас куда-то, например, в Иосифо-Волоколамский монастырь, прочтя лекции у могилы Малюты Скуратова («...таким образом, смерть митрополита Филиппа Колычева была планетарным сдвигом, который привел Россию к необратимым последствиям...») или на поле под Молодями в Подмоскowie («...поэтому, по значению победы великого военачальника средневековья Воротынского, это поле мы можем приравнять к полю Бородинскому...»), или еще куда, прочитав кратко, конспективно, тезисно необходимое для нас знание, он говорил: «Здесь, именно здесь история России. Тут надо быть часами в безмолвии, размышлять, сопоставлять и делать выводы... — Тут он смотрел на часы и приказывал: — Через двадцать минут быть в машине».

Научных авторитетов у Фатей не было. Может быть, немного Вернадский и Чижевский. Им он позволял хоть как-то иметь свое мнение. Флоренскому отводилась роль богослова, вынужденного философствовать, Федоров для Фатей был «румянцевским мечтателем», вообще не было фамилии ученого, историка, писателя, которого Фатей бы не знал и не ставил на свое место. Из современников Фатей уважал Валентина Распутина и Василия Белова. Распутина больше, так как Распутин

его слушал, а Белов, согласно своему характеру, с первой же минуты кинулся спорить с Фатеем, а Фатей этого не любил. Во всех научных центрах: Черноголовке, Обнинске, Протвино Фатей, конечно, знали, знали его труды по ноосфере (то есть по сфере разума). Молодежь шла за Фатеем, старшее поколение с ним старалось не встречаться и на всякий случай обзывало поверхностным популистом.

Да еще двум историкам современности, Льву Гумилеву и Николаю Яковлеву, Фатей позволял совместно с ним работать. Он их приглашал на свои семинары в институт морфологии растений, на свои знаменитые семинары. Знаменитые тем, что на них, в отличие от диссидентских московских кухонь, говорилось всё в полный голос и гораздо резче. Вообще для меня загадка, почему его оставили на свободе. За гораздо меньшие разговоры, за пустяки, в общем, забирали, а Фатей говорил, что хотел, а говорил в защиту России. В том числе и о безопасности России: «Человек может спастись только в государстве, — говорил Фатей, — значит, и у государства должна быть служба безопасности. Но вот посмотрите, как масоны слопают всю эту безопасность».

Отлично помню, как на семинарах Фатей забирался в своих сапогах повыше, и всем было ясно, что это он дал возможность высказаться тому же Гумилеву. Да не просто дал, а даже и вдохновил на написание трудов про этносы, субэтносы и суперэтносы, а также про пассионарные вспышки людей, обществ, наций, государств. Гумилев, человек с юмором, в споры с Фатеем не вступал, да и Фатей Гумилева не трогал, они, как владельцы породистых собак, стравливали своих аспирантов. О, тут летели искры!

Авторитет у Фатея был один — космос. «Хаос, — говорил он, — всегда от человека, космос — это гармония, высший порядок и целесообразность. Мы, люди, посланы в материальный мир, чтобы одушевить его. Человек руководит природой. И она по космическому устройению подчиняется человеку. Но какому? Только тому, кто есть образ и подобие Божие. От пьяного хозяина собака бежит, на него лает. Так и природа — землетрясения, грозы, засухи, наводнения... Это не природа сошла с ума, она потеряла хозяина, мается, она ненормальна из-за нас».

Когда мы заезжали, заходили в церкви, ставили свечи, Фатей тоже ставил и тоже крестился, но у него и религия была подтверждением его убеждений. В Задонске, в Тихоновой пустыни, тогда была психиатрическая лечебница, женская. Мы пошли к источнику. Сам источник был, но окружал его не мрамор, как прежде, а трава. Креста над источником не

было. За нами шли больные. Попить было не из чего. Что делать? Хоть и помнили мы уподобление пьющих прямо из реки скотам несмысленным, но пить-то надо было. Черпая ладошкой, напились. Тем временем больные расположились кругом вокруг источника и тоже стали пить. Одна даже просто лакала, смеялась и фыркала. Подавленные, мы шли обратно. Но Фатей и тут сказал, что эти люди раскорректированы, но несколько иначе, чем вся жизнь, что разумом они напоминают руководителей советской науки и культуры, только тем подсказывают, что говорить, что делать, и приносят боржом со стаканом. Слово «коррекция» он употреблял часто.

— Космос не допустит гибели земли, в свое время внесет коррекцию в земную жизнь. Это будет стоить большой крови. Но кровь — единственная плата за вразумление. Космос уже вмешивался в жизнь России при Рюриковичах, когда поставил нас меж востоком и западом, выживив главное в России — сохранение планеты. Вмешивался в предрюликовское время и во время самой битвы. Почему Ягайло не пошел на Дмитрия? Почему Тамерлан повернул от Ельца? Космос в лице Божией Матери, чтоб ему было понятнее, сказал ему: «Уходи». В России нет заразы содомского греха, а Тамерлан его истреблял. Почему победил Воротынский при Молоди? Почему Россия вышла из Смутного времени? Почему Наполеон бежал из захваченной столицы? В Кремле сидел, французские кони в Успенском соборе, это как? И что? И позорно бежал, проникся страхом. Осевые линии времен всегда шли через Россию. Батый, Чингисхан протыкали пространства как шилом, а здесь гибли. Почему? Кони сыты, воинов полно, рожают непрерывно, плодятся как кролики, рабы со всего света, а на России низводятся к нулю. А хазары, их остатки — это караимы в Крыму. Хазарский каганат — да это же империя. Организация, власть, религия, золотом забиты под потолок, и что? И сломали зубы о Святослава. Кто помог, кто внес коррекцию? И вот, — Фатей был скуп на жесты, но тут ораторски вознес руку, — вся эта мерзость запустения, которая в нас и вокруг нас, — это следствие попытки космоса дать нам свободу воли. Бесы сильнее нас, это в такие периоды выясняется отчетливо. Они не спят и не устают, они действуют непрерывно, челночно и конвейерно. Все разворовано, разрушено, загажено.

Фатей едет в кабине, мы в крытом кузове, Фатей дает нам время осмыслить сказанное им. Но ему всегда кажется, что сказано мало, что мы еще не совсем докорректированы, он останавливает машину среди леса и велит выходить.

— Встаньте полукругом, так. Мы в лесу. Лес — прообраз планетарного общежития, а в каждом дереве прообраз нервной системы. Сердце дерева у корня. Рубить дерево нужно как рубили вначале, каменным топором и повыше, чтоб не тронуть сердце. Сейчас пилят прямо по сердцу, чтоб убить. Такова психология современности — не войти в содружество с природой на правах отца, а подчинить через страх, через убийство. Засыпать землю отравой, ядом. Душа дерева перед сгоранием вспыхивает, понаблюдайте в костре за любой щепочкой или прутиком, перед гибелью вспыхивает, душа искрой уносится в небо. Дерево падает со стоном, плачет перед смертью, укоряет. Ударь березу топором, приди к ней через десять лет — узнает. Природа корректировалась дважды: ледником, который все сглаживал, потом природа отлаживалась заново, а вторая коррекция — всемирный потоп. В первой коррекции у нас должна быть экологическая совесть, природа десятки тысяч лет формировала пейзаж, мы его запакостили. Смотрите — ферма, свинарник, пакость антенн, это огрубляет природу. Вписывается в природу церковь, дом, банька у реки. На нерест раньше не звонили колокола, не тревожили рыбу. Зимой ей делали лунки для дыхания, сейчас только для ловли. Вторая коррекция — потоп — нравственная, сопряжена с программой наследства, она не у всех духовна, надо работать над этим. Как? Улучшать землю, дом, огород. Нет яблонь, посади! Есть пять, оставь сыну десять. Даже птица улучшает гнездо, прилетая раз в год. Фермы — концлагеря для коров. У коровы должна быть хозяйка. Корова понимает до тысячи слов и сто интонаций... Так, — Фатей секунду подумал. — Это потом. В машину!»

Не успели мы осмыслить даже и одну коррекцию, как снова остановка. Уже без команды высказываем, становимся в полукруг. Фатей: «Я ждал, что попадетсЯ муравейник, нет, все загублено. Придется представить. Муравейник, что это? Это высшее развитие самостоятельной живой природы и ее тупик. Также и улей. У муравьев есть начальники, есть солдаты, есть рабочие. Есть королева. Есть расчеты на зиму и есть знание о том, какая будет зима. В соответствии с этим количество рабов, которые выводятся из яиц. Есть разведчики. Общение через магнитные волны. И тут же — полная тупость. Но и пример — выбрасывание трутней. Лишние рты ликвидируют. — Фатей отвел мешавшую ему ветку, оглянувшись и таким же тоном, будто продолжал о муравьях, сказал: — Бузина. Показатель азота. Растет на заброшенных усадьбах. Ель. Самое миролюбивое дерево. Нянька леса. Вырубленный лес никогда не восстанавливается в старом виде. Вырастает

качеством на порядок ниже. Вопрос — почему? — Мы съезжились. — Нарушен порядок природы. Коррекция, — упрек в нашу сторону, — нарушена. Два чуда в природе: человек и что? И лес. Лес — кислород. Но есть и деревья-волки, например, сосна среди елей. — Тут Фатей, наверное, решил, что это еще сложновато пока для нас и закончил лекцию угрозой: — А Россию западный мир вводит в состояние муравейника, Россию хотят поглотить. Империализм — волк. — Фатей помолчал, вспомнил: — После выстрела вся жизнь в округе на километр замирает. После залпа вся жизнь замирает в округе на десять километров. При атомном взрыве замирает вся планетарная жизнь. Поехали!»

О разных непонятных явлениях, об НЛО, инопланетянах Фатей говорил так, будто и сам был из инопланетян. «Вон зависла тарелка, — говорил он, когда мы среди лунной ночи отходили от костра, отозванные от него опять же Фатеем, чтоб выслушать лекцию о ноосфере.

— Вся вселенная забита пакостью слабого человеческого разума. — Фатей разворачивал карту околоземного пространства. На ней разными цветами были показаны космические объекты, наши и американские. Наших было больше. — Пакость и мерзость. Скоро в космосе дышать будет нечем. Не-ет, космос просто вынужден будет внести коррекцию. Уже и сейчас обострилось внимание космоса к нам. И с Земли забираются люди для исследований, и среди нас есть люди с задачей разработки программы спасения Земли.

Смерти для Фатея не существовало. «Надо отпевать покойников. Обряд отпевания соединяет душу с космосом, она приходит к себе. Неотпетые души страшатся и мечутся. Они лишены земного тела и не могут попасть в Божию обитель. Это ад...»

Скажу в конце, что это очень немного из того, что сохранил я в памяти о Фатее Яковлевиче. Как же обостренно и даже трагически нам его не хватает. В наше оболганное и заболтанное демократами время. Как бы нужен был его сильный, смелый ум, его воля, его напористость в деле служения России.

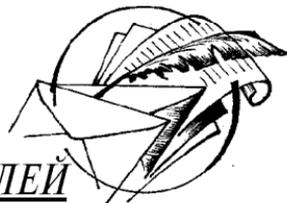
Вечная ему память.

ОНИ БОЯТСЯ ЛИШЬ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Сегодня в России сложилась крайне взрывоопасная криминогенная обстановка. Воры и убийцы, рэкетеры и террористы, пользуясь несовершенством наших законов и попустительством правоохранительных органов, в открытую перешли в наступление, нагло демонстрируя свою силу и солидарность. В стране получили широкое распространение прежде почти не встречавшиеся преступления: заказные убийства, похищение детей, захват заложников, педофилия и торговля наркотиками.

Современный преступник умен, дерзок и изворотлив. И ворует он миллиардами. Со всей остротой встал вопрос — кто кого: мы его или он нас. Время уговоров прошло, насилие должно быть остановлено силой. Другого пути нет!

Меры, предпринимаемые нашим правительством по борьбе с преступностью, не действуют. Пресловутый принцип «неотвратимости наказания», напроочь отрицающий жестокие меры борьбы, привел к небывалому росту преступности, а некоторые рецидивисты при этом стали иметь по 10 и более ходок на отсидку. А нас при этом по-пре-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

жнему пытаются убедить, что главное в борьбе с преступностью — это не ужесточение наказания, а его неотвратимость. Дескать, жестокость в правоприменительной практике никогда не приводила к уменьшению уровня преступности.

Наши правозащитники, прикормленные преступным миром, до сих пор пытаются нам внушить, что власть высокопоставленного жулья незыблема, а наворованное ими имущество неприкасаемо.

Конечно, если у вас есть личная охрана и по городу вы передвигаетесь в бронированной иномарке с тонированными стеклами, то вы можете изображать из себя «борца за соблюдение прав человека» и возражать против отмены моратория на смертную казнь. А если у вас нет ни того, ни другого и живете вы от зарплаты до зарплаты, то должны, просто обязаны, выступить за наведение порядка в стране железной рукой. Дальнейшего топтания на месте в борьбе с преступностью страна просто не выдержит.

Архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан считает: «Когда так спокойно стали совершать массовые убийства у нас на юге — в Кущевской и на Ставрополье — значит, у кого-то есть твердая уверенность в безнаказанности содеянного злодеяния. Значит, криминал пока ничего не боится».

Что с нами происходит? Почему разрешаем резать себя, словно баранов? Ведь если мы хотим сохранить себя как нацию, а Россию как самостоятельное государство, нужно принять срочные и решительные меры. Великий китайский мыслитель Конфуций в свое время говорил: «Добром нужно отвечать только на добро, а на зло нужно отвечать справедливостью».

В стране со всей остротой встал вопрос об отмене моратория на смертную казнь. В сентябре 2004 года пользователям Интернета был задан вопрос: «Должна ли Россия после событий в Беслане отменить мораторий на смертную казнь?». 82,2 % опрошенных, а это 1844 человека сказали, что терроризм должен караться смертной казнью. А это — «глас народа», который по нашей Конституции является «единственным источником власти в Российской Федерации».

Однако никакой реакции на это народное волеизъявление со стороны правящего режима не последовало. Но смертная казнь в России во все времена была самой действенной мерой самообороны общества от преступного беспредела, тем более что даже самые закоренелые убийцы и насильники боятся смерти не меньше, чем мы, грешные. И не нужно ничего выдумывать. Просто нужно вспомнить, как поступали наши предки.

В этом отношении весьма показательны события, которые происходили на улицах Москвы зимой 1941 года, когда немцы вплотную подошли к нашей столице. Воровство, бандитизм, насилие, разграбление складов и магазинов стали в городе обычным явлением и не прекращались ни днем, ни ночью. Тогда правительство пошло на чрезвычайные меры и разрешило работникам милиции расстреливать грабителей и насильников, задержанных на месте преступления, без суда и следствия. Через неделю в многомиллионном городе был наведен порядок.

А вот пример из мирной жизни. Издавна на территории Мордовии имелись исправительно-трудовые колонии, в которых и в настоящее время содержатся преступники, в том числе и убийцы. Многие заключенные, отбыв свой срок, на какое-то время задерживаются в этом регионе. Как правило, они устраиваются разнорабочими. Так вот, этих бывших зеков в Мордовии не боятся даже малые дети, поскольку никаких агрессивных действий к местному населению они не проявляют. Объясняется это тем, что каждый бывший зек знает, что за любое проявление насилия местные жители обязательно его поймут и убьют. И это справедливо. И не нужно бояться того, что будут говорить по этому поводу «на просвещенном Западе». Главное, не на словах, а на деле повести бескомпромиссную борьбу с преступностью.

Смертная казнь в России при Советской власти отменялась три раза: в 1917, 1920 и 1947 годах. И трижды высшая мера наказания признавалась необходимой и вновь становилась средством борьбы с преступностью, наиболее тяжкими ее проявлениями, такими, как преднамеренное убийство, шпионаж, распространение наркотиков, насилие над несовершеннолетними, мародерство и хищение государственной собственности в особо крупных размерах.

Страна на пороге крупных социальных потрясений. И уже никто не верит, что «на Шипке все спокойно» и что мы идем в правильном направлении. Ну сколько можно застой в народном хозяйстве преподносить как стабильность?

В последнее время много говорят и пишут об «экономическом чуде» в Китае. Убежден, что это результат жесткой и бескомпромиссной борьбы КПК с преступностью. Приведу несколько примеров.

За взяточничество в особо крупных размерах в Китае были расстреляны вице-губернатор провинции Цзянцин Ху Чанцин, директор департамента промышленности провинции Хунань Линь Готи и вице-спикер Всекитайского собрания народных представителей Чень Кэцзе.

Приговорен к 16 годам тюремного заключения бывший член Политбюро, мэр Пекина Чэнь Сатуном. Стал фигурантом уголовного дела член Политбюро, секретарь Шанхайского горкома Чэнь Ляньюй, причастный к растрате средств пенсионного фонда.

В 1992 году в Китае появились последователи Мавроди. Но не прошло и года, как создатели китайской финансовой пирамиды были арестованы и отданы под суд. По его приговору трое мужчин и одна женщина были поставлены перед толпой на колени и публично расстреляны.

Суд в Шанхае приговорил к смертной казни двух сутенеров, которые побуждали малолетних девочек вступать в связь с иностранными матросами и студентами.

А вот еще пример из международной судебной практики, которая считает, что перед законом все равны: и бомжи, и министры и даже президенты. Так, 26 августа 1996 года севильский уголовный суд приговорил к смертной казни бывшего президента Южной Кореи Чон Ду Хвана и к 22,5 годам тюремного заключения его преемника на посту главы государства Ро Дэ У. Оба отставных генерала были признаны виновными в военном мятеже и получении взяток на общую сумму 600 миллионов долларов.

Нам бы такое правосудие! Ведь многие авторы перестроечных реформ, развалившие наше народное хозяйство и хранящие золотовалютные резервы страны в зарубежных банках в каких-то сомнительных ценных бумагах под 2 % годовых, давно должны стать объектами тщательных прокурорских расследований.

Назову наиболее одиозные фамилии. На первое место, безусловно, следует поставить «лучшего немца столетия» иуду Михаила Горбачева, его идейного вдохновителя Александра Яковлева и бывшего министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе.

Затем следуют инициатор «Беловежского сговора» Борис Ельцин, призывавший руководителей национально-территориальных образований «брать суверенитета столько, сколько они смогут взять»; автор шоковой терапии «плохиш» Егор Гайдар; работник идеологического фронта Михаил Швыдкой, публично обвинивший русский народ в беспробудном пьянстве; телеведущий Владимир Познер, назвавший дело ЮКОСа «борьбой олигархов с олигофренами»; инициатор и непосредственный исполнитель «грабительской приватизации» Анатолий Чубайс; организаторы «кровавого октября 1993 года» Черномырдин, Грачев, Ерин, Лужков и ближайшие помощники Бориса Ельцина по развалу Советского

Союза Бурбулис, Козырев и Шахрай.

Большинство из них живы и здоровы, пишут мемуары и живут в свое удовольствие. Глядя на них, и нынешнее руководство страны работает ни шатко, ни валко, совершая одну «ошибку» за другой.

И еще несколько слов о споре наших правозащитников-теоретиков с практиками Министерства внутренних дел, осуществляющими надзор и охрану осужденных. Первые категорически возражают против отмены моратория на смертную казнь, поскольку считают, что пожизненное заключение убийц и насильников в правоприменительной практике значительно эффективнее, чем смертная казнь. Якобы, многие убийцы, услышав решение суда о своем пожизненном заключении, выкрикивали прямо в зале суда: «Вы лучше расстреляйте меня!». Но это, к сожалению, не соответствует действительности.

Вот что говорит по этому поводу начальник отдела безопасности тюремного комплекса на острове Огненный майор Василий Смирнов: «Мы давно не верим, что осужденные кричат «лучше расстреляйте меня!». Все они хотят жить. За мою бытность у нас было только одно самоубийство — зек распутал шерстяной носок, скрутил веревку и повесился.

Был случай побега. Неделю беглец проплутал по болотам без еды, среди комаров и мошки. Когда его, наконец, нашли, он плакал от радости.

Помню, как один из «смертников», которому смертную казнь заменили на пожизненное заключение, услышав это, сразу рухнул на колени и стал истово креститься. Только оказавшись на острове Огненный, он поверил, что его не расстреляют».

А вот исповедь зека Александра Леонова, приговоренного за двойное убийство к расстрелу, но получившего после введения моратория 25 лет тюремного заключения. Когда ему об этом объявили, то он так улыбался, будто его выпускают на свободу. И в этом нет ничего удивительного. Ведь у каждого пожизненно заключенного есть шанс выйти на свободу. Первые 10 лет он отбывает в строгих условиях содержания, далее — в обычных условиях, а там не за горами и свобода. Вот его слова: «Ожидая решения тюремного руководства на приведение смертного приговора в исполнение, я был свидетелем, что из 10 смертников, которых повели на расстрел, только один пошел сам, остальных охранники были вынуждены тащить под руки».

Такова правда жизни.

ПРОЗА

- АЗ Александр. **Жизнь не кончается**. Повесть — 10.
БЕРЕСНЕВ Валерий. **Белый царь**. Повесть — 7-8.
БОЙКОВ Нина. **Короткие рассказы** — 5-6.
БОЙКОВ Игорь. **От Ленибада до Ленинграда**. Рассказ — 3.
БОЛЬШАКОВ Владимир. **Рассказы** — 5-6.
ВЛАДИМИРОВ Александр. **Водоворот**. Повесть — 9.
ВТОРУШИН Станислав. **Ах, зачем эта ночь...** Рассказ — 11-12.
ДЕРЕВЯНКО Степан. **Два рассказа** — 11-12.
ДОБРОСКОКИН Юрий. **Рассказы** — 9.
ГРИБАНОВА Татьяна. **Пальч**. Рассказ — 11-12.
ЕРЕМЕЕВА Светлана. **Короткие рассказы** — 1-2.
ЕСЬКОВ Михаил. **Наречённая**. Рассказ — 10.
КИЛЯКОВ Василий. **Последние**. Повесть — 10.
ЛОКОЩЕНКО Михаил. **Миниатюры** — 9.
ЛУКИН Антон. **Короткие рассказы** — 7-8.
ЛУЦКИЙ Сергей. **Как-то после бани**. Рассказ — 7-8.
МАНУЙЛОВ Виктор. **Чёрное перо серой вороны**. Роман — 1-2, 3, 4, 5-6.
ОШЕВНЁВ Федор. **«Штопор»**. Рассказ — 10.
ПАХОМОВ Юрий. **Штурман и Светка**. Рассказ — 7-8.
ПАХОМОВ Юрий. **«Дырка»**. Повесть — 11-12.
ПРОНСКИЙ Владимир. **Рассказы** — 4.
РУМЯНЦЕВ Валерий. **Двери открываются автоматически**. Рассказ — 9.
УХАНОВ Иван. **Побег**. Рассказ — 9.

ПОЭЗИЯ

- АВРУТИН Анатолий. **У русского предела**. Стихи — 5-6.
БОРИСОВ Михаил. **Пока не списаны в запас**. Стихи — 5-6.
ВОРОТНИН Юрий. **Покормить с руки синицу**. Стихи — 10.
ГРИБАНОВА Татьяна. **Над голубыми тополями**. Стихи — 3.
ДЬЯКОВА Ольга. **Слушать небес голоса...** Стихи — 7-8.
ЗЕЛЕНЦОВ Анатолий. **В объятьях с рекой**. Стихи — 3.
КИРЮШИН Виктор. **В синем шелесте травы**. Стихи — 10.
КОЗЛОВЦЕВА Ольга. **За окном у меня**. Стихи — 9.
КОРОСТЕЛЁВА Валентина. **В ожидании метелей**. Стихи — 1-2.
КОРОТАЕВ Денис. **Свет и ток**. Стихи — 9.
КУКСОВ Юрий. **Мой лес...** Стихи — 11-12.
КУНИЦЫН Игорь. **Провинциальные сны**. Стихи — 1-2.
ЛИНЁВА Алла. **Не погасится свет...** Стихи — 4.
ЛОКОЩЕНКО Михаил. **Билет в один конец**. Стихи — 7-8.
МИЗГУЛИН Дмитрий. **Видна была Россия...** Стихи — 9.
МОЛЧАНОВ Владимир. **Я сижу у окна**. Стихи — 1-2.
НЕСТРУГИН Александр. **Засечная черта**. Стихи — 10.
ОРЛОВ Борис. **Под Божьей ладонью**. Стихи — 9.
ПАВЛОВСКАЯ Анна. **Девочка увидит птицу**. Стихи — 11-12.

РАССАДИН Константин. **Не в пустыне живу...** Стихи — 3.
РАЧКОВ Николай. **Верните русскому деревню!** Стихи — 11-12.
РОМАНОВА Раиса. **За русскою мглой.** Стихи — 7-8.
РЫЖИКОВ Иван. **Иду к истокам.** Стихи — 4.
РЫКОВ Павел. **Колодец.** Стихи — 4.
СЕМИЧЕВ Евгений. **Огненное сердце.** Стихи — 5-6.
СОРОКИН Александр. **Привкус детства.** Стихи — 3.
Стихи поэтов России — 1-2, 5-6, 11-12.
УСТИНОВ Валентин. **Солнце, пахнущее весной.** Стихи — 4.
ХАТЮШИН Валерий. **В тревожном ожиданье...** Стихи — 4.
ХАТЮШИН Валерий. **Путь земной.** Стихи — 11-12.
ШУВАЕВ Владимир. **Меня флаги на ветру.** Стихи — 7-8.
ЩЕРБАКОВ Юрий. **Родник надежды.** Стихи — 5-6.
ЩЁЛКОВ Иван. **За святою водой.** Стихи — 10.
ЮШИН Евгений. **Зари золотые поведья.** Стихи — 5-6.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

АВЕРЬЯНОВ Алексей. **Коррупция, либерализм и русофобия** — 1-2.
АНТОНОВ Михаил. **Русский идеал и корпоративное государство** — 1-2, 3, 4, 5-6, 7-8, 9, 10, 11-12.
АНТОНОВ Ростислав. **К новой колонизации России** — 4.
БОГДАНОВСКИЙ Владимир, АЛЕКСАНДРОВСКАЯ Лариса. **Мигранты превращаются в оккупантов** — 5-6.
БОНДАРЕНКО Николай. **Преступная деятельность по снижению рождаемости** — 1-2.
ВИНОГРАДОВ Борис. **Тупик либеральной смуты** — 9.
ВОЕВОДИНА Татьяна. **Дети в голове, а не в кошельке** — 9.
ВОЛОДИН Алексей. **Куда олигархи деньги прячут** — 1-2.
ГОРБАТОВ Александр. **Те же демоны веют над нами** — 9.
ГОРДЕЕВ Константин. **Без иллюзий** — 11-12.
ЖУКОВСКИЙ Владислав. **У неэффективного правительства неэффективное государство** — 3.
ИВАНОВ Андрей. **«Голубой» фашизм** — 11-12.
КАЛИНИН Александр. **«Пятнистая» страна** — 7-8.
КАРА-МУРЗА Сергей. **Светлый миф о частной собственности** — 4.
КАТАСОНОВ Валентин. **Грядущая глобальная экспроприация** — 10.
ЛЕМЕШЕВ Михаил. **Главное условие жизнеспособности России** — 5-6.
ЛЕОНОВ Артём. **Не пора ли предъяснить счета?** — 3.
ЛОКОЩЕНКО Михаил. **Мирное время** — 5-6.
МЕДВЕДЕВА Ирина, ШИШОВА Татьяна. **«Две вещи несовместные»** — 10.
МЕНЬШИКОВА Эмма. **Провинция Отечества.** Очерки русской жизни — 3, 4, 7-8, 10, 11-12.
ОСИПОВ Владимир. **Электронное рабство** — 9.
РОМАНОВ Игорь. **Мультикультурализм по-русски** — 7-8.
РУБЦОВ Юрий. **90-летие СССР и наше будущее** — 5-6.
РЯБИЧЕНКО Людмила. **Законы перераспределения детей** — 4.
САМСОНОВ Александр. **Угроза национальной безопасности страны** — 5-6.
САУЛКИН Виктор. **Война за русскую историю** — 10.
САУЛКИН Виктор. **Крокодиловы слёзы «Союза Меча и Орала»** — 4.

СМЫК Владимир. **Сколько университетов оставит России Всемирный банк?** — 3.

СМЫК Владимир. **Операция «Трест Д.Е.» в действии** — 11-12.

СУПЕР Евгений. **Беспилотные «голуби мира»** — 11-12.

ТЕРЕНТЬЕВ Александр. **Германию вновь охватила волна русофобии** — 10.

ТИМОШИНА Елена. **Защита «прав детей» или уничтожение семьи?** — 7-8.

ТРОИЦКИЙ Всеволод. **Русофобский экстремизм от Министерства образования** — 7-8.

ФРОЯНОВ Игорь. **Нужна новая борьба с космополизмом** — 7-8.

ХАЗИН Михаил. **Мир на пороге новых времен** — 1-2.

ЧЕТВЕРИКОВА Ольга. **Цивилизация нелюдей** — 11-12.

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

МЕДВЕДЕВА Ирина, ШИШОВА Татьяна. **Читайте Хаксли!** — 7-8.

ДОСЬЕ «МГ»

БЕРГСЕТ Ирина. **Закат ювенальной политики в Европе** — 7-8.

ВАНЬКОВ Василий. **Чубайс** — 4.

ВОЛОДИН Алексей. **Сколько нам должны прибалтийские республики** — 7-8.

Воры во власти. (Подборка материалов о коррупции в России) — 9, 10.

ГЛАДИЛИН Иван. **Власти «поскромничали»** — 10.

ЕМЕЛЬЯНОВ Олег. **Демократический нацизм** — 5-6.

ИЗЮМОВ Юрий. **К власти — по трупам** — 5-6.

К чему приведёт «толерантность» в иммиграционной политике (Заявление Национального Медиа-Союза) — 4.

КОМКОВ Сергей. **Министерство без образования** — 4.

МАЛИШЕВСКИЙ Николай. **Польский плен: как уничтожили десятки тысяч русских** — 1-2.

МАЛИШЕВСКИЙ Николай. **Тайна 11 сентября** — 3.

МАЛИШЕВСКИЙ Николай. **Афганистан при американской оккупации** — 5-6.

МАЛИШЕВСКИЙ Николай. **Революция Иосифа Сталина** — 9.

НАЗАРОВ Герман. **Десять лет спустя** — 1-2.

РОСЛЯКОВ Александр. **Страшной войны** — 4.

ФАЛЬКОВ Михаил. **Взаимовыгодное сотрудничество** — 3.

ЧИЧКИН Алексей. **Ленинская мина под сталинской СССР** — 5-6.

ЧУВАКИН Олег. **НАТО: сделано нацистами** — 1-2.

ШЕВЧЕНКО Валерий. **Забытые жертвы октября 1993 года** — 10.

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

ЖУКОВСКИЙ Владислав. **Живо дело кремлёвского кукловода** — 10.

МИРОНОВ Борис. **И чёрного кобеля можно отмыть добела** — 10.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

АРЕФЬЕВ Вадим. **Памятное** — 7-8.

БОЙКО Нина. **Обделённые и обиженные** — 3.

КРУПИН Владимир. **Фатей**. Памяти Фатей Яковлевича Шипунова — 11-12.
ПОДСВИРОВ Иван. **Дорога к синим скалам** — 7-8.
ХАТЮШИН Валерий. **Протуберанцы**. Размышления и воспоминания — 5-6, 11-12.
ЧЕРКЕСОВ Валерий. **Прислушайся** — 9.

РУССКИЙ ВОПРОС

АВАГЯН Вазген. **Национальная измена** — 10.
АНДРЕЕВ Михаил. **О терроризме «на бытовой почве»** — 11-12.
БАШЛАЧЁВ Вениамин. **О демографической эксплуатации русского народа** — 11-12.
БОЙКОВ Игорь. **На службе врагов России** — 9.
ГЛАДИЛИН Иван. **Вместо терпимости — «толерантность»** — 9.
ГЛАДИЛИН Иван. **Очередное предательство** — 11-12.
ГУЛЕВИЧ Владислав. **Русские на Кавказе** — 4.
ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Время собирать земли** — 10.
КАРАМЫШЕВ Сергей. **Либералам снятся тоталитарные сны** — 3.
КУРАЕВ Олег. **О народолюбии** — 10.
МОШЕВ Валерий. **Вернуть России русских** — 4.
ПОПОВ Эдуард. **Миграционная политика либералов** — 4.
ПРОСТАКОВ Сергей. **Конфликт как следствие национальной политики** — 11-12.
РОДЧЕНКОВА Елена. **Права на смерть не имеет** — 3.
САВВИН Дмитрий. **Конституционная прописка** — 4.
САВЕЛЬЕВ Андрей. **О национальном государстве** — 1-2.
СОЛОГУБ Валентина. **На костях разгромленной Москвы** — 9.
ТЕРЕНТЬЕВ Денис. **Кто в доме хозяин?** — 4.
ХАТЮШИН Валерий. **Либеральное мракобесие** — 1-2.
ЧЕРНЫШЁВ Евгений. **Что такое Европа и почему она чужда нам** — 3.
ШУМСКИЙ Александр. **У русских хотят вырвать язык** — 1-2.
ШУМСКИЙ Александр. **Величие или смерть?** — 9.
ШУМСКИЙ Александр. **Хитромудрые...** — 11-12.

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

АМУСИН Александр. **Орден для внука**. Рассказ — 1-2.
ВАСИЛЬЕВА Надежда. **Плач Синайских гор**. Рассказ — 3.
ВЕДЮШЕНКО Наталья. **Васильковые дни**. Стихи — 1-2.
ЗУБОВ Евгений. **Новые сны**. Стихи — 3.
КОЗЛОВЦЕВА Ольга. **Во славу Божию**. Рассказ — 3.
МЕЛЬНИКОВ Виктор. **На острове боли**. Рассказ — 1-2.
ШЕМОКМЕДЕЛИ Давид. **Измена**. Рассказ — 1-2.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

БЕЛОЗЁРОВА Елена. **Мужество как символ времени** — 7-8.
КОНЯЕВ Николай. **Спаситель Отечества** — 5-6.
МАСЛОВСКИЙ Леонид. **Курская битва** — 9.

СИМВОЛ ВЕРЫ

- КОНЯЕВ Николай. **Дивеевская тайна** — 7-8.
САУЛКИН Виктор. **Традиционные ценности и либеральная секта** — 9.

ИСКУССТВО

- КЛЯЙН Анна. **Свобода творчества или заказуха** — 1-2.
ЛЮБОМУДРОВ Марк. **Театр — это вторая родина** — 4.
ПРОНСКИЙ Владимир. **Две встречи** — 1-2.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

- ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Раздвоение** — 3.
ЮДИН Владимир. **Пророческий зов**. К 85-летию писателя А.С. Иванова — 5-6.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- БЕЛОВ Василий. **Тяжесть креста** (Из воспоминаний о Василии Шукшине) — 11-12.
ПЕРЕДРЕЕВ Анатолий. **Баня Белова**. Поэма — 11-12.
ПОДСВИРОВА Любовь. **Софья Толстая-Есенина и «неистовые ревнители»** — 1-2.
ЧИВИЛИХИН Владимир. **Память**. Отрывок из книги — 4.

КРУГ ЧТЕНИЯ

- Поднявшийся над сумраком** — 3.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

- АБРАМОВ Борис. **Они боятся лишь смертной казни** — 11-12.
АПРЕЛЕВ Вячеслав. **Как сокращают население России** — 10.
МАСЛОВСКИЙ Леонид. **Нам говорят неправду** — 5-6.